

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

МАТЕРИАЛЫ
ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

СКИФСКИЕ
ДРЕВНОСТИ КРЫМА

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА
МАТЕРИАЛЫ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

**МАТЕРИАЛЫ
ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ**

КИЕВ
2014

УДК: 930.26
ББК: 63.44
С 44

- С 44** **Скорый С.А., Зимовец Р.В.** Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К.: Видавець Олег Філюк, 2014. — 180 с.

ISBN 978-617-7122-41-7

Основу книги составляет обстоятельный Каталог нескольких сотен вещей скифской культуры, обнаруженных, как правило, при случайных обстоятельствах в последние годы на территории Крыма и составивших одну из наиболее крупных частных коллекций. Большая часть артефактов — разнообразное вооружение, детали воинской амуниции и предметы конского снаряжения, в числе которых представлены как известные вещи, так и ряд уникальных изделий.

Определены типолого-хронологические позиции различных функциональных категорий изделий в контексте скифских древностей Крыма, рассмотрены определённые аспекты искусства звериного стиля, высказаны некоторые соображения к истории полуострова в раннем железном веке.

Для археологов, историков, сотрудников музеев, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется древней историей.

УДК: 930.26
ББК: 63.44

На первой странице обложки *фото наверху*.
Найдено близ Белогорска (по Каталогу № 395).

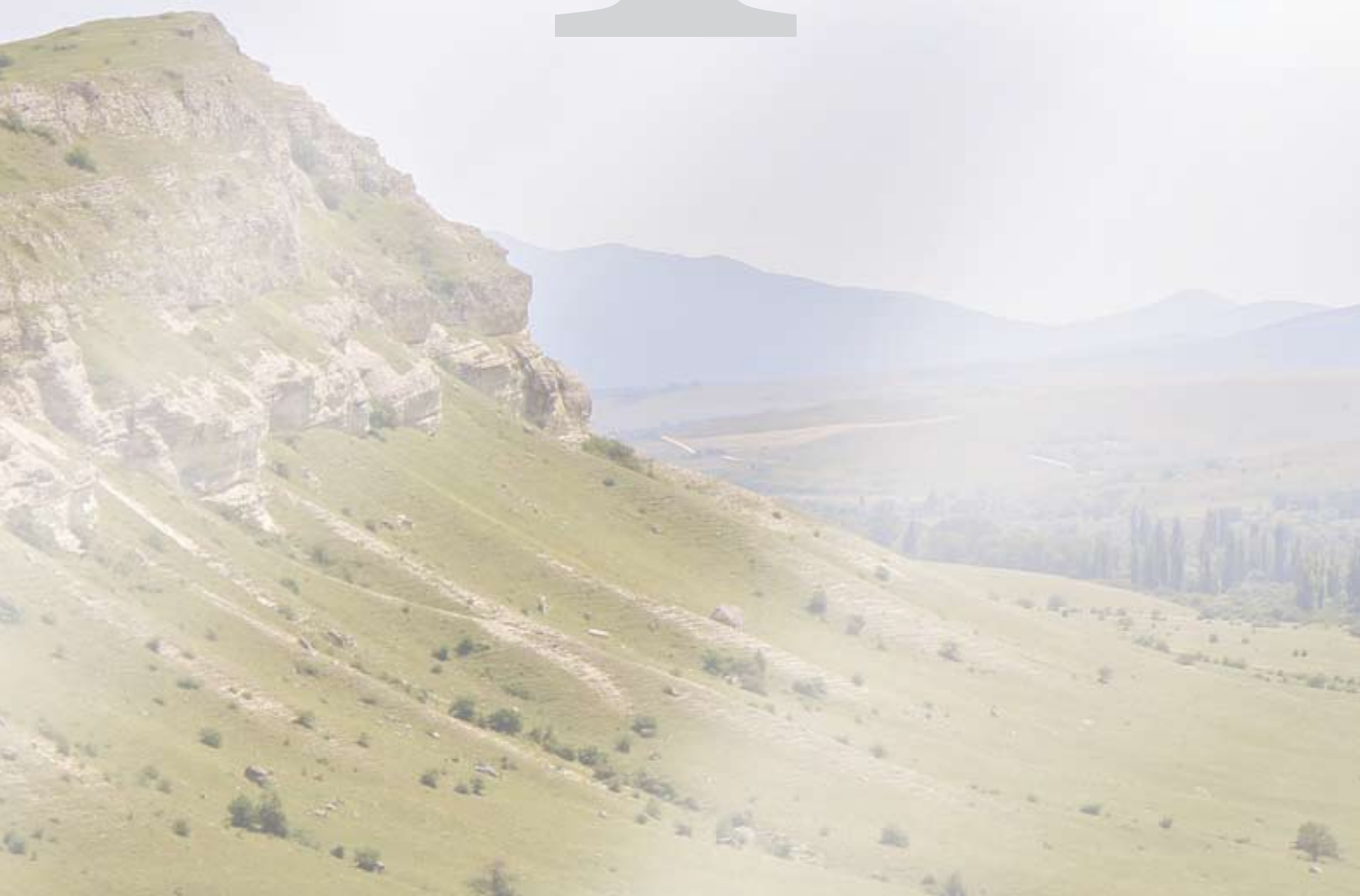
СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ: К ИЗУЧЕНИЮ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА	9
2. КАТАЛОГ НАХОДОК	19
2.1. Вооружение	19
2.1.1. Мечи, кинжалы, бутероли ножен	19
2.1.2. Наконечники копья и дротиков	43
2.1.3. Наконечники стрел	46
2.2. Детали воинского костюма	54
2.2.1. Пряжки ремней	54
2.2.2. Застёжки-крючки от колчана-горита или портупей	56
2.3. Металлические детали конской упряжи и украшения погребальной повозки	59
2.3.1. Остатки тризны близ кургана	59
2.3.2. Комплекты деталей упряжи	63
2.3.3. Псалии	68
2.3.4. Распределительные пряжки-пронизи	70
2.3.5. Налобник	72
2.3.6. Наносники	73
2.3.7. Нащёчные бляхи	83
2.3.8. Мелкие бляхи	92
2.3.9. Подвески	132
2.4. Культовые предметы	133
2.4.1. Навершия	133
2.4.2. Топорики-скипетры	135
2.4.3. Ножи	136
2.5. Матрица и штамп для чеканки аппликаций	138
2.5.1. Матрица	138
2.5.2. Штамп	138
3. МЕСТО КОЛЛЕКЦИИ В КРУГУ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ КРЫМА	143
ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	171
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	179

**ВВЕДЕНИЕ:
К ИЗУЧЕНИЮ СКИФСКИХ
ПАМЯТНИКОВ КРЫМА**

Крымский полуостров, являющийся естественным географическим продолжением северопричерноморской Степи, вовсе не обделён древностями классической скифской культуры¹. Более того — и это достаточно широко известный факт — именно открытие гробницы, вероятно, представителя высшей скифской элиты с замечательными находками конца V—IV вв. до н. э. в кургане Куль-Оба² близ Керчи, в марте 1830 г., под руководством смотрителя керченских соляных озёр Поля Дюбрюкса (Поля Дю Брю), выполнявшего поручение Керчь-Еникальского градоначальника И.А. Стемпковского (*ДБК*, 1854; *Ростовцев*, 1925, с. 440—462; *Тункина*, 2002, с. 161—168), положило начало систематическим исследованиям скифских курганов на Керченском полуострове, на Юге России в целом и способствовало формированию особой исторической науки — скифологии.

Впрочем, следует указать, что ещё ранее, в 1821 г., при случайных обстоятельствах, в кургане, располагавшемся недалеко от Куль-Обы, была найдена группа предметов, в том числе изготовленных из драгоценных металлов и оформленных в традициях скифского искусства, попавших впоследствии к командиру гребной флотилии капитан-лейтенанту Н.Ю. Патиоти, именем которого и был впоследствии назван этот курган (*Ростовцев*, 1925, с. 386).

Позже, в 1860—1880-х гг., на Керченском полуострове последовал ряд открытий иных интереснейших скифских памятников: в 1862 г. А.Е. Люценко — захоронения скифского конного воина V в. до н. э. в Ак-Бурунском кургане (*ДБК*, 1854, с. 256), в 1869—1871 гг. А.Е. Люценко и П.И. Хицуновым — курган на Темир-

Горе с основной могилой скифского воина, содержавшей выразительные предметы погребального инвентаря, в том числе южно-ионийскую ойнохойю третьей четверти VII в. до н. э. (*ОАК за 1869*, с. XI; *ОАК за 1870—1871*, с. XX—XXI). Следует подчеркнуть, что указанное погребение в кургане на Темир-Горе по сей день является одним из наиболее надёжно датированных захоронений раннескифской культуры (*Копейкина*, 1972; *Яковенко*, 1972), которое сейчас уверенно относят к 40—30-м годам VII в. до н. э. (*Алексеев*, 2003, с. 295; *Вахтина*, 2004, с. 209). В 1875 г. А.Е. Люценко в кургане на мысе Ак-Бурун раскопал сожжение богатого скифского воина с золотым головным убором (*ОАК за 1875*, с. 5, XXXIII—XXXIV). В эти же годы А.Е. Люценко, Н.П. Кондаковым и С. Верebrюсовым начинается исследование курганов и грунтовых погребений Нимфейского некрополя (у с. Героевка), в которых был обнаружен ряд выразительных скифских захоронений V—IV вв. до н. э. (*ОАК за 1875*, с. XXXIV). К сожалению, некоторые нимфейские грунтовые могилы в конце 1860-х гг. были подвергнуты грабительским раскопкам, и весьма ценные материалы из них со временем оказались в Великобритании, в собрании Ashmolean Museum, в Оксфорде. Впоследствии они были монографически изданы М. Виккерсом (*Vickers*, 1979; 2002, р. 3—55)³. Наконец, в 1882—1883 гг. Н.П. Кондаковым были осуществлены работы по исследованию кургана у с. Баксы (ныне Глазовка), к северу от Керчи, где в одном из погребений были найдены останки скифского воина в сопровождении боевых коней (*ОАК за 1882—1888*, с. XVI).

В конце XIX в. ряд интересных скифских погребальных памятников был исследован в Центральном Крыму членами Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК) и Императорской археологической комис-

¹ Вместе с тем, Крым является важнейшим центром полиэтничной позднескифской культуры, изучение которой осуществляется здесь давно и успешно.

² О том, кто был погребён в Куль-Обе, существует ряд мнений. См. библиографию вопроса: *Власова*, 2013, с. 98, 99.

³ О перипетиях этих событий см. более подробно: *Скорый*, 1985.

сии (ИАК) Н.И. Веселовским, Ю.А. Кулаковским, А.О. Кашпаром, А.Х. Стевенем, Ф. Лашковым, прежде всего — у Симферополя, а также в Бахчисарайском и Черноморском районах.

Среди них — замечательные неогрabenные погребения знатных скифских воинов: в Золотом кургане (V в. до н. э.), раскопки 1890 г. А.Х. Стевена и А.О. Кашпара (ОАК за 1890, с. 4—7; *Стевен*, 1891, с. 147—149); Талаевском кургане (IV в. до н. э.) (бывшее имение М. Талаевой «Кара-Кият»), раскопки 1891 г. Н.И. Веселовского (ОАК за 1891, с. 47; *Манцевич*, 1957) в окрестностях Симферополя; в кургане № 2 (Кулаковского) у с. Долинное (рубеж VI—V вв. до н. э.) Бахчисарайского района (между реками Альма и Кача), раскопки 1895 г. Ю.А. Кулаковского (ОАК за 1895, с. 17—18).

В 1890-х гг. под руководством Н.И. Веселовского были осуществлены исследования ряда скифских погребений в курганах Центрального Крыма, в том числе — у с. Мирное (Дорт-Оба или курган Пастака)⁴ (СППССП, 1986, с. 47), на бывшей земле Бобовича (ОАК за 1895, с. 15—16; *Кашпар*, 1896, с. 144, 146), на бывшей земле Крыма (ОАК за 1895, с. 13; *Кашпар*, 1896, с. 144—145). Наиболее раннее (центральное) захоронение — 2-й половины VI — рубежа VI—V вв. до н. э. открыто в кургане № 3 на земле Бобовича.

У с. Березовка Черноморского района (бывшее имение Тавкель-Нейман) Ф. Лашков в 1894 г. раскопал центральную могилу V в. до н. э. со скифским оружием и сосудом кизил-кобинского типа (*Лашков*, 1895, с. 116—117).

В эти же годы эпизодические раскопки скифских курганов в Крыму осуществляются и отдельными землевладельцами. Как пример, можно привести деятельность владельца имения «Разорённый

Аиш» Г.Н. Ханджиева, вскрывшего на своих землях несколько курганов со скифскими захоронениями V в. до н. э. (*Колтухов*, *Сенаторов*, 2013).

С конца 1890-х гг. и примерно по 1940-е гг. исследования скифских памятников в Крыму велись крайне эпизодически: в 1914 (?) г. в районе Евпатории при неизвестных обстоятельствах были обнаружены золотые изделия из скифского элитного кургана Чаян (?) (*Scheglov*, *Katz*, 1991), в 1924 г. на окраине Симферополя (бывшая деревня Бахчи-Эли) в кургане № 2 раскопана основная скифская могила IV в. до н. э. (*Эрнст*, 1931, с. 79—80) и в другом — раннескифское погребение (*Троицкая*, 1951, с. 90; *Скорый*, 1986, с. 47). В 1927 г. Ю.Ю. Марти исследовал на Керченском полуострове, в районе античного Китея, курган Джурч-Оба с двумя скифскими погребениями IV—III в. до н. э. (одно — захоронение знатного скифского воина в сопровождении конской могилы) (*Яковенко*, 1974, с. 70—71). В 1930 г. Н.Л. Эрнст раскопал курган № 1 с двумя скифскими катакомбами у пос. Бережное (бывшее Камкалы), в Присивашье (*Эрнст*, 1931, с. 91; *Скорый*, 1982а). В 1933 г. близ городища у с. Оленёвка Черноморского района были осмотрены 5 скифских курганов (Караджинская группа) с каменными гробницами V—III вв. до н. э., ограбленными в XIX и XX вв. (*Археологические ...*, 1941, с. 270). Наконец, несколько скифских памятников было раскопано во второй половине 1940-х гг. Тавро-Скифской экспедицией под руководством П.Н. Шульца, в частности — Белогорский склеп (1947) (*Шульц*, 1949, с. 65), впускное и основное погребения IV в. до н. э. в курганах некрополя Калос-Лимена (1948) (*Троицкая*, 1951, с. 91, 93).

Ситуация с изучением скифских памятников Крыма решительным образом изменилась с начала 1960-х гг., в первую очередь, в связи с большими новостройками, охватившими Юг Украины, орошением земель и пр. На полуострове археологические работы в этот период, прежде

⁴ Недавно материалы курганов — Золотого, Дорт-Оба, Талаевского и Кулаковского были проанализированы на современном научном уровне (*Колтухов*, 1998; 1999; 2008; *Колтухов*, *Сенаторов*, 2014).

всего, были связаны со строящимся Северо-Крымским каналом и его многочисленными ответвлениями, охватившими, по сути, всю степную зону Крыма.

Многолетними работами Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН (позже — НАН Украины) (1961—1995 гг., начальники А.А. Щепинский, В.Н. Корпусова, В.А. Колотухин, С.Г. Колтухов) были охвачены практически все районы Крыма — Присивашье, Керченский полуостров, Центральный, Северо-Западный Крым. Среди чрезвычайно значительного количества подкурганых погребений, изученных ею в курганах Крыма, определённый процент составляют скифские захоронения, материалы которых изданы в монографиях и сборниках (Щепинский, Черепанова, 1969, с. 63—72; Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 13—20, 23, 32; Бессонова, Черных, Куприй, 1984, — С43—47, 6; Корпусова, 1984, с. 92—93; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 11—114; Колтухов, Тощев, 1998, с. 170—174; Колотухин, 2000). К числу принципиально важных для скифской археологии погребальных памятников относятся: раннескифская могила (№ 1) в кургане № 11 у с. Филатовка Красноперекопского района с южно-ионийской ойнохоей 3-й четверти VII в. до н. э. (Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 61, 63; рис. 16; 17: 1; Корпусова, 1980), захоронение тяжёловоружённого скифского воина V в. до н. э. в кургане у с. Вишнёвка Красноперекопского района, в Присивашье (Андрух, 1988).

Результативными для изучения скифских древностей явились работы Керченской экспедиции Института археологии (позже — НАН Украины) (1964—1967 гг., начальник А.М. Лесков), проводившей охранные раскопки на Керченском полуострове. Помимо подкурганых захоронений рядовых скифов, материалы которых были своевременно изданы (Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970; Яковенко, 1970) и легли в основу диссертации, а впоследствии — монографии Э.В. Яковенко (1969;

1974), экспедицией в 1964 г. были исследованы могила представителя высшей скифской элиты с оригинальными золотыми изделиями в кургане у с. Ильичёво (Лесков, 1968) и в 1964—1966 гг. — довольно обширные грунтовые могильники у сс. Фронтное и Золотое (Цвек, 1968; Корпусова, Орлов, 1978).

В эти же годы (1965, 1967) экспедицией Керченского историко-археологического музея проведены раскопки захоронений эллинизированной скифской элиты в группе Трёхбратние курганы у Тобечикского озера в восточной части Керченского полуострова, содержавшие великолепные находки, в том числе — предметы эллинской торевтики (Кирилин, 1968; Бессонова, 1973; 1977)⁵.

Начало 1980-х гг. ознаменовалось работами на Керченском полуострове, в зоне строительства Крымской АЭС, у с. Семёновка, Акташской археологической экспедиции (1980—1981 гг., начальник С.С. Бессонова), осуществившей раскопки одного из наиболее масштабных курганных могильников скифского рядового населения в Крыму (более 60 насыпей), материалы которого довольно оперативно были изданы монографически (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988). К числу наиболее заслуживающих внимание захоронений могильника относится неграбленное погребение скифского воина в катакомбе 2-й половины V в. до н. э. (Бессонова, Скорый, 1986).

В 1977—1986 гг. в Северо-Западном Крыму работал вначале Степной отряд экспедиции исторического факультета МГУ, позже оформившийся в экспедицию Института археологии АН СССР под руководством В.С. Ольховского. Был открыт ряд скифских захоронений, в том числе в сопровождении каменных изваяний. Результаты исследований нашли отражение в соответствующих статьях (Ольховский, 1982; 1990).

⁵ Недавно материалы этих памятников изданы в виде обстоятельной монографии (Бессонова, Быковская, Детерлинг и др., 2008).

В конце 1970-х — 1980-х гг., помимо работ упомянутых экспедиций, спасательные эпизодические раскопки отдельных скифских погребальных памятников осуществлялись сотрудниками Керченского историко-археологического и Крымского краеведческого музеев (Кислий, Скорий, 1990; Гаврилов, 1993; Пуздровский, Тоцев, 2001).

В целом, системное полевое археологическое изучение памятников классической скифской культуры завершились в Крыму в основном к середине 1990-х гг., т. е. два десятилетия назад. В 1996 г. были проведены раскопки нескольких небольших курганов на могильнике Ак-Кая близ Белогорска, и предприняты попытки исследования одного из наиболее крупных (высотой 9,5 м) скифских элитных курганов некрополя — Беш-Оба-IV. В 2002 г. на упомянутом аристократическом кургане работы были продолжены, но они не принесли ожидаемых результатов (Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997; Колтухов, Мыц, 2001; Колтухов, 2006; 2007; 2008а).

Начало XXI в. в истории полевого изучения скифских древностей Крыма ознаменовалось лишь эпизодическими исследованиями отдельных курганов или погребений в основном IV в. до н. э., чаще всего с погребальными конструкциями в виде каменных склепов, в долине р. Зуя (А.Е. Пуздровский, раскопки 2002 г.) и р. Бююк-Карасу (В.А. Колотухин, раскопки, 2002 г.) (Пуздровский, 2007, с. 26; Колтухов, 2005). На этом фоне интересным представляется погребение второй половины — конца V в. до н. э., к сожалению, основательно разрушенное, в кургане № 1 у с. Молочное Симферопольского района. В кругу его немногочисленного инвентаря находилась довольно оригинальная большая серебряная накладка-аппликация горита или колчана с изображением двух сидящих орлов (Гаврилов, Тоцев, 2014, с. 45; рис. 8).

Для решения достаточно дискуссионного вопроса о времени появления так называемых коллективных скифских под-

курганых захоронений Крыма важное значение имели раскопки двух курганов у с. Кринички Кировского района (Предгорный Крым), осуществлённые в 1995 г. А.В. Гавриловым и М.Г. Крамаровским (Гаврилов, Крамаровский, 2001) и в 2005 г. — В.В. Кропотовым (Кропотов, 2009). Последние раскопки убедительно показали, что данный обряд погребения относится либо к концу V, либо 1-й половине IV вв. до н. э.

Пожалуй, для полноты картины, следует упомянуть и о результатах неразрушающих дистанционных и геофизических исследований крупных, вероятно, скифских курганов в Северо-Западном Крыму, осуществлённых в 2010—2012 гг. совместной Гео-археологической экспедицией Санкт-Петербургского государственного университета и Орхусского университета (Дания) (Щеглов, Кац, Смекалова, Беван, 2013), в 2013 — совместной Крымской комплексной экспедиции Крымского филиала Института археологии и Гео-археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета (Смекалова, Колтухов, Чудин, 2014), но эти работы имеют, скорее, углублённо разведочное значение.

Следует также отметить, что ряд предметов скифской материальной культуры был найден в то или иное время при исследовании памятников таврской культуры Горного Крыма, однако их общее число (на фоне иных скифских находок в Крыму) в целом невелико (см. обобщающие работы: Лесков, 1965; Крис, 1981; Колотухин 1996; Кравченко, 2011).

С накоплением материалов по скифской классической культуре в Крыму осуществлялись попытки их обобщения и систематизации. Первая из них отражена в статье А.А. Спицына (Спицын, 1918), позже — в разделе монографии М.И. Ростовцева (Ростовцев, 1925). В конце 1940-х гг. в известной статье М.И. Артамонова кратко изложены представления автора о скифских древностях Крыма (Артамонов, 1949).

Но, пожалуй, первыми, наиболее основательными работами по этой проблематике следует считать обобщающую статью Т.Н. Троицкой (*Троицкая, 1951*) и её кандидатскую диссертацию, посвящённую скифским погребальным памятникам Крыма (*Троицкая, 1954*). Исследовательница не только представила общую картину распространения скифских древностей на территории Крыма, но и поставила вопрос о локальных особенностях скифской культуры — в Центральном Крыму и на Керченском полуострове (*Троицкая, 1957*).

С точки зрения изучения локальных особенностей культуры «крымских» скифов были подготовлены (уже упоминавшиеся) диссертация, а позже — монография Э.В. Яковенко о памятниках Керченского полуострова (*Яковенко, 1969; 1974*). К слову сказать, по прошествии определённого времени, ряд вопросов, связанных со скифской культурой в Восточном Крыму, был рассмотрен в докторской диссертации упомянутой исследовательницы (*Яковенко, 1985*).

Значительное внимание исследованию скифской эпохи в Крыму уделял В.С. Ольховский, привлекая археологические и письменные источники, изучая взаимоотношения этносов, живших на полуострове в раннем железном веке, особенности культуры населения различных крымских регионов (*Ольховский, 1981; 1982; 1991*). Исследователь выделил в Крыму четыре локальные группы скифских памятников: западнокрымскую, присивашскую, предгорную и восточно-крымскую (*Ольховский, 1991, с. 136—149*). Правда, сделал он это «для удобства обработки материалов» и лишь для памятников IV—III вв. до н. э. (*Ольховский, 1991, с. 136*). Им же совместно с И.Н. Храпуновым была написана небольшая научно-популярная книга «Крымская Скифия», по сей день являющаяся, по сути, единственной обобщающей работой по скифской проблематике в Крыму (*Ольховский, Храпунов, 1990*).

В 1980-х гг. при подготовке коллективной монографии, посвящённой скифским погребальным памятникам Северного Причерноморья, был составлен свод погребений Крыма (*Скорый, 1986*).

В 1990-х — начале 2000-х гг. И.Н. Храпунов, работая над проблемой этнической истории Крыма в раннем железном веке, изложил свои представления о скифской классической культуре в соответствующих разделах монографии и докторской диссертации (*Храпунов, 1995, с. 29—49; 2003, с. 15—18*).

В последнее время С.Г. Колтухов начал системную публикацию на уровне монографий материалов скифских памятников Крыма, ориентируясь на локальные группы культуры, выделенные В.С. Ольховским, предлагая ландшафтно-историческое районирование археологических памятников в рамках каждой из этих групп, для всего скифского периода (*Колтухов, 2012; 2012a*). В этом же ключе написана и обстоятельная обобщающая статья С.Г. Колтухова, посвящённая скифам горной части Крымского полуострова (*Колтухов, 2014*).

Итак, из предложенного нами обзора (отнюдь не исчерпывающего) вполне очевидно, что памятникам скифской эпохи в Крыму как с точки зрения полевых исследований, так и публикации материалов и написания обобщающих работ уделялось в отечественной науке весьма пристальное внимание.

Вместе с тем, при общем взгляде на присутствие скифских древностей (а, соответственно, и скифов) в Крыму, несмотря на довольно продолжительный период осуществления археологических работ в данном регионе, бросаются в глаза следующие обстоятельства.

1. *Весьма малое число погребальных памятников или отдельных случайных находок раннескифского периода, т. е. VII—VI вв. до н. э.* Впрочем, сходная картина имеет место в целом в степной зоне Северного Причерноморья, на что неоднократно обращали внимание исследователи, пред-

лагая те или иные объяснения этому обстоятельству. Архаические погребения в Крыму это ⁶: 1) захоронение на Темир-Горе, Керченский п-ов (40—30-е гг. VII вв. до н. э.); 2) погребение № 1 в кургане 11 у с. Филатовка, Северный Крым, Присивашье (2-я половина VII в. до н. э., 3-я четверть VII в. до н. э.), уже упоминавшиеся нами; а также 3) разрушенное погребение у с. Изюмовка, Юго-Восточный Крым (не позже VI, а скорее — конец VII—VI вв. до н. э.) (*Скорый, 1977*); 4) погребение № 10 в кургане № 5 у с. Григорьевка, Северо-Западный Крым (*Колотухин, 2000, с. 37, 103; рис. 23: 1—3*), дата: по В.А. Колотухину — 2-я половина VII — 2-я половина VI вв. до н. э. (*Колотухин, 2000, с. 37*), по С.Г. Колтухову — 2-я половина VII—рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Колтухов, 2012, с. 83*); 5) погребение № 8 в кургане № 2 у с. Сусанино, Северо-Западный Крым (инвентарь — лепная лощённая корчажка, близкая типологически известным на кизил-кобинских поселениях 2-й половины VII—VI вв. до н. э.) (*Колотухин, 2000, с. 33, 100; рис. 20: 9*); 6) погребение № 13 в кургане № 2 у с. Чернозёмное, Северный Крым, Присивашье (инвентарь — сосуд лепной типологически близкий горшкам, известным на кизил-кобинских поселениях как VIII—VII, так и VII — рубежа VII—VI вв. до н. э.) (*Колотухин, 2000, с. 16, 88; рис. 8: 10*); 7) погребение № 1 в кургане № 3 у с. Чернозёмное, Северный Крым, Присивашье (*Колотухин, 2000, с. 16—17, 88; рис. 8: 11, 13*), дата: по В.А. Колотухину — не позднее 2-й половины VI в. до н. э. (*Колотухин, 2000, с. 18*), по С.Г. Колтухову — VII — начало VI вв. до н. э. (*Колтухов, 2012, с. 57*).

Как видим, отнесение погребения № 8 в кургане № 2 у с. Сусанино (Северо-Западный Крым) и захоронения № 13 в кургане

⁶ Разумеется, мы имеем в виду исключительно скифские архаические памятники, или группу «С», по В.С. Ольховскому. Архаические погребения группы «КК» (*Ольховский, 1991, с. 80—82*) с инвентарём кизил-кобинской культуры (прежде всего — лощённой лепной керамикой) в расчёт не принимаются.

№ 2 у с. Чернозёмное к раннескифским могилам выглядит довольно сомнительным: в них нет ни одной вещи, свойственной архаической скифской культуре, но зато присутствует посуда, типичная для кизил-кобинских древностей Крыма. Таким образом, достоверно раннескифскими памятниками являются лишь 5 погребений с раннегреческими сосудами или скифскими вещами.

К числу отдельных архаических находок следует отнести железный акинак конца VII — 1-й половины VI вв. до н. э., найденный у с. Новоклёново Белогорского района (*Колтухов, 2008б, с. 250; рис. 2: 1*).

Нужно отметить, что и захоронений VI—V вв. до н. э. также в Крыму известно немного, лишь несколько десятков, по большей части — на Керченском полуострове.

2. В целом незначительное распространение конской упряжи в кругу скифских памятников Крыма. Некоторое отличие составляют лишь захоронения на Керченском полуострове, в зоне контактов с античным миром, и в Северном Крыму — в Присивашье (захоронения в курганах у с. Чкалово, г. Красноперекопск), Северо-Западном Крыму (погребения в курганах у сс. Рылеевка, Владимировка, возможно, Кара-Меркит, Колоски).

3. Крайне скромные сведения, которыми располагает наука о скифских древностях в Юго-Восточном Крыму. Последнее хорошо подтверждается, например, данными картографии памятников, представленными в известных обобщающих работах (*СППССП, 1986, с. 34—35; рис. 3; с. 42; рис. 4; Ольховский, 1991, с. 17—18; рис. 1; 2*).

В свете сказанного, сведения о скифских находках Крыма, публикуемые в настоящем Каталоге, представляются весьма своевременными и актуальными для понимания общей картины присутствия скифов и степени распространения их культуры на Крымском полуострове.

В Каталоге предметов частной коллекции, сформированной на протяжении

Карта основных мест концентрации находок, представленных в каталоге

2006—2013 гг., представлены сведения более чем о 400 находках скифской культуры, происходящих, прежде всего, из предгорных и степных районов Юго-Восточного Крыма (в первую очередь — Белогорского, Кировского, в меньшей степени — Судакского и Большой Феодосии). Лишь отдельные артефакты происходят из иных районов полуострова — Красногвардейского, Керченского, Ленинского, Советского, г. Севастополь. Практически все предметы, вошедшие в коллекцию, являются случайными находками, не вырванными из археологического контекста погребальных или поселенческих памятников. Как правило, обнаружены они на весьма небольшой глубине, с помощью металлодетекторов не профессиональными археологами, а т. н. поисковиками. Впоследствии эти предметы были приобретены, в результате чего и сформировалась данная коллекция. Тем не менее, несмотря на случайный характер этих приобретений, значительную часть находок удалось достоверно «привязать» к бо-

лее чем 60 конкретным населённым пунктам и местностям.

Особого внимания заслуживает тот факт, что ряд предметов Каталога, в первую очередь, вооружения, датируется архаическим периодом — рубежом VIII—VII — 1-й половиной VI вв. до н. э., что значительно расширяет наше представление относительно времени появления в Крыму скифской культуры. С размышлениями и выводами на эту тему и по иным поводам читатель сможет ознакомиться в разделе 3 настоящего издания.

Также важно отметить, что примерно половину коллекции составляют предметы, оформленные в зверином стиле. Большая их часть находит аналогии, причем как в географических рамках «Геродотова квадрата» (что вполне закономерно, принимая во внимание меньшую географическую обособленность Крыма от причерноморских степей в античное время), так и в различных местах присутствия культур скифского облика — от Средней Европы до Южной Сибири. Это позволяет

по-новому посмотреть на место Крыма в рамках классической скифской культуры, обратить внимание на связи населения полуострова с родственными культурами различных регионов Евразии.

Коллекция значительно расширяет представления о репертуаре образов и сюжетов звериного стиля, который использовался скифским населением Крыма, и открывает новые возможности как для его искусствоведческого, так и комплексного семиотического анализа. Наши размышления относительно определенных аспектов звериного стиля в связи с материалами коллекции также представлены в разделе 3.

Для удобства пользования Каталогом мы ввели двойную нумерацию всех предметов — тематическую (связанную с функциональными группами соответствующих предметов) и сквозную. Учитывая большое количество предметов, мы вынуждены придерживаться относительной лаконичности в их описании. Основной акцент сделан на точной передаче их

физических параметров, места находки (в случае наличия информации о таковом), подборе аналогий и датировке.

Каково бы ни было отношение в обществе и в научной среде к коллекциям подобного рода (а в научной среде оно — весьма неоднозначное), осознание того, что значительное число артефактов скифской культуры, происходящих с территории Крыма, не пополнило зарубежные антикварные собрания, а стало доступным для научного изучения и публикации, следует признать фактом позитивным.

В настоящее время владельцем коллекции принято решение о безвозмездной передаче её в один из государственных музеев.

Считаем приятным долгом выразить благодарность тем, кто оказал нам содействие в работе над настоящим материалом, прежде всего сотрудникам Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, кандидатам исторических наук С.С. Бессоновой и А.Д. Могилу, а также крымскому краеведу К.Л. Пипериди.

**КАТАЛОГ
НАХОДОК**

2.1. ВООРУЖЕНИЕ

2.1.1. МЕЧИ, КИНЖАЛЫ, БУТЕРОЛИ НОЖЕН

1. Меч биметаллический

Конец VIII — начало VII вв. до н. э.

Между сёлами Межгорье — Барабаново, Белогорский район. Северные предгорья Караби-Яйла.

Железо, ковка. Бронза, литьё. Железо сильно корродировано.

Сохранившаяся длина оружия: 41,3 см.

Длина клинка: 29,5 см. Максимальная ширина: 3,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,5 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 5,6 см.

Рукоять меча литая, рамочная, по краям выделены бортики. В ней закреплён железный черенок клинка. Перекрестие почковидное, массивное. Навер-

шие брусковидное, с округлыми краями. В плане — овально-линзовидной формы. Клинок меча с двумя параллельными лезвиями. В сечении — ромбовидный. Обломан в двух местах: у рукояти и в нижней части. Очевидно, первоначально был довольно длинным. Оружие принадлежит к категории древнейших биметаллических мечей скифского типа.

Аналогии близкие: 1) биметаллический меч из кургана № 2 у с. Райгород в бассейне Тясмина, Днепроовское Лесостепное Правобережье, отличие — более короткое навершие (*Ильинская, 1975, с. 97, табл. XXII: 8*); 2) биметаллический меч с почковидным перекрестьем из хутора Стежинский в Поволжье, случайная находка, отличие — более узкое навершие и рамка под ним (*Сергацков, 1988, с. 249; рис. 1*); 3) биметаллический меч с почковидным перекрестьем из впускного погребения № 5 конца VIII — начала VII вв. до н. э.

в кургане близ с. Польско Косово, район Руссе, в Болгарии, отличия — несколько иное по форме перекрестье и утолщение в средней части навершия (*Stantchev, 2000, p. 41; fig. 5; p. 43; pl. I: 1*); 4) биметаллический меч с почковидным перекрестьем из погребения в Лубнице, Польша, отличие — рукоять цельнолитая (*Bukowski, 1977, p. 184, 354; tab. XII: 1*); 5) ручка биметаллического меча или кинжала из могилы в Стремце, Трансильвания, отличие — более короткое навершие, ручка с широкими бортиками и верхней рамкой (*Vasiliev, 1980, pl. 10: 2*). Более отдалённые аналогии с восточноевропейской и среднеевропейской территории — биметаллические мечи и кинжалы с бронзовой рукоятью, имеющие сердцевидное, бабочковидное, лучковидное перекрестья или иное оформление рамочной рукояти (*Тереножкин, 1975, с. 28; рис. 20: 6—8*; *Шрамко, 1984, с. 31; рис. 4: 1, 4—5*; *Кулатова, 1994, с. 110; мал. 1*; *Ворошилов, 2007, с. 152; рис. 2: 2—3, 5—6*; *Дударев, 2011, с. 224; рис. 2*; *Vulpe, 1990, taf. 5: 25*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2. Кинжал-акинак

Вторая половина VII в. до н. э.

Гора Агармыш, близ города Старый Крым, Кировский район. Находка 2013 года.

Железо, ковка. Сохранность металла хорошая, лишь окончание клинка обломано.

Общая сохранившаяся длина: 24,5 см.

Сохранившаяся длина клинка: 13,0 см.

Максимальная ширина: 3,6 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,7 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 1,7—1,9 см.

Длина навершия: 6,0 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка образована двумя валиками — «двуглавая», между

ними — широкая ложбинка. Ручка слегка расширяется к навершию. Её особенностью является «рамочная» форма — признак наиболее архаических, биметаллических мечей. Навершие — плоское, брусковидное, с сужающимися концами, в плане — вытянутое. Клинок — в форме сильно вытянутого треугольника, с хорошо выделенным ребром жёсткости. Ромбовидный в сечении. Нижняя часть клинка наискось обломана.

Аналоги: точных подобрать не удалось. Однако, по внешнему виду рукояти, сочетающей массивное почковидное перекрестье, длинное брусковидное навершие, двуглавую ручку с узкими бортиками, данный экземпляр напоминает серию архаических кинжалов, известную в большей степени по случайным находкам, например, на территории украинской Лесостепи — Верхний Салтов, Новый Валовай, бывший Каневский уезд (Бабенко, 2009, с. 23; рис. 2, 3, 5, 8), и в определённой степени — в Средней Европе (Vulpe, 1990, taf. 6: 27, 28).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3. Кинжал-акинак

Вторая половина VII в. до н. э.

Горный массив Кубалач, южные склоны Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо,ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 27,0 см.

Длина клинка: 15,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,4 см.

Длина ручки: 8,5 см. Ширина: 2,5 см.

Длина навершия: 5,4 см.

Перекрестье кинжала так называемого келермесского типа, массивное, ручка — же-

лобчатая, состоит из трёх параллельных валиков, круглых в сечении. Между ними — узкие бороздки. Навершие бруско-

видное, массивное, со скруглёнными краями. В плане — ромбовидной формы. Акинак имеет короткий клинок, линзовидный в сечении. Лезвия клинка — параллельны друг другу и достаточно резко сужаются к окончанию, в последней четверти длины. Особенность кинжала — наличие под навершием небольшой петлеvidной муфты. Она служила для крепления темляка, который одевался в бою на руку, чтобы не потерять оружие. Такие петли зафиксированы только на древнейших скифских акинаках.

Аналоги: многочисленные. Из найденных на территории Северного Причерноморья: 1) меч, случайно обнаруженный в Киеве, на Ветряных горах (Белозор, Скорый, 1985, с. 255, 256; рис. 1); 2) кинжал из погребения № 1 кургана № 6 у с. Яснозорье (середина — 2-я половина VII вв. до н. э.) в бассейне р. Рось, Днепроvское Лесостепное Правобережье (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 55; рис. 6: 1); оба экземпляра имеют под навершием петельку для темляка; 3) меч, случайно найденный в с. Карабазовка Полтавской области, бассейн Ворсклы (Троцька, Гейко, 2001, с. 81; рис. 1); 4) аналогичный акинак с петелькой под навершием — в собрании Пензенского областного краеведческого музея (Максимов, Полесских, 1971, с. 239; рис. 1: 4); 5) серия случайных находок в бассейне р. Северский Донец (Шелехань, 2012, с. 327; рис. 2: 4, 7—8); 6) известны находки подобного оружия и на территории Молдовы (Топал, Бруяко, 2012, с. 135; рис. 1, 2); 7) Серия акинаков этого типа (9 экз., случайные находки) из Донской Лесостепи приведена А.Н. Ворошиловым, предложившим называть это оружие «акинаками келермесского типа» (Ворошилов, 2011, с. 156—168).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

4. Кинжал-акинак

Вторая половина VII в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район. Находка 2013 года.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 32,8 см.

Длина клинка: 21,2 см.

Максимальная ширина: 3,3 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,5 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 2,7 см.

Длина навершия: 4,8 см.

Перекрестье кинжала так называемого келермесского типа, массивное, ручка — желобчатая, состоит из трёх параллельных валиков, круглых в сечении. Между ними — узкие бороздки. Навершие брусковидное,

массивное со скруглёнными краями, непропорционально короткое по отношению к перекрестью. В плане — вытянутой линзовидной формы. Клинок — линзовидный в сечении. Лезвия клинка — параллельны друг другу и плавно сужаются к окончанию, в последней четверти длины.

Аналоги: те же, что и для предшествующего акинака, многочисленные. Из найденных на территории Северного Причерноморья: 1) меч, случайно обнаруженный в Киеве, на Ветряных горах (Белозор, Скорый, 1985, с. 255—256; рис. 1); 2) кинжал из погребения № 1 кургана № 6 у с. Яснозорье (середина — 2-я половина VII вв. до н. э.) в бассейне р. Рось, Днепроvское Лесостепное Правобережье (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 55; рис. 6: 1); оба экземпляра имеют под навершием петельку для темляка; 3) меч, случайно найденный в с. Карабазовка Полтавской обл., бассейн Ворсклы (Троцька, Гейко, 2001, с. 81; рис. 1); 4) аналогич-

ный акинак с петелькой под навершием хранится в собрании Пензенского областного краеведческого музея (Максимов, Полесских, 1971, с. 239; рис. 1: 4); 5) серия случайных находок в бассейне р. Северский Донец (Шелехань, 2012, с. 327; рис. 2: 4, 7—8); 6) серия акинаков этого типа (9 экз., случайные находки) из Донской Лесостепи приведена А.Н. Ворошиловым, предложившим называть это оружие «акинаками келермесского типа» (Ворошилов, 2011, с. 156—168).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

5. Кинжал-акинак

Вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, юго-западный склон, близ села Мелехово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 31,0 см.

Длина клинка: 20,2 см.

Максимальная ширина: 2,8 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см. Длина ручки: 7,0 см. Ширина: 2,2—2,5 см.

Длина навершия: 4,7 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка состоит из трёх валиков, с неглубокими, узкими ложбинками между ними, слегка расширяется к навершию. Навершие — брусковидное, в плане ромбовидной формы. Параллельные лезвия клинка сужаются в последней трети длины. По центру — слегка намечено ребро жёсткости. В сечении клинок — в виде сильно вытянутой линзы.

Аналогии: близкие: 1) кинжал из гробницы № 2 Репяховатой Могилы (конец VII — начало VI вв. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье (Ильин-

ская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42; рис. 11: 5); 2) кинжал из с. Черниговка на Харьковщине, отличие — более уплощённая форма перекрестья (Бабенко, 2009, с. 23; рис. 2: 4); 3) кинжал из погребения № 2/1995 могильника Лермонтовская скала в Пятигорье, на Северном Кавказе (Дударев, 2011, с. 255; рис. 20: 1). В целом мечи и кинжалы с трёхчленным делением рукояти относятся к группе архаического оружия (Белозор, Скорый, 1985, с. 255, 256; рис. 1; Ворошилов, 2011, рис. 2—5).

В Крыму ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

6. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, гора Верблюд, южный склон Змеиной Балки, ближе к селу Тополёвка, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 28,5 см.
 Длина клинка: 17,5 см.
 Максимальная ширина: 5,7 см.
 Максимальная ширина перекрестья: 7,3 см.
 Длина ручки: 7,9 см. Ширина: 1,8 см.

Длина навершия: 6,5 см.
 Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка узкая, образована двумя валиками («двутавровая»). Между ними — неглубокая бороздка. Навершие брусковидное, длинное, сужающееся по краям. В плане ромбовидной формы. Клинок короткий, треугольный, весьма широкий у основания. Он украшен двумя сужающимися желобками более чем на половину длины. В сечении — вытянутой линзовидной формы.

Аналогии: кинжалы с рукоятками подобных пропорций, коротким и очень широким в основании клинком в паноплии скифского времени, по сравнению с иными кинжалами, довольно редки. Наиболее близкие аналогии: акинак из Предгорного Крыма, село Новоклёново (Колтухов, 2008,

с. 250; рис. 2: 1); кинжалы с Басовского городища, собрания НМИУ (Черненко, 1985, рис. 17: 2; 19: 11), а также из Румынии (Вэратек, Ибэнешти) (Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A).

Публикуется впервые.

7. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Ворон, Судакский район.

Железо, ковка. Сохранность кинжала хорошая, лишь окончание клинка, а также его боковые стороны имеют небольшие повреждения.

Общая длина: 32,8 см (без учета обломанного острия).

Длина клинка: 21,8 см (без учета обломанного острия).

Максимальная ширина: 5,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 7,7 см.

Длина ручки: 7,5 см, Ширина: 1,7 см.

Длина навершия: 6,4 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка образована двумя валиками — «двутавровая», между которыми — узкая ложбинка. Навершие брусковидное, плоское, прямое, в плане — ромбовидное. Клинок в форме сильно вытянутого к вершине, равностороннего треугольника, с широким основанием и выделенным ребром жёсткости. Он ромбовидный в сечении и украшен двумя сужающимися желобками более чем на половину длины.

Аналогии: кинжал — подобный акинаку под № 6 данной коллекции. Отличается от него лишь большей длиной. Соответственно — те же аналогии (Колтухов, 2008, с. 250; рис. 2: 1; Черненко, 1985; рис. 17: 2; 19: 11; Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A).

Публикуется впервые.

8. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Посёлок Зуя, Белогорский район. К югу от населённого пункта, в лесу.

Железо, ковка. Сохранность кинжала очень хорошая.
 Общая длина: 28,0 см.
 Длина клинка: 15,0 см.
 Максимальная ширина: 4,5 см.
 Максимальная ширина перекрестья: 6,9 см.
 Длина ручки: 13,0; ширина: 1,8–1,9 см.
 Длина навершия: 5,7 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка образована двумя валиками — «двутапровая», между которыми — довольно широкая ложбинка. Навершие брусковидное, плоское, прямое, в плане — ромбовидное. Клинок в форме сильно вытянутого к вершине, равностороннего треугольника, с широким основанием. Он ромбовидный в сечении. Отличительная особенность клинка — украшение его 15 каннелюрами более чем на две трети длины.

На клинке меча, в момент обнаружения лежал перпендикулярно небольшой железный нож. Он сохранился очень плохо. Место его расположения фиксируется на клинке кинжала яркой полосой ржавчины.

Железный нож был в комплекте с одним из мечей, найденных на горном массиве Кубалач (№ 13).

Аналоги: кинжал — подобный акинакам под № 6, 7 данной коллекции. Отличается от них лишь меньшей длиной и более широкой ручкой. Соответственно — те же аналогии (Колтухов, 2008, с. 250, рис. 2: 1; Черненко, 1985, рис. 17: 2; 19: 11; Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A). Подобные кинжалы довольно широко представлены также в кругу случайных находок в Днепропетровской Левобережной Лесостепи (Бабенко, 2009, с. 23, рис. 2, 6, 8, 15).

Публикуется впервые.

9. Кинжал-акинак

VII—VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Некрасово и Сенное, средняя часть косогора, на северной стороне склона, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 23,9 см.
 Длина клинка: 12,3 см.
 Максимальная ширина: 3,1 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см.

Длина ручки: 7,0 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 5,8 см.

Перекрестье акинака — почковидное, массивное. Ручка образована двумя утолщениями-валиками, круглыми в сечении. Между ними — тонкий жёлоб. Ручка у навершия и перекрестья — слегка сужается. Навершие — брусковидное с зауженными концами, в плане — ромбовидной формы. Хорошо просматривается крепление навершия с помощью шпильки. Клинок — двулезвийный, линзовидный в сечении. Лезвия клинка очень плавно сужаются к острию, возле острия — сужение более резкое. Кончик острия немного согнут. Клинок сточен с одной из сторон. Особенности акинака — ассиметричные желобки ручки.

Аналогии: близких аналогий кинжалу с учётом упомянутых особенностей найти не удалось. По характерным морфологическим особенностям относится к скифской архаике.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

10. Кинжал-акинак

VI в. до н. э.

Горный массив Кубалач, верхняя гряда, напротив села Тополёвка, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 34,0 см.

Длина клинка: 21,5 см.

Максимальная ширина: 3,7 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,6 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 2,0 см.

Длина навершия: 7,0 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — довольно широкая, «рамочная», с выделенными по

краям узкими бортиками. Они орнаментированы поперечными бороздками, особенно выразительными на одной из сторон: I II III IIII. Навершие — слегка изогнутый, длинный брус, в плане ромбовидной формы. Расположено не совсем перпендикулярно по отношению к ручке. Виден способ крепления навершия к ручке с помощью шпильки. Клинок — с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети длины. В сечении — линзовидный.

Аналогии: прямых сочетаний всех морфологических показателей — массивное почковидное перекрестье, длинное, узкое, слегка изогнутое навершие, рамочная ручка с насечками по сторонам — на одном экземпляре найти не удалось. Вместе с тем: почковидные, почти круглые перекрестья свойственны для VI в. до н. э., например, на мече в кургане № 2 у с. Райгород в бассейне р. Тясмин, Днепроовское Лесостепное Правобережье (*Ильинская, 1975, табл. VI: 13*), серии мечей из могил Трансильвании (*Vasiliev, 1980, pl. 11: 3–5*). Аналогичные перекрестье и ручку, украшенную по бокам насечкой, но при антенновидном навершии, имеет кинжал из Козии, Румыния (*Vulpe, 1990, taf. 14: 71*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

11. Кинжал-акинак

Первая половина VI в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 29,2 см.

Длина клинка: 16,5 см.

Максимальная ширина: 2,8 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,5 см. Средняя ширина: 1,6 см.

Длина навершия: 5,6 см.
 Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — узкая, с гладкой поверхностью, в сечении прямоугольная. Навершие — массивный брусок, один из концов которого слегка согнут. В плане прямоугольной формы. Параллельные лезвия клинка сужаются в последней трети длины. На клинке — слабо выделено ребро жёсткости. В сечении он — в виде вытянутого ромба.

Аналоги: прямые аналогии этому акинаку (сочетающему массивное почковидное перекрестье, узкую и тонкую плоскую ручку, довольно массивное и длинное брусковидное навершие) крайне редки. В качестве примера можно привести кинжалы из Аюда и Гиндэоани, Румыния (*Vasiliev, 1980, pl. 10: 1; Vulpe, 1990, taf. 7: 35*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

12. Кинжал-акинак

Вторая половина VII—первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Некрасово и Сенное, средняя часть косогора, на северной стороне склона, Белогорский район.

Поблизости также был найден акинак (№ 9 Каталога), бутероль (№ 34 Каталога).

Железо,ковка. Сохранность удовлетворительная. Один из концов навершия обломан.

Общая длина: 21,4 см.

Длина клинка: 9,7 см.

Максимальная ширина: 4,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,4 см.

Длина ручки: 8,6 см. Ширина: 2,0—2,5 см.

Длина навершия: 5,3 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — плоская, расширяющаяся к навершию. Навершие — бру-

сок, сужающийся к краям. В плане ромбовидной формы. Клинок кинжала — широкий в основании, треугольной формы, непропорционально короткий по отношению к рукояти. Очевидно, был обломан, затем

заново заточен. По центру — 6 параллельных желобков-каннелюр. В сечении клинок — в виде сильно вытянутой линзы.

Аналогии: многочисленные. К сожалению, большинство находок — случайные. Значительная серия таких коротких кинжалов, с расширяющейся к навершию ручкой, с почковидным или сердцевидным перекрестьями, известна в Восточноевропейской Лесостепи (Болтрик, Вознесенська, Фіалко, 2003, с. 103; рис. 3: 6—8; Бабенко, 2009, с. 24; рис. 3: 2—5). Известны они и в Средней Европе, например, на территории Румынии (Vulpe, 1990, taf. 6: 27, 28). К этому же типу относится кинжал (случайная находка), хранящийся в Музее истории оружия в Запорожье (Мурзин, Шлайфер, 2010, рис. 3).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

13. Меч (и в комплексе с ним — боевой нож)

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, верховья Змеиной Балки, ниже Антен, недалеко от родника «Джю-джюрка», Белогорский район.

Поблизости также была найдена бляха в виде фигурки лося с поджатыми ногами и головой, повернутой влево (№ 300 Каталога).

А. Меч.

Железо,ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 41,3 см.

Длина клинка: 30,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,5 см. Ширина: 1,9 см.

Длина навершия: 6,0 см.

Перекрестье меча — сердцевидное, массивное. Ручка образована двумя валиками («двухавровая»), между кото-

Бишкина Харьковской области (Бабенко, 2009, с. 24; рис. 3: 1; Шелехань, 2012, с. 327; рис. 2: 6). Более близки этому мечу, по сути, по всем признакам, и по форме клинка тоже, экземпляры — из Бикю, Румыния, и Тимар, Венгрия (Vulpe, 1990, taf. 6: 29; Kemenczei, 1991, taf. 62: 276; Kemenczei, 2009, S.318; taf. 96: 10).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

Б. Нож.

Железо,ковка. Сохранность металла средняя. Часть лезвия повреждена, острие обломано.

Сохранившаяся общая длина: 18,7 см.

Сохранившаяся длина лезвия: 10,7 см.

Максимальная ширина: 1,6 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 1,0—2,0 см.

Максимальная толщина: 0,5 см.

Нож — цельнометаллический, со слегка горбатой, плавно изогнутой спинкой. Лезвие хо-

рыми — широкая ложбинка. Навершие — длинное, брусковидное. В плане — ромбической формы. Весьма скошено относительно ручки. Клинок меча — в виде сильно вытянутого треугольника с выделенным ребром жёсткости. В сечении — ромбовидный.

Аналогии: полной аналогии этому мечу в Северном Причерноморье найти не удалось. Тем не менее, мечи и кинжалы с подобными рукоятками характерны для эпохи архаики. Как пример, кинжалы из Павловска, Верхнего

рошо проковано, в сечении — в виде вытянутого треугольника. Ручка — трапециевидной в плане формы, расширяющаяся от лезвия к окончанию. В средней части — массивная, раскована ближе у окончания, где находится круглое отверстие диаметром 0,3 см для подвешивания. Нож, по типологии Б.А. Шрамко, относится к ножам 2-го типа III группы: ножи с металлической ручкой и отверстием в конце черенка (Шрамко, 1983, с. 54, 80; табл. 6: 27). В.А. Ильинская относит такие ножи (длиной 17—30 см) к категории охотничьих (Ильинская, 1968, с. 98, 99).

Аналогии: многочисленны. Особенно часто подобные ножи встречаются в древностях скифской поры украинской Лесостепи, в погребениях и на поселениях (Ильинская, 1968, с. 98, 99; 1975, табл. VII: 10; Галанина, 1977, с. 40; рис. 19, 20; Шрамко, 1983, с. 54; 1998, с. 53; рис. 31: 12; с. 57; рис. 36: 12; Бессонова, Скорый, 2001, с. 97; рис. 65: 5).

Примечательно, что такое же совместное нахождение акинака и длинного ножа было отмечено в гробнице № 2 кургана Репяховатая Могила в бассейне р. Тясмин, Днепропровское Лесостепное Правобережье (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 11: 6; 12: 3).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

14. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Агармыш, у города Старый Крым, Кировский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 28,6 см.

Длина клинка: 16,6 см.

Максимальная ширина: 2,9 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,4 см.

Длина ручки: 8,5 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 6,0 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидное, массивное. Ручка с двумя округлыми валиками и узкой ложбинкой между ними («двухваловая»). Навершие брусковидное, прямое. В плане — ромбовидной формы. Параллельные лезвия клинка сужаются на всём протяжении. В сечении он — ромбовидный, с выделенным ребром жёсткости.

Аналогии: по оформлению рукояти данный кинжал близок мечу под № 13. Отличие — более узкая ложбинка на ручке и короткий клинок. Наиболее близкие аналогии — кинжал, найденный на Трахтемировском городище, в бассейне р. Рось, Днепропровское Лесостепное Правобережье (Болтрик, Вознесенська, Фіалко, 2003, с. 102; рис. 1; 2) и меч из Бэлэбэнешти, Румыния (Vulpe, 1990, taf. 8: 37).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

15. Кинжал-акинак

Конец VII—VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, низ Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо,ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 23,0 см.

Длина клинка: 13,5 см.

Максимальная ширина: 3,2 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,7 см.

Длина ручки: 6,7 см. Ширина: 1,6 см.

Длина навершия: 4,0 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидное, массивное, закреплено на мече несколько неровно. Ручка — плоская, разделена по всей длине тремя углублёнными линиями, имитирующими четыре сегмента валика. Навершие — в форме

ставлена на целой серии мечей и кинжалов, обычно — с лучковидным перекрестьем, конца VII—VI вв. до н. э., обнаруженных в Румынии (*Vulpe, 1990, taf. 1: 2—5; 2: 12; 10: 48*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

16. Кинжал-акинак

VI в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки не известно.

Железо,ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 24,2 см.

Длина клинка: 12,5 см.

Максимальная ширина: 2,1 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

бруска с округлыми окончаниями. В плане — прямоугольной формы, с закруглёнными краями. В верхней части бруска — два коротких углубления, находящиеся с обеих сторон спинки, на который насажено навершие. Лезвия клинка параллельны, сужаются в последней трети длины. В сечении клинок — линзовидный. В его верхней части, с обеих сторон, просматриваются следы двух нервюр.

Аналоги: по устройству рукояти (массивные — сердцевидное перекрестье и брусковидное навершие) — многочисленные. Особенность кинжала — редко фиксируемая на скифском оружии Северного Причерноморья — вертикальная имитация членения ручки на несколько (в данном случае — 4) валиков. Подобная деталь известна, например, на мече с бабочковидным перекрестьем и антенновидным навершием из Екатеринославской губернии (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 11*). Вместе с тем, она широка пред-

Длина ручки: 7,8 см. Ширина: 1,6–2,4 см.

Длина наверхия: 3,7 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидное, массивное. Ручка — плоская, несколько расширенная у наверхия и суженная у перекрестья. Наверхие — брусковидное, в плане имеет форму вытянутого овала. Клинок — очень узкий, почти соответствующий ширине ручки. В сечении — ромбической формы. Лезвия — почти параллельные, заметное сужение наблюдается только у окончания клинка. Ребро жёсткости хорошо просматривается на протяжении большей части длины клинка. Особенность акинака — узкие лезвие и ручка, в сочетании с очень широким и массивным сердцевидным перекрестьем.

Аналогии: почти полная — кинжал, случайно найденный у с. Гадяч Харьковской области, Днепровское Лесостепное Левобережье (Бабенко, 2009, с. 23; рис. 2: 7).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

17. Кинжал-акинак

Вторая половина VII—VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки не известно.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 28,3 см.

Длина клинка: 17,0 см.

Максимальная ширина: 3,7 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,0 см.

Длина ручки: 8,7 см. Ширина: 2,0 см.

Длина наверхия: 6,3 см.

Перекрестье акинака — бабочковидное, массивное. Ручка

образована тремя утолщениями-валиками, тремя круглыми в сечении. Между валиками — два жёлоба. Наверхие — брусковидное, с прямой верхней и плавно изогнутой вверх нижней частями. В плане — ромбической формы. Лезвия клинка плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. По всему клинку они разделены тонким рельефным валиком, выполняющим функцию ребра жёсткости. В сечении клинок — ромбовидной формы. Акинак отличается выверенными пропорциями и гармоничным сочетанием основных элементов.

Аналогии: по форме перекрестья, трёхваликовой ручке данный экземпляр имеет многочисленные аналогии среди кинжалов и мечей периода скифской архаики в Восточной Европе. Вместе с тем, брусковидные наверхия оформленные подобным образом — крайне редки. В ка-

честве примера — фрагментированный меч или кинжал из Комарны (Румыния). Его отличие — уплощенная с узкими бортиками ручка (*Vulpe, 1990, taf. 7: 32*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

18. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район. Находка 2013 года.

Железо, ковка. Сохранность средняя.

Общая длина: 31,5 см.

Длина клинка: 19,5 см.

Максимальная ширина: 3,2 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,5 см.

Длина ручки: 8,3 см. Ширина ручки: 2,5 см.

Длина навершия: 4,2 см.

Перекрестье у акинака — бочковидное. Ручка с гладкой поверхностью.

Навершие — брусковидное, очень массивное, в плане имеет форму вытянутого овала. Украшено двумя параллельными бороздками. Лезвия клинка параллельны по всей длине и плавно сужаются к острию в последней трети. Особенность кинжала — плоская ручка, в сочетании с очень массивным навершием.

Аналоги: близкие, из хорошо датированных комплексов — меч из кургана № 425 у с. Кулешовка, бассейн р. Сула, Днепроовское Лесостепное Левобережье (*Ильинская, 1968, табл. XLVII: 1*); несколько мечей из Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (*Копылов, 1980, с. 215; рис. 1: 7–9*). Отличия последних мечей — более толстая ручка.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

19. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, низ Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 27,8 см.

Длина клинка: 16,4 см.

Максимальная ширина: 3,3 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 4,0 см.

Перекрестье у акинака — бочковидное. Ручка с гладкой поверхностью, очень тонкая. Навершие — брусковидное, очень массивное, в плане имеет форму овала. Лезвия клинка, линзовидного в сечении, плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. По цен-

тру клинка, с обеих сторон, расположены рёбра жесткости, идущие по всей длине. Особенность кинжала — крайне тонкая, плоская ручка, в сочетании с очень массивным навершием.

Аналоги: близкие, из хорошо датированных комплексов — меч из кургана № 425 у с. Кулешовка, бассейн р. Сула, Днепроовское Лесостепное Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLVII: 1), а также — несколько мечей из Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (Копылов, 1980, с. 215; рис. 1: 7—9). Отличия этих мечей — более толстая ручка.

В Крыму подобные находки не фиксировались.

Публикуется впервые.

20. Кинжал-акинак

V в. до н. э. (?)

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность металла хорошая. Отсутствует перекрестье.

Общая длина: 24,5 см.

Длиная клинка: 15,6 см.

Максимальная ширина: 2,4 см.

Длина ручки: 7,0 см. Ширина: 1,4—1,8 см.

Длина навершия: 3,8 см.

О точной форме перекрестья судить сложно. Ручка узкая, с гладкой поверхностью, в сечении прямоугольная, слегка расширяется к клинку. Навершие — массивный, плоский брусок. В плане овальной формы. Параллельные лезвия клинка плавно сужаются в последней трети длины. В сечении он — в виде узкого вытянутого ромба. Интересная особенность

кинжала — наличие в районе, где должно располагаться перекрестье, круглой заклёпки, вероятно, служащей для его закрепления. Ныне крепление навершия к ручке с помощью заклёпок зафиксировано на ряде мечей V—IV вв. до н. э. (Махортых, Ролле, 2014, с. 101, 103).

Публикуется впервые.

21. Кинжал-акинак

Вторая половина VI в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки не известно.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 23,0 см.

Длина клинка: 11,5 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,6 см.

Длина ручки: 8,3 см. Ширина: 1,4—2,2 см.

Длина навершия: 5,9 см.
 Перекрестье кинжала — бабочковидное, массивное. Ручка — очень узкая, плоская. Навершие — в виде длинного бруска, со слегка суженными концами. В сечении имеет форму неправильного, вытянутого, тонкого прямоугольника. Клинок — в форме вытянутого треугольника, линзовидный в сечении. Лезвия плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. Посередине клинка, на протяжении всей его длины, с двух сторон, заметны две нервы. Особенность акинака — сочетание узкой, плоской ручки с чрезвычайно длинным и узким навершием.

Аналогии: по форме перекрестья (бабочковидное) и навершия (брусковидное, длинное) акинак близок хорошо известной группе архаических коротких кинжалов 2-й половины VII—VI вв. до н. э. Однако все они имеют не плоскую, а брусковидную или с двумя узкими бортиками ручку, свойственную для ранних мечей. Аналогичная ручка и навершие (при лучковидном перекрестье) — у одного из мечей 2-й половины VI в. до н. э. могильника Фериджеле в Румынии (*Vulpe, 1990, taf. 4: 18*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

22. Меч

VI — первая половина V вв. до н. э.

Посёлок Зуя, Белогорский район. К югу от населённого пункта, в лесу.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 41,0 см.

Длина клинка: 30,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,5 см.

Длина ручки: 8,5 см, Ширина: 2,2—2,9 см.

Длина навершия: 4,5 см.

Перекрестье меча — узкое бабочковидное. Ручка — плоская, тонкая, в сечении квадратной формы. Навершие — брусковидное, плоское, прямоугольное, широкое, но довольно тонкое, с сужающимися краями. По центру через ручку и навершие проходят две параллельные неглубокие каннелюры, выполняющие декоративную роль. Лезвия клинка параллельны по большей части длины, сужаются в последней трети. По центру — хорошо выраженный гребень.

Аналогии: достаточно близкий по облику меч — в погребении № 7 грунтового могильника у с. Золотое на Керченском полуострове, конец VI — начало V вв. до н. э. (Кортусова, Орлов, 1978, с. 71, рис. 4: 3); кургане у с. Санжары; VI — 1-я половина V вв. до н. э., бассейн Северского Донца, Днепровское Лесостепное Левобережье (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 76, 208, рис. 61: 24); погребении № 21 кургана № 13 могильника Уляп-1 в Адыгее, Северо-Западном Предкавказье, конец VI — V вв. до н. э. (Лесков, Беглова, Ксенофонтowa, Эрлих, 2005, с. 160, рис. 160: 1). В определённой степени крымский экземпляр близок и отдельным мечам V в. до н. э. из Елизаветовского курганного могильника на Дону (Копылов, 1980, с. 25, рис. 1: 7).

Публикуется впервые.

23. Кинжал-акинак

Вторая половина VII—VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, северные склоны Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 25,3 см.

Длина клинка: 14,5 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,0 см.

Длина ручки: 8,3 см. Ширина: 2,0—2,5 см.

Длина навершия: 5,3 см.

Перекрестье кинжала — лучковидной формы. Ручка плоская, в сечении — прямоугольная, расширяется к перекрестью. Навершие — брусковидное, длинное со слегка суженными краями. В сечении — прямоугольной формы с округлыми концами. Лезвия клинка плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. В сечении клинок — удлиненно-ромбический. С одной из сторон просматривается ребро жёсткости.

Аналогии: на территории Юга Восточной Европы меча и кинжалы с подобной формой перекрестья встречаются крайне редко. Вместе с тем, такое оружие хорошо представлено в древностях скифского типа Средней Европы, прежде всего — Румынии и Венгрии, в основном VII—VI вв. до н. э. (Vasiliev, 1980, pl. 11: 2—5; Скорый, 1982, с. 84; рис. 1; Vulpe, 1990, taf. 1: 5, 6; 2: 4: 18; 5: 20; Keteneczei, 1991, taf. 62: 277, 278; Брузяко, 2005, с. 168; рис. 37: 1, 2). Известно оно и на территории Польши, Болгарии (Скорый, 1982, с. 389; рис. 6: 3, 13).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

24. Кинжал-акинак

Вторая половина VII—VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки не известно.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 24,0 см.

Длина клинка: 15,7 см.

Максимальная ширина: 3,1 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,0 см.

Длина ручки: 7,3 см. Ширина: 1,3—1,7 см.

Длина навершия: 3,6 см.

Перекрестье кинжала — лучковидной формы. Ручка — плоская, тонкая, расширяющаяся к перекрестью. Навершие — брусковидное, с суженными краями. В сечении имеет линзовидную форму. Лезвия клинка плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. В сечении клинок — вытянутой линзовидной формы. С двух сторон клинка — не ярко выраженное ребро жёсткости.

Аналоги: весьма близкая — описанный выше, под № 23, кинжал с горного массива Кубалач в Белогорском районе Крыма. На территории Юга Восточной Европы мечи и кинжалы с подобной формой перекрестья — крайне редки. Вместе с тем, такое оружие хорошо представлено в древностях скифского типа Средней Европы, прежде всего — Румынии и Венгрии, в основном VII—VI вв. до н. э. (Vasiliev, 1980, pl. 11: 2—5; Скорый, 1982, с. 84; рис. 1; Vulpe, 1990, taf. 1: 5, 6; 2; 4: 18; 5: 20; Kertenczei, 1991, taf. 62: 277, 278; Kertenczei, 2009, S. 313, 353; taf. 131: 7; Брумяко, 2005, с. 168; рис. 37: 1, 2). Известно и на территории Польши, Болгарии (Скорый, 1982, с. 389; рис. 6: 3, 13).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

25. Меч

IV в. до н. э.

Близ села Межгорье, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 46,8 см.

Длина клинка: 37,0 см.

Максимальная ширина: 4,4 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,0 см.

Длина ручки: 7,5 см. Ширина рукояти: 2,2—2,4 см.

Длина навершия: 4,4 см.

Перекрестье меча — ложно-треугольное. Внутри, по всему

периметру — рельефная окантовка, а посередине — рельефное неясное изображение. Ручка, слегка расширяющаяся в центре, имеет псевдотрёхтавровое членение. Навершие — брусковидное, с округлыми краями, в плане — прямоугольной формы. Клинок в виде сильно вытянутого треугольника, в сечении линзовидный.

Аналоги: точные — не известны, но, в целом, экземпляры

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,7 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 2,2–2,5 см.

Длина навершия: 4,5 см.

Перекрестье акинака — сегментовидной формы. Ручка — плоская, слегка расширенная к навершию и очень плавно суженная к перекрестью. Навершие — в виде бруска, выпуклого в центре, со слегка приподнятыми и закругленными краями. В сечении оно — линзовидной формы. Лезвия клинка почти параллельны и заметно сужаются лишь у острия. В сечении — в виде узкой линзы.

Аналогии близкие: 1) меч, случайно найденный у с. Волковцы, в Посулье, Днепроовское Лесостепное Левобережье, от-

относится к широко известной серии двулезвийных мечей (части рукоятей которых обложены золотым листом), довольно широко представленной в скифских погребениях IV в. до н. э. степного Северного Причерноморья (Мелюкова, 1964, с. 51; Алексеев, Мурзин, Роле, 1991, с. 222, 223; кат. 184–187) и различных территорий украинской Лесостепи (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 160; рис. 20: 1; Гречко, 2010, с. 209; рис. 62: 9–13; Пузикова, 2001, с. 232; рис. 30: 1–3; Савченко, 2004, с. 156, 157; рис. 2: 1–7; Гуляев, 2010, с. 194; рис. 1).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

26. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, северный склон нижней части Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо,ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 33,8 см.

Длина клинка: 23,0 см.

личие — у навершия серповидное очертание (Мелюкова, 1964, табл. 20: 3); 2) меч — случайная находка, дар Терещенко, отличие — массивное брусковидное навершие (Там же, табл. 18: 4); 3) кинжал — случайная находка на Киевщине (Максимов, Петровская, 2008, с. 120; рис. 41: 7); 4) несколько случайных находок, в том числе на территории Венгрии (Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 2, 3); 5) более широко известны мечи с подобными перекрестьями и антенновидными навершиями (Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 6, 7), в частности, в хорошо датированных комплексах V в. до н. э. (Корпусова, Орлов, 1978, с. 71; рис. 4: 15; Евдокимов, Мурзин, 1984, с. 77; рис. 2: 38, с. 79; рис. 4: 2–4, 7).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

27. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, северное предгорье, у села Дивное, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 28,8 см.

Длина клинка: 18,2 см.

Максимальная ширина: 2,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,2 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 1,9—2,7 см.

Длина навершия: 4,3 см.

Перекрестье кинжала — сегментовидной формы. С одной из сторон на нём — две продольные бороздки. Ручка — плоская, слегка расширенная к навершию и очень плавно сужающаяся к перекрестью. Навершие — брусковидное, со слегка приподнятыми вверх краями, в сечении — линзовидной формы. Лезвия клинка, ромбического в сечении, плавно сужаются, в последней трети длины клинка — сужение очень резкое.

Аналогии: в целом близок предшествующей крымской находке под № 26. Также весьма близкие экземпляры: 1) меч, случайно найденный у с. Волковцы, в Посулье, Днепровское Лесостепное Левобережье, отличие — у навершия серповидное очертание (Мелюкова, 1964, табл. 20: 3); 2) меч, случайная находка, дар Терещенко, отличие — массивное брусковидное навершие (Там же, табл. 18: 4); 3) кинжал из погребения № 2 у с. Казаровичи на Киевщине, отличие — более узкое перекрестье (Максимов, Петровская, 2008, с. 116; рис. 37: 3); 4) несколько случайных находок, в том числе на территории Венгрии, где мечи и кинжалы с подобным перекрестьем и антенновидным навершием представлены более широко, в частности — в памятниках V в. до н. э. (Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 2, 3); 5) важен меч с подобным перекрестьем из погребения 1-й половины V в. до н. э. у с. Крыловка в Степном Крыму (Колотухин, 2000, с. 99; рис. 19: 21); 6) к V в. до н. э. относятся мечи с подобными

перекрестьями и округлыми навершиями из двух погребений в Бессарабии (Бруйко, 2005, с. 187; рис. 43: 1; с. 190; рис. 44: 1); 6) хорошо известны мечи с подобными перекрестьями, но антенновидными навершиями (Мелюкова, 1964, табл. 20: 13; Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 6, 7), в том числе в хорошо датированных комплексах V в. до н. э. (Корпусова, Орлов, 1978, с. 71; рис. 4: 15; Евдокимов, Мурзин, 1984, с. 77; рис. 2: 38, с. 79; рис. 4: 2—4, 7).

Публикуется впервые.

28. Кинжал-акинак

VI в. до н. э.

Между сёлами Новоклёново-Межгорье, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 25,4 см.

Длина клинка 11,7 см. Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,3 см. Ширина: 2,2—2,6 см.

Длина навершия: 5,8 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — рамочная, с бортиками с обеих сторон, украшенными группами насечек. Навершие — антенновидное, с сильно закрученными острыми концами. Клинок непропорционально короткий по отношению к рукояти. Параллельные лезвия сужаются в последней трети длины. Выделено ребро жёсткости. В сечении клинок — в виде узкого ромба.

Аналогии весьма близкие: 1) случайные находки вблизи с. Сахновка в Приднепровской террасовой Лесостепи и г. Смела в Днепровском Лесостепном Правобережье (Мелюкова, 1964, табл. 20: 4, 5, 7). Такой же кинжал, но с более длинным клинком, — в Музее истории оружия в Запорожье

(Мурзин, Шлайфер, 2010; рис. 4). На территории Средней Европы аналогии: акинак из Козии (сближается и гофрированием боковых сторон ручки) и один из мечей могильника в Феридже (Vulpe, 1990, taf. 14: 71; 15: 73). По устройству ручки этот акинак весьма близок экземпляру, найденному на горном массиве Кубалач (№ 10 настоящего Каталога).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

29. Кинжал-акинак

VI — первая половина V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, южные склоны Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 27,4 см.

Длина клинка: 15,5 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см.

Длина ручки: 7,3 см. Ширина: 1,4 см.

Длина навершия: 3,9 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидной формы, довольно массивное. Ручка — плоская, узкая, прямоугольная в сечении. Навершие — антенновидной формы. Клинок — в виде сильно вытянутого треугольника со слабо выраженным ребром жёсткости, в сечении — вытянутой ромбовидной формы. Перекрестье и навершие закреплены довольно небрежно.

Аналогии: довольно многочисленные. Мечи и кинжалы подобного типа датируются обычно в рамках VI — 1-й половины V вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, табл. 20: 10; Петренко, 1967, табл. 33: 10). В Крыму меч с рукоятью подобного типа найден в кургане № 2 (погребение № 2) у с. Рылеевка Раздольненского района (Колту-

хов, 2012а, с. 73; рис. 60: 6), V в. до н. э.

Публикуется впервые.

30. Кинжал-акинак

Первая половина VI в. до н. э.

Горный массив Кубалач, низ Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо,ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 27,8 см.

Длина клинка: 17,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,4 см.

Длина ручки: 7,8 см. Ширина: 1,6—1,8 см.

Длина навершия: 3,9 см.

Перекрестье кинжала — лучковидной формы. Ручка — плоская. Навершие — антенновидной формы, с небольшими волютами по краям. Клинок — линзовидный в сечении — имеет серьёзные повреждения. Лезвия параллельны на протяжении всей длины клинка, сужаются только у острия.

Аналогии: прямые аналогии — не известны. На территории Юга Восточной Европы мечи и кинжалы с подобной формой перекрестья и более изогнутым, антенновидным навершием — крайне редки. Пример: меч или кинжал с частично обломанным клинком, найденный на Киевщине (Черненко, 1985; рис. 30: 5). Значительно шире они были распространены в древностях скифского типа Средней Европы, прежде всего — Румынии и Венгрии

(Vasiliev, 1980, pl. 13: 6; Скорый, 1982, с. 84; рис. 1: 12. Vulpe, 1990, taf. 15: 75; Simion, 1995, fig. 9: 2). Несколько мечей и кинжалов скифского типа с подобным серповидным навершием (но почковидным или сердцевидным перекрестьем) известно на территории Болгарии в памятниках VI—V вв. до н. э. (Мелюкова, 1979, с. 102; рис. 33: 23, 24).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

31. Бутероль от ножен меча или кинжала с элементами звериного стиля

Конец VII—VI вв. до н. э.

Горный массив Агармыш, у города Старый Крым, Кировский район.

Бронза. Литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 6,6 см. Ширина: 2,4—2,8 см.

Бутероль является втулкой в форме прямоугольника со слегка сходящимися друг к другу сторонами. Окончание оформлено в виде массивной орлиной головы. В основании головы птицы — небольшой округлый выступ, внутри которого пока-

зан округлый выпуклый глаз. Клюв передан удлинённым завитком, образующим вытянутый овал, в основании которого — острый язык. Верхний край втулки имеет окантовку в виде двух полосок. В верхней части втулки, с двух сторон находятся по одному отверстию неправильной формы и две симметричные вмятины, вероятно служившие для крепления к деревянной основе ножен.

Аналогии близкие: 1, 2) две бутероли из Нижне-Чегемского могильника на Северном Кавказе (Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11); 3) бутероль из гробницы № 2 Репяховатой Могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2); более отдалённые аналогии: 4, 5) две бутероли из могильника Фаскау на Северном Кавказе (Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. СХV: 4, 5); 6, 7) бутероли из Кобанского могильника (Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 1, 2); 8, 9) бутероли из Верхнего Аула и Белореченского могильника (Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 5, 6); 10) бутероль, случайно найденная на Пашковском городище в Прикубанье (Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1); 11) бутероль из могилы № 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры (Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в). Ещё более отдалённая аналогия — окончание ажурных бронзовых ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), оформленное в виде орлиной головки (Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3).

Из неопубликованных аналогий можно упомянуть бутероль (место находки не известно), размещённую в интернете⁷.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

32. Бутероль от ножен меча или кинжала с элементами звериного стиля

Конец VII—VI вв. до н. э.

Урочище Алан-Тепе, северо-западный склон, в 3,5 км к югу от города Старый Крым, в 1,5 км к северо-западу от монастыря Сурб-Степанос и в 1,5 км к востоку от монастыря Сурб-Хач, Кировский район.

Длина: 6,5 см. Ширина: 2,5—2,6 см.

Бутероль является втулкой в форме прямоугольника со слегка сходящимися друг к другу сторонами. В сечении она — линзовидной формы. Окончание оформлено в виде массивной орлиной головы. В основании головы птицы — округлый выпуклый глаз. Клюв передан удлинённым завитком, образующим вытянутый овал, в основании которого был — острый язык. Часть овала и язык — обломаны. Верхний край втулки имеет окантовку в виде двух полосок. В средней части втулки — литейный брак в виде овального отверстия размерами 0,9 × 0,5 см. В верхней части втулки, с двух сторон, находятся по два круглых отвер-

тия, служившие для крепления к деревянной основе ножен.

Аналогии: ближайшая: 1) вышеописанная бутероль (№ 31), найденная на горном массиве Агармыш, близ Старого Крыма. Отличие: у изделия, обнаруженного в урочище Алан-Тепе округлый глаз не выступает за линию схематично переданной головы птицы. Кроме того, достаточно близки: 2, 3) две бутероли из Нижне-Чегемского могильника на Северном Кавказе (Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11); 4) бутероль из гробницы № 2 Репяховатой Могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2); более отдалённые аналогии: 5, 6) две бутероли из могильника в Фаскау на Северном Кавказе (Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. СХV: 4, 5); 7, 8) бутероли из Кобанского могильника (Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 1, 2); 9, 10) бутероли из Верхнего Аула и Белореченского могильника (Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 5, 6); 11) бутероль, случайно найденная на Пашковском городище в Прикубанье (Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1); 12) бутероль из могилы № 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры (Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в). Ещё более отдалённая аналогия — окончание ажурных бронзовых ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), оформленное в виде орлиной головки (Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3).

Из неопубликованных аналогий можно упомянуть бутероль (место находки не известно), размещённую в интернете⁸.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

⁷ <http://domongol.org/gallery/image.php?pic id=6141>

⁸ <http://domongol.org/gallery/image.php?pic id=6141>

33. Бутероль от ножен меча или кинжала с элементами звериного стиля

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Александровка, Белогорский район.

Бронза. Литъё. Сохранность хорошая.

Длина: 6,9 см. Ширина: 2,0—2,2 см.

Бутероль является втулкой, с намеченным ребром жёсткости по центру, трапециевидной формы. Её окончание выполнено в виде стилизованной орлиной головы. В верхней её части выпукло передан округлый глаз. Клюв изображён слегка выгнутым вперёд завитком, в середине которого — отверстие. Изображение — условно и лаконично. Верхний край втулки имеет окантовку в виде двух полосок. С двух сторон, сверху бутероли, расположено по 2 отверстия для крепления её на деревянной основе ножен.

Аналогии близкие: 1) бутероль из могильника кобанской культуры Фаскау на Северном Кавказе (Уварова, 1900, с. 275—276, табл. СХV: 4); 2) бутероль из гробницы № 2 Репяховатой

Могила (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2); 3) бутероль из святилища Ахилла на острове Левка—Змеинный (Островеверхов, 2005, с. 233, 235; рис. 6: 3). Более отдалённые: 4) вторая бутероль из могильника кобанской культуры Фаскау на Северном Кавказе (Уварова, 1900, с. 275, 276, табл. СХV: 5); 5, 6) две бутероли из Нижне-Чегемского могильника на Северном Кавказе (Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11); 7, 8) бутероли, найденные в Кобанском могильнике (Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 1, 2); 9, 10) бутероли из Верхнего Аула и Белореченского могильника (Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 5, 6); 11) бутероль, случайно обнаруженная на Пашковском городище в Прикубанье (Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1); 12) бутероль из могилы № 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры (Патрушев, Халиков, 1982, с. 193; табл. 56: 4в). Ещё более отдалённая аналогия — окончание ажурных бронзовых ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), оформленное в виде орлиной головки (Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

34. Бутероль от ножен меча или кинжала с элементами звериного стиля

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Между сёлами Сенное и Некрасово, Белогорский район. Горный массив Кубалач, в сторону села Пролом, средняя часть косогора, на северном склоне. В этом месте найдены также акинаки (№ 9, 12 Каталога).

Бронза. Литъё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 6,6 см. Ширина: 1,8—2,7 см.

Бутероль представляет собой втулку трапециевидной формы, окончание которой украшено округлой стилизованной орлиной головой. В верхней части головы выпукло передан округлый глаз. Клюв изображён сильно загнутым вперёд завитком, в середине которого — отверстие правильной овальной формы. Внутри отверстия — острый язычок. Бутероль крепилась на деревянную основу ножен с помощью двух отверстий, находящихся с двух сторон в верхней части втулки.

Аналогии близкие: 1, 2) две бутероли из Нижне-Чегемского могильника на Северном Кавказе (Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11); 3, 4) бутероли из могильника кобанской культуры Фаскау на Северном Кавказе (Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. СХV: 4; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 3, 4); 5, 6) бутероли из Верхнего Аула и Белореченского могильника (Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 5, 6). Более отдалённые: 7) бутероль из гробницы № 2 Репяховатой Могила (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2); 8) бутероль из святилища Ахилла на острове Лев-

ка—Змеиный (Островерхов, 2005, с. 233, 235; рис. 6: 3); 9, 10) бутероли, найденные в Кобанском могильнике (Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 1, 2); 11) бутероль, случайно обнаруженная на Пашковском городище в Прикубанье (Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1: 11); 12) бутероль из могилы № 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры (Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в). Ещё более отдалённая аналогия — окончание ажурных бронзовых ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), оформленное в виде орлиной головки (Vasiliev 1980, pl. 12: 1, 3).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

35. Бутероль от ножен меча или кинжала

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Сенное и Дивное, Белогорский район.

Бронза. Литъё. Сохранность хорошая.

Длина: 5,0, максимальная ширина: 2,8 см.

В плане бутероль имеет вид вытянутого треугольника со слегка округлым концом. По центру выделяется линия выпуклости, свидетельствующая о том, что клинок меча или кинжала, для которого предназначались эти ножны, имел ребро жёсткости. В сечении предмет — вытянутой ромбовидной формы. С двух сторон, сверху бутероли, расположено по 2 отверстия для крепления её на деревянной основе ножен.

Аналоги: литые, довольно простые по исполнению бутероли (оковки, обивки, наконечники) подобной формы характерны для архаических древностей — 2-й половины VII — 1-й половины VI вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 62; Ильинская, 1968, с. 88; 1975, с. 97; Бойко, Берестнев, 2001, с. 38). Близки нашей находке наконечники из кургана № 406 у с. Журовка, в бассейне р. Тясмин, Днепро-вское Лесостепное Правобережье (Ильинская, 1975, табл. VIII: 6); кургана № 18 (погребение № 1) у с. Купьеваха, в бассейне р. Ворскла, в Левобережной Лесостепи (Бойко, Берестнев, 2001, с. 126; рис. 39: 2). Аналогичным образом устроена и бронзовая литая бутероль, украшавшая ножны длинного меча из кургана Старшая Могила в бассейне р. Сула, в Днепро-вском Лесостепном Левобережье, хотя она имеет несколько иные очертания (Ильинская, 1968, табл. I: 1). Стоит отметить, что подобная бутероль (в комплекте с акинаком архаического типа) найдена недавно в Крыму: судим по находке, происходящей с горного массива Агармыш близ Старого Крыма (Кировский район), с которой нас любезно ознакомил краевед Е.В. Панин.

Публикуется впервые.

36. Бутероль от ножен меча или кинжала

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Мелехово, Белогорский район.

Поблизости также найден наносник с изображением орлиноголового ушастого грифона с двумя птичьими головками на голове (№ 267 Каталога).

Бронза. Литъё. Сохранность средняя. Предмет сильно патинирован и частично повреждён.

Длина: 6,7 см. Максимальная ширина: 3,3 см.

В плане бутероль имеет вид сильно вытянутого треугольника со слегка округлым концом. В сечении — вытянутый овал. С одной из сторон, сверху бутероли, расположено 2 неровных, небрежно сделанных отверстия для крепления её на деревянной основе ножен. С другой стороны, начиная сверху, стенка бутероли обломана. В нижней части предмета, по одной линии, располагаются 2 круглых отверстия, диаметром до 0,5 см. Они свидетельствуют о том, что даже после повреждения бутероли, она продолжала использоваться, как деталь ножен.

Аналоги: те же. Близки нашей находке бутероли из кургана № 406 у с. Журовка (Ильинская, 1975, табл. VIII: 6) в

бассейне р. Тясмин, Днепро-вское Лесостепное Правобережье, кургана № 18 (погребение № 1) у с. Купьеваха (Бойко, Берестнев, 2001, с. 126; рис. 39: 2), в бассейне р. Ворскла. Аналогичным образом устроена и бронзовая литая бутероль, украшавшая ножны длинного меча из кургана Старшая Могила в бассейне р. Сула, в Днепро-вском Лесостепном Левобережье, хотя она имеет несколько иные очертания (Ильинская, 1968, табл. I: 1). Полная аналогия этой бутероли обнаружена также в степном ареале — кургане у г. Константиновск Ростовской области (Мурзин, 1984, с. 14; рис. 2: 2). Стоит отметить, что подобная бутероль (в комплекте с акинаком архаического типа) найдена недавно в Крыму: судим по находке, происходящей с горного массива Агармыш близ Старого Крыма (Кировский район), с которой нас любезно ознакомил краевед Е.В. Панин.

Публикуется впервые.

2.1.2. НАКОНЕЧНИКИ КОПЬЯ И ДРОТИКОВ

1/37. Наконечник копья с листовидным пером

Конец VII—VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, северный склон, у села Сенное, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 34,3 см.

Длина пера: 21,0; максимальная ширина: 5,0 см.

Длина втулки: 13,3; внешний диаметр: 2,7; внутренний: 2,3 см.

Данный экземпляр, исходя из формы пера, относится к лавролистным наконечникам без ребра на пере. По типологии А.И. Мелюковой, это 3-й вариант 3-го типа I отдела наконечников копий. Наконечник имеет лавролистное плоское перо, при этом длина

пера превышает длину втулки. У конусовидной втулки — продольный разрез по всей длине, в верхней части — маленькое круглое отверстие для крепления на древке. По параметрам наконечник вполне вписывается в упомянутый вариант, для которого характерна длина — 32—52 см. Наконечники данного типа бытовали в широком хронологическом диапазоне — VII—IV вв. до н. э., но экземпляры небольшого размера с плоским и тонким пером, т. е. такие, как наконечник копья из Кубалача, характерны для эпохи архаики — VII—VI вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 38—39, табл. 13: 1—6).

Аналогии: в курганах конца VII—VI вв. до н. э.: № 7 у

с. Аксютинцы (Мелюкова, 1964, табл. 13: 2), № 3 у хутора Поповка в бассейне р. Сула (Ильинская, 1968, табл. LI: 1). Сходный по очертанию пера наконечник копья — и в кургане № 20 могильника Нартан (Центральная часть Северного Кавказа), относящегося также к указанному времени (Батчаев, 1985, с. 52; табл. 48: 23).

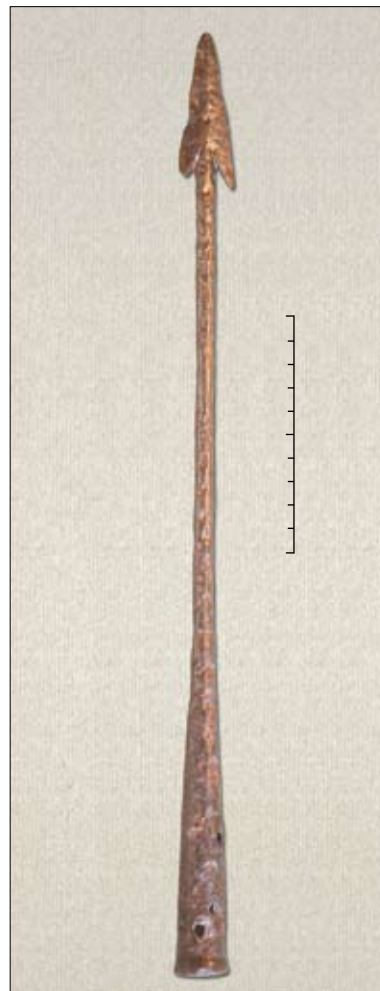
В Крыму аналогичные наконечники копий не фиксировались.

Публикуется впервые.

2/38. Наконечник дротика с жаловидной формой пера

Конец V—IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, возле села Некрасово, Белогорский район.

Железо,ковка. Сохранность удовлетворительная. Конец острия дротика, а также одно из жал немного обломаны.

Общая длина: 40,8 см.

Длина пера: 7,0; ширина: 2,6 см.

Длина стержня: 23,0; диаметр: 0,7 см.

Длина втулки: 12,0; внешний диаметр: 2,2, внутренний: 1,8 см.

Экземпляр принадлежит к группе наконечников дротиков обычной, по А.И. Мелюковой, длины — 34,5–46 см (Мелюкова, 1964, с. 44). Перо дротика — треугольно-вытянутое, довольно широкое, с одинаковой формы и длины жалами. Стержень — весьма длинный, плавно переходящий во втулку. Втулка имеет разрез по всей длине, её конец скреплён узким кольцом. На втулке — два круглых отверстия для крепления на древке и три отверстия — результат коррозии металла.

Аналогии: многочисленные (напр.: Мелюкова, 1964, с. 44; табл. 14: 13, 15, 16). В Крыму наконечники дротиков встречаются крайне редко (Колтухов, 2012, с. 127; ссылка 107). Пять наконечников дротиков было найдено среди вооружения знатного воина в Ак-Бурунском кургане близ Керчи (ОАК за 1875, с. 5; Яковенко, 1974, с. 99). Наиболее близкая крымская аналогия по размерам и форме (отличие — незамкнутая втулка) — из погребения конца V — начала IV вв. до н. э. в кургане № 4 у с. Червоное Нижнегорского района (Колтухов, 2012, с. 53, 54, 77, 137; рис. 28: 9).

Публикуется впервые.

3/39. Наконечник дротика с жалавидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, Змеиная Балка, Белогорский район.

Железо,ковка. Сохранность удовлетворительная. Конец острия дротика, окончания жал, часть втулки — обломаны.

Общая длина: 37,5 см.

Сохранившаяся длина пера: 9,6; ширина пера: 3,3 см.

Длина стержня: 20,0; диаметр: 0,6 см.

Длина втулки: 9,5; ориентировочный диаметр: 1,6 см.

Экземпляр принадлежит к группе наконечников дротиков обычной, по А.И. Мелюковой, длины — 34,5–46 см (Мелюкова, 1964, с. 44). Перо дротика — треугольно-вытянутое, более широкое и длинное, чем у описанного выше наконечника, с одинаковой формы и длины жалами. Стержень — менее длинный, более резко переходящий во втулку конической формы.

Аналогии: подобные наконечники получили широкое распространение в древностях скифской поры степного Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы. Наконечники дротиков с широким пером при узком стержне характерны в первую очередь для этого типа оружия IV в. до н. э. Хорошие образцы — в погребальных памятниках Среднего Дона (Либеров, 1965, с. 75; табл. 18: 26; Савченко, 2004, с. 173; рис. 8: 6).

В Крыму такие наконечники дротиков ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

4/40. Наконечник дротика с жалавидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, юго-западный склон, напротив села Мелехово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая. Край втулки имеет повреждение.

Общая длина: 24,5 см.

Длина пера: 7,8; ширина: 2,2 см.

Длина стержня: 8,5; диаметр: 0,7 см.

Длина втулки: 9,0; внешний диаметр: 2,0; внутренний: 1,7 см.

Экземпляр принадлежит к группе наконечников дротиков небольшой, по А.И. Мелюковой, длины — 23,0—26,5 см (Мелюкова, 1964, с. 44). Перо дротика — треугольно-вытянутое, с одинаковой формы и длины жалами. Стержень — короткий, переходящий во втулку конической формы. На конце втулки расположена слегка повреждённая муфта и два отверстия для крепления наконечника на древке.

Аналогии: подобное оружие получило широкое распространение в древностях скифской поры IV в. до н. э. степного Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы. Примеры аналогичных наконечников дротиков в степных погребениях: курганы № 11, 13 (Хомина Могила) у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (Мозолевский, 1975, с. 203; рис. 17: 15; с. 228; рис. 34: 11), лесостепных: курган № 432 у с. Журовка, Днепропровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 177; табл. 36: 22), в древностях Среднего Дона: курган № 8 у с. Русская Тростянка (Савченко, 2004, с. 172; рис. 7: 1).

В Крыму такие наконечники дротиков ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

5/41. Наконечник дротика с жаловидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая. В начале втулки —

повреждение в виде сквозного отверстия вытянутой формы. Одно из жал — обломано.

Общая длина: 20,2 см.

Длина пера: 5,4; ширина: 2,2 см.

Длина стержня: 7,0; диаметр: 0,8 см.

Длина втулки: 7,5; внешний диаметр: 2,0; внутренний: 1,7 см.

Наконечник дротика принадлежит к весьма коротким по длине экземплярам. Перо его — треугольно-вытянутое, довольно широкое, с одинаковой формы и длины жалами. Короткий стержень плавно переходит в коническую втулку, окончание которой скреплено узким кольцом.

Аналогии: столь небольшой длины экземпляры иногда встречаются в древностях скифской поры IV в. до н. э. степного Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы. Примеры близких по форме и

размерам наконечников дротиков в степных погребениях: курганы № 11 у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (Мозолевский, 1975, с. 203; рис. 17: 15), лесостепных: курган № 432 у с. Журовка, Днепропровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 177; табл. 36: 22), в древностях Среднего Дона: курган № 8 у с. Русская Тростянка (Савченко, 2004, с. 172; рис. 7: 1).

В Крыму такие наконечники дротиков ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

6/42. Наконечник дротика с псевдожаловидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Русское и Мелехово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 14,5 см.
Длина пера: 4,5; ширина: 1,3 см.

Длина стержня: 4,5; диаметр: 0,8 см.

Длина втулки: 5,5; внешний диаметр: 1,8; внутренний: 1,5 см.

Данный наконечник дротики имеет ряд особенностей, выделяющих его из широкого круга известных экземпляров этого оружия: крайне небольшая длина, непропорционально широкая коническая втулка, и — что самое необычное — наметенные на пера с двух сторон и не проточенные жала. Крепилось к древку с помощью одного отверстия.

Аналоги: прямые обнаружить этому наконечнику дротики, в силу своеобразия пера и небольших общих размеров, не удалось. Тем не менее, общие пропорции оружия вполне позволяют отнести его к скифской культуре.

Публикуется впервые.

2.1.3. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ:

1/43—142/184⁹

В коллекции наконечников стрел (142 экз.) подавляющее число — бронзовые, лишь 10 наконечников изготовлены из кости. Наконечники составляют группу, включающую многообразие типов и охватывающую значительный хронологический период — от раннескифского времени по позднескифскую пору. Конкретное место находок большинства из них не известно. Есть сведения лишь о том, что они — из Юго-Восточного Крыма. Только в 9 случаях о пунктах находок можно говорить вполне определённо. Чрезвычайно важными являются находки трёх бронзовых наконечников-полуфабрика-

⁹ Здесь и далее: в случае размещения на фото более одного предмета, они расположены слева направо в порядке возрастания номеров.

тов, два из которых происходят из окрестностей с. Морское в Юго-Восточном Крыму.

1/43, 2/44. Двудопастные наконечники стрел с ромбической головкой и неудалёнными литниками — полуфабрикаты

VII в. до н. э.

Село Морское, Судакский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Оба наконечника двудопастные, с ромбовидной головкой, выступающей втулкой, имеющей в верхней части узкий острый шип (у одного экземпляра — обломан).

Размеры наконечника с сохранившимся шипом:

Высота: 4,7; ширина головки: 1,5; диаметр втулки: 0,5 см. Края ромбовидной головки — неровные. По центру головки и втулки хорошо просматривается литейный шов. Шип согнут к втулке, и выступает за её пределы. Литник на острие головки — округлой формы и слегка выходит за её пределы.

Размеры наконечника с обломанным шипом:

высота: 5,0; ширина головки: 1,5; диаметр втулки: 0,6 см. Литник на острие головки обломан, но не сточен.

Судя по различным размерам и пропорциям головки, эти наконечники отлиты в разных формах.

Относятся к наконечникам первой хронологической группы (I отдел, 1 тип), по А.И. Ме-

люковой (Мелюкова, 1964, с. 18) или к наконечникам т. н. жаботинского типа, по В.А. Ильинской (Іллінська, 1973, с. 14; рис. 1).

Принципиальное значение находок: они однозначно свидетельствуют об изготовлении наконечников данного скифского типа в Предгорном Крыму.

Аналогии: многочисленны. В Крыму такие наконечники найдены лишь в пещере Кизил-Коба в центральной части полуострова (Крис, 1981, табл. 8: 6–9), близ с. Краснокаменка (урочище Кизил-Таш) Кировского р-на (2 экз., не опубликованы, любезная информация А.В. Гаврилова) и несколько экземпляров, случайных находок из Восточного Крыма (любезная информация Е.В. Панина).

Публикуются впервые.

3/45–44/86. Двулопастные наконечники стрел с ромбическими головками

VII в. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки не известно (13 экз.); между сёлами Ворон и

Междуречье, Судакский район (25 экз.); село Межгорье, Белогорский район (1 экз.); село Некрасово, Белогорский район, горный массив Кубалач (3 экз.).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Наконечники имеют ромбическую, усечённо-ромбическую, в двух случаях (Ворон–Междуречье) — трапециевидную головку и в основном короткую втулку. Длина наконечников: 3,5–4,5; диаметр втулки: 0,5–0,8 см. У 25 экземпляров в основании втулки шип, в од-

ном случае — длиной до 2,5 см. Один из экземпляров, происходящий из села Некрасово — с очень широкой (1,8 см) головкой. У трёх наконечников, найденных между сёлами Ворон–Междуречье, с усечённо-ромбической головкой, без шипов, сильно сточены головки. Ещё у трёх шиповидных наконечников с ромбической головкой из названной серии — на втулках следы литейного брака в виде отверстий. Заслуживает особого внимания тот факт, что из 25 наконечников, обна-

руженных между сёлами Ворон—Междуречье, 13 имеют в той или иной степени согнутое остриё вследствие ударов о камни или скалы. По некоторым сведениям, в указанном месте в 2012—2013 гг. было обнаружено более 200 экземпляров подобных архаических наконечников¹⁰, которые, к сожалению, не вошли в состав настоящей коллекции.

Все экземпляры относятся к наконечникам первой хронологической группы (I отдел, 1 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 18; табл. 6: B1, B2, Г1—2) или к наконечникам т. н. жаботинского типа, по В.А. Ильинской (Ильинська, 1973, с. 14; рис. 1).

Аналогии: многочисленные. Однако в Крыму — нечастые находки: например, в пещере Кизил-Коба в центральной части полуострова (Крис, 1981, табл. 8: 6—9), близ с. Краснокаменка (урочище Кизил-Таш) Кировского р-на (2 экз., не опубликованы, любезная информация А.В. Гаврилова) и

несколько экземпляров из Юго-Восточного Крыма.

Публикуются впервые.

45/87. Двулопастный наконечник с лавролистной головкой и неудаленным литником — полуфабрикат

VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Шип обломан.

Высота: 4,4; ширина головки: 1,3; диаметр втулки: 0,4 см.

Двулопастный наконечник с лавролистной головкой, доволь-

но высокой втулкой, имеющий в основании шип. В верхней части головки — неудаленный литник округлой формы. Данный экземпляр бесспорно свидетельствует об изготовлении аналогичных наконечников скифского типа в Предгорном Крыму.

Относится к наконечникам первой хронологической группы (I отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 18, табл. 6: B2; B1, E1, 33, 4; И3, 4; K1, O1, П1, 3—6, 9). Ныне известны литейные формы для отливки подобных наконечников, например, на Бельском городище скифской эпохи в Днепропетровском Лесостепном Левобережье (Шрамко, 2002, с. 164; рис. 1, 2).

Аналогии: многочисленные. В Крыму достаточно хорошо представлены в памятниках горцев-тавров: у Гаспры (Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 1), на горе Кошка близ Симеиза (Крис, 1981, с. 36), на горе Малаба близ Алушты (Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 3—5), в Черкесс-Керменском могильнике (Крис, 1981, с. 121; табл. 41: 1—3), могильнике у с. Дружное (Колотухин, 1996; рис. 53: 26), на

¹⁰ Информацию любезно сообщил К.Л. Пипериди.

поселении Инкерманское (Крис, 1981, с. 16, 17).

В Степном Крыму, в скифских древностях встречаются редко: в одном из погребений у с. Приречное Нижнегорского р-на (Колотухин, 2000, с. 112; рис. 32: 18), в кургане № 5 (погребение № 3) у с. Красноярское Черноморского р-на (Колтухов, 2012, с. 65, 212; рис. 52: 3).

**46/88—70/112. Двулопастные
наконечники стрел
с лавролистными головками**

VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки не известно (21 экз.); гора Агармышь близ села Холодовка, Судакский район (2 экз.); село Мелехово, Белогорский район, горный массив Кубалач (2 экз.).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Наконечники имеют лавролистную головку, различной ширины, в зависимости от сточенности, довольно высокую втулку, снабжённую в 19 случаях шипом. У 6 наконечников на втулке — следы литейного брака в виде округлых сквозных отверстий.

Длина наконечников: 2,5 — 4,5; диаметр втулки: 0,5 см.

Относятся к наконечникам первой хронологической груп-

пы (I отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 18; табл. 6: Б2, В1, Е1, З3, 4, И3, 4, К1, О1, П1, 3—6, 9).

Аналогии: многочисленны. В Крыму достаточно хорошо представлены в памятниках горцев-тавров: у Гаспры (Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 1), на горе Кошка близ Симеиза (Крис, 1981, с. 36), на горе Малаба близ Алушты (Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 3—5), в Черкесс-Керменском могильнике (Крис, 1981, с. 121; табл. 41: 1—3), могильнике у с. Дружное (Колотухин, 1996, рис. 53: 26), на поселении Инкерманское (Крис, 1981, с. 16, 17).

В Степном Крыму, в скифских древностях встречаются редко: в одном из погребений у с. Приречное Нижнегорского р-на (Колотухин, 2000, с. 112; рис. 32: 18), в кургане № 5 (погребение № 3) у с. Красноярское Черноморского р-на (Колтухов, 2012, с. 65, 212; рис. 52: 3).

Публикуются впервые.

**71/113—74/116. Двулопастные
наконечники стрел
с треугольными головками**

VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Втулка у наконечников либо скрытая, либо слегка выступает, одна из лопастей, опущенная вниз может образовывать шип. У одного из наконечников — следы литейного брака в виде сквозного отверстия в верхней части втулки. Один наконечник отличается крупными размерами.

Длина экземпляров: 2,5—3,3; диаметр втулки: 0,5—0,6 см.

Наконечники относятся к первой хронологической группе (I отдел, 6 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 17, 19; табл. 7: А3).

Аналогии: известны в первую очередь в украинской Лесостепи (Ильинская, 1968, табл. II: 15, 17, 18).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

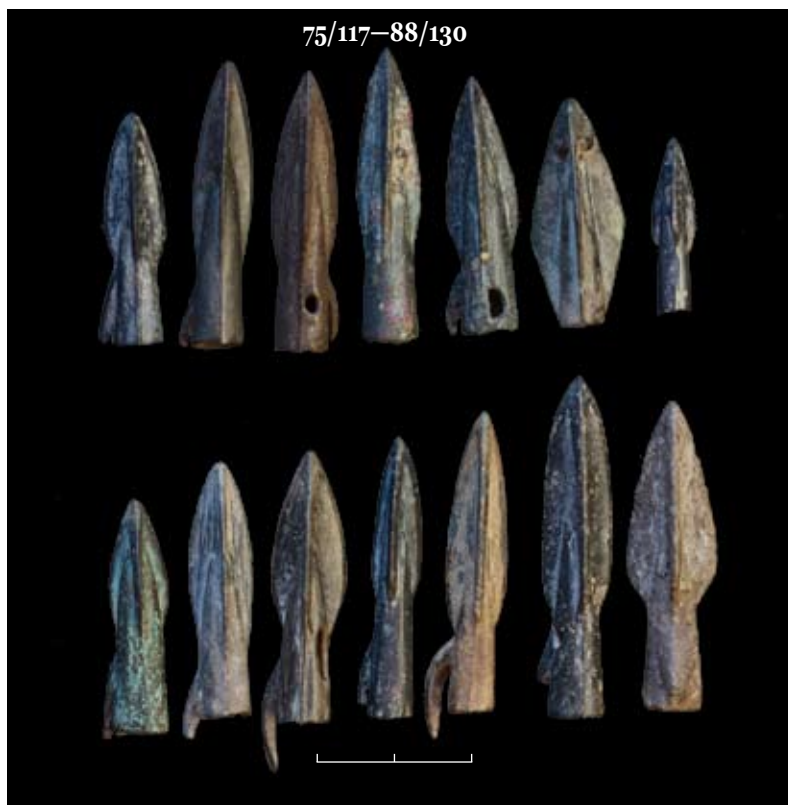
Публикуются впервые.

**75/117—93/135. Трёхлопастные
наконечники стрел
с лавролистной или
остролистной головками**

VII — первая половина VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки не известно

(14 экз.); село Межгорье (1 экз.); горный массив Кубалач (3 экз.); село Хлебное (1 экз.); Белогорский район.

Бронза, литъё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников варьирует: 2,2–4,5 (характерны длинные экземпляры), диаметр втулки: 0,5–0,6 см. 15 наконечников имеют шипы, у пяти из них — обломаны. На втулках у четырёх — следы литейного брака в виде округлых отверстий, у одного — втулка отломана. Один из наконечников отличается крайне малыми размерами, имея высоту 2,1 см.

Относятся к первой хронологической группе наконечников стрел (II отдел, 1–2 типы), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 19; табл. 6: А1, В3, Ж1, А2–7, О11–13) или к наконечникам т. н. келермеского типа.

Аналогии: в целом — многочисленные. Но в скифских памятниках Крыма встречаются крайне редко. Обнаружены: в

кургане № 19 (погребение № 7) у с. Крыловка Первомайского района и кургане № 5 (погребение 10) у с. Новогригорьевка Красногвардейского района (Колотухин, 2000, с. 99; рис. 19: 12; с. 103; рис. 23: 2).

Изредка фиксировались в древностях тавров, например, Черкесс-Керменском могильнике (Крис, 1981, с. 121; табл. 41: 3–14; с. 120; табл. 49: 4, 5).

Публикуются впервые.

94/136–111/153. Трёхлопастные базисные наконечники стрел

Вторая половина VI — V вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки не известно (13 экз.); между сёлами Ворон — Междуречье, Судакский район (1 экз.) горный массив Агармыш, окрестности с. Холодовка, Судакский район (1 экз.); окрестности села Отважное, Кировский район (1 экз.); горный массив Кубалач, Белогорский район (2 экз.).

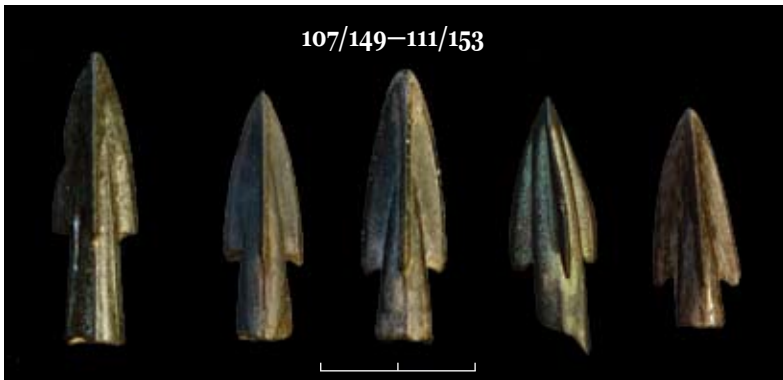
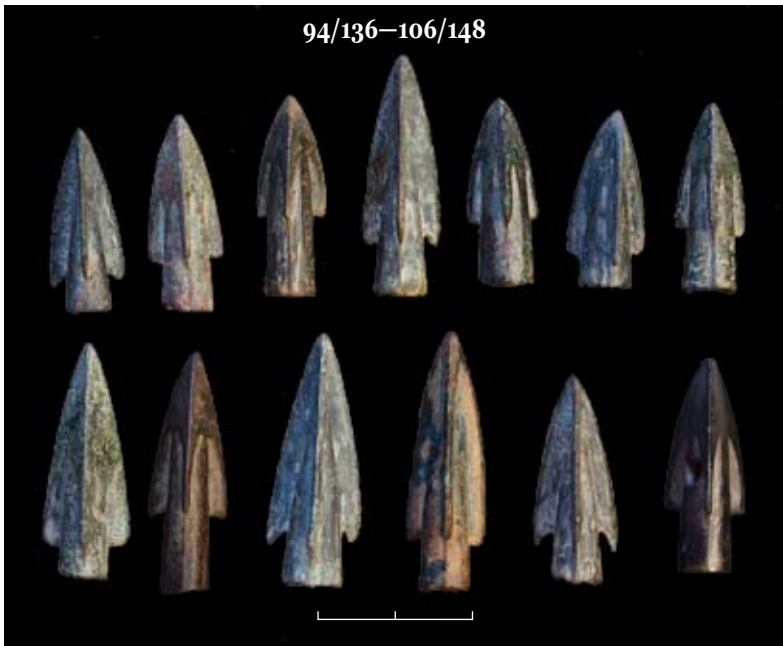
Бронза, литъё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 2,3–3,5; диаметр втулки — 0,5 см. У двух наконечников имеется брак литъя в виде круглого отверстия. Ещё один наконечник — с браком литъя и отломанной втулкой.

Относятся ко второй хронологической группе наконечников стрел (II отдел, 5 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 21, 28; рис. 1; табл. 7: А16).

Аналогии: широко известны в колчаных наборах скифского времени.

В Крыму зафиксированы в ряде скифских погребений: например, в кургане у с. Вишенное (погребение № 16) Краснопаркопского района (Колотухин, 2000, с. 82; рис. 2: 10); кургане № 2 (погребение № 3) у с. Владимировка, погребение у с. Снежное Черноморского района (Колотухин, 2000, с. 90; рис. 10: 1; Колотухов, 2012а, с. 189; рис. 29: 8); курганах у с. Матвеевка (Колотухин,

В Крыму зафиксированы в ряде скифских погребений, например: кургане № 3 (погребение № 3) у с. Калинино Первомайского района (Колотухин, 2000, с. 95; рис. 15: 4); кургане № 5 (погребения № 9, 12) у с. Григорьевка Красноперекопского района (Колотухин, 2000, с. 102; рис. 22: 10—12; с. 103; рис. 23: 11); кургане № 16 (погребение № 9) у с. Суворово Сакского района (Колотухин, 2000, с. 107; рис. 27: 9); курганах № 3 (погребение № 5), № 5 (погребение № 2) у с. Новоалександровка-Богачёвка Красноперекопского района (Колтухов, 2012, с. 123; рис. 14: 6); кургане № 2 (погребение № 2) у с. Рылеевка Раздольненского района (Колтухов, 2012а, с. 220; рис. 60: 7); курганах № 8 (погребение № 1), кургане № 9 (погребения № 2, 5) у с. Межводное Черноморского района (Колтухов, 2012а, с. 228; рис. 66: 4, 9, 13).

Публикуются впервые.

115/157, 116/158. Трёхлопастные наконечники стрел с треугольной головкой, проточенными высоко ложками и выступающей втулкой

V — начало IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 2,7; диаметр втулки: 0,5 см.

2000, с. 91; рис. 11: 3, 6, 7); № 8 (погребение № 1) у с. Дальнее; кургане № 19 (погребение № 1) у с. Крыловка Первомайского района (Колтухов, 2012а, с. 237; рис. 77: 2; Колотухин, 2010, с. 99; рис. 19: 2, 3, 5—7, 11); кургане № 9 (погребение № 1) у с. Суворово Сакского района (Колотухин, 2010, с. 106; рис. 26: 21).

Публикуется впервые.

112/154—114/156. Трёхлопастные наконечники с башневидной узкой головкой

Вторая половина V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки не известно

(2 экз.); окрестности села Межгорье, Белогорский район (1 экз.).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 3,8—4,0; диаметр втулки: 0,5 см.

У двух наконечников в основании втулки — шип. Один из наконечников имеет очень сточенную головку.

Относятся к третьей хронологической группе наконечников (II отдел, 10, 11 типы) по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 24; табл. 7: И5; 8: В2, 4, 5, Е3).

Аналогии: подобные наконечники получили широкое распространение в скифское время.

Относятся ко второй хронологической группе наконечников стрел (III отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 19–28; рис. 1; табл. 7: Г5, 6).

Аналоги: наконечники указанного типа не принадлежат к числу широко распространённых в колчаных наборах Скифии. В Степном Крыму известен ряд подобных наконечников, например, в каменном ящике № 1 у с. Снежное Сакского района (Колотухин, 2000, с. 105; рис. 25: 19); в кургане № 5 (погребение № 3) у с. Красноярское; кургане № 9 (погребение № 4) у с. Межводное Красноперекопского района (Колтухов, 2012, с. 212; рис. 52: 3; с. 226; рис. 66: 9). Встречаются изредка в таврских памятниках Горного Крыма (Крис, 1981, табл. 34: 2).

Публикуются впервые.

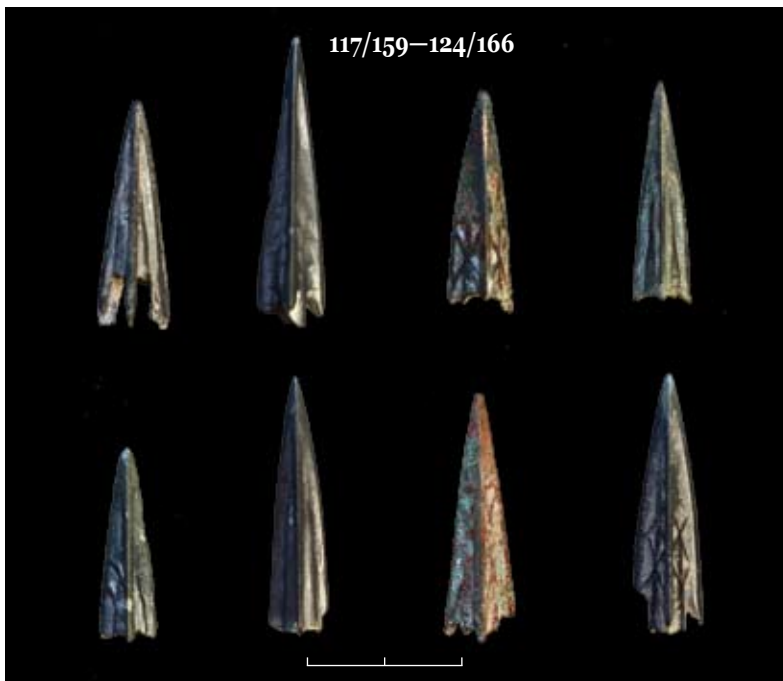
117/159–124/166. Трёхлопастные наконечники стрел с треугольной головкой, скрытой или слегка выступающей втулкой

IV в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литъё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 2,2–3,5; диаметр втулки — 0,5 см. Края лопастей у некоторых экземпляров подрезаны и опущены вниз. На головках четырёх наконечников есть литые рельефные

метки в виде знаков «ХХ» «Ж» или иных конфигураций.

Относятся к четвёртой хронологической группе наконечников стрел (II отдел, 8 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 25, 28; рис. 1; табл. 8: А4–7, Д1, Ж1–12).

Аналоги: наконечники этого типа получили чрезвычайно широкое распространение в скифское время. Хорошо представлены и в скифских комплексах Крыма. Примеры: в кургане № 11 (погребение № 3) у с. Астанино Ленинского района (Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 171; рис. 23: 4); кургане у с. Матвеевка (погребение № 3) Первомайского района (Колотухин, 2000, с. 91; рис. 11: 11–13, 15, 16); кургане № 17 (погребение № 1) у с. Крыловка (Колотухин, 2000, с. 96; рис. 16: 1); кургане № 3 (погребение № 3) у с. Вишнёвка Красноперекопского района (Колтухов, 2012а, рис. 13: 2); кургане № 8 (погребение № 2) у с. Красноярское Черноморского района (Колтухов, 2012а, с. 213; рис. 53: 8).

Публикуются впервые.

125/167, 126/168. Трёхгранные наконечники стрел с лавролистной головкой и высокой втулкой

Конец VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литъё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 3,2–3,9; диаметр втулки: 0,5–0,6 см. Головка одного из наконечников сильно сточена, у другого в основании втулки — шип.

Относятся к первой хронологической группе (III отдел, 1 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 17, 19; табл. 6: Ж2, К4; 7: А9).

Аналогии: подобные наконечники не являются преобладающими в колчаных наборах Скифии, в основном известны в памятниках скифской поры Лесостепи (Ильинская, 1968, табл. II: 11–12; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 36; рис. 6: 1–3).

В Крыму подобные находки достоверно не фиксировались.

Публикуются впервые.

127/169–130/172. Трёхгранные наконечники стрел с треугольной головкой

Конец VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 1,8–2,7; диаметр втулки: 0,5–0,6 см. Два наконечника отличаются небольшими размерами, два — довольно длинные. Все экзем-

пляры имеют выступающую втулку.

Относятся к первой хронологической группе (III отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 17, 19; табл. 6: Е5).

Аналогии: подобные наконечники не являются преобладающими в колчаных наборах Скифии, но вполне обычны в памятниках скифской поры Лесостепи (например: Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 36; рис. 6: 6, 7, с. 45; рис. 14: 1, 13).

В Крыму ранее подобные наконечники достоверно не фиксировались.

Публикуются впервые.

131/173. Трёхгранный наконечник с треугольной головкой и скрытой втулкой

Вторая половина IV — начало III вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечника: 2,5; диаметр втулки: 0,5–0,6 см. В нижних частях граней — прямоугольные выемки.

Относится к четвёртой хронологической группе (III отдел, 5 тип), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 25, 28; рис. 1; табл. 8: Н3; 9: В6, Н7).

Аналогии: наконечники данного типа получили чрезвычайно широкое распространение в скифских памятниках Степи и Лесостепи Восточной Европы. Довольно хорошо представле-

ны в скифских древностях Крыма, например: в кургане № 12 (погребение № 1) у с. Ильичёво; кургане № 16 (погребение № 3) у с. Астанино Ленинского района (Яковенко, Черненко, Кортусова, 1970, с. 147; рис. 5: 30; с. 171; рис. 23: 4); кургане № 17 (погребение № 1) у с. Крыловка Первомайского района (Колотухин, 2000, с. 96; рис. 16: 3); кургане у сс. Новоалександровка—Богачёвка Красноперекопского района (Колтухов, 2012, с. 124; рис. 15: 6); кургане № 12 (погребение № 2) у с. Суворово Сакского района (Колтухов, 2012а, с. 178; рис. 18: 4); кургане № 11 (погребение № 9) у с. Красноярьское Черноморского района (Колтухов, 2012а, с. 124; рис. 54: 6).

Публикуется впервые.

132/174. Четырёхгранный наконечник с пирамидальной головкой и скрытой втулкой

VI—V вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечника: 3,4; диаметр втулки: 0,5–0,6 см.

Относится ко второй хронологической группе (IV отдел), по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 22, 28; рис. 1; табл. 7: А2).

Аналогии: встречаются крайне редко в кругу наконечников скифского времени. В Крыму достоверно не фиксировались.

Публикуется впервые.

133/175—142/184. Костяные пулевидные наконечники стрел со скрытой втулкой

IV в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район (10 экз.). Найдены вместе с бронзовой бляшкой в виде головы оленя, выполненной из обломка рогов с зооморфными превращениями (№ 311 настоящего Каталога).

У двух наконечников — повреждения: у одного обломано остриё, у другого — нарушена нижняя часть.

Длина наконечников: 5—5,5 см. диаметр втулки: 0,5 см. Изготовлены из трубчатых костей. В основании — треугольные выемки, образующие шипы.

Наконечники принадлежат к четвёртой хронологической группе, по А.И. Мелюковой

(Мелюкова, 1964, с. 29, 30; табл. 9: 32, 3).

Аналоги: костяные наконечники подобного типа не получили широкого распространения в колчанных наборах Скифии. Вместе с тем, они — не редкость в ряде скифских захоронений Крыма, например: курганах № 11 (погребение № 2), 17 (погребение № 2) у с. Астанино Ленинского района (Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 166; рис. 20: 6; с. 173; рис. 24: 1); кургане у с. Владимировка (погребение № 2) Джанкойского района (Колотухин, 2000, с. 86; рис. 6: 7); кургане № 4 (погребение № 10) у с. Рисовое Советского района (Колтухов, 2012; рис. 11: 9); кургане № 16 (погребение № 1) у с. Братское Первомайского района (Колтухов, 2012а, с. 252; рис. 92: 3).

Публикуются впервые.

**2.2. ДЕТАЛИ
ВОИНСКОГО КОСТЮМА**

2.2.1. ПРЯЖКИ РЕМНЕЙ

**1/185. Пряжка поясная
в виде скачущего воина**

Вторая половина IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Сенное и Дивное, Белогорский район. Находка 2010 года.

Бронза, Литьё. Дополнительно — глубокая гравировка. Пряжка частично повреждена: отсутствуют нижние части передних и задних конечностей коня, хвост.

Длина изделия: 6,0; максимальная высота: 4,9—5,0 см.

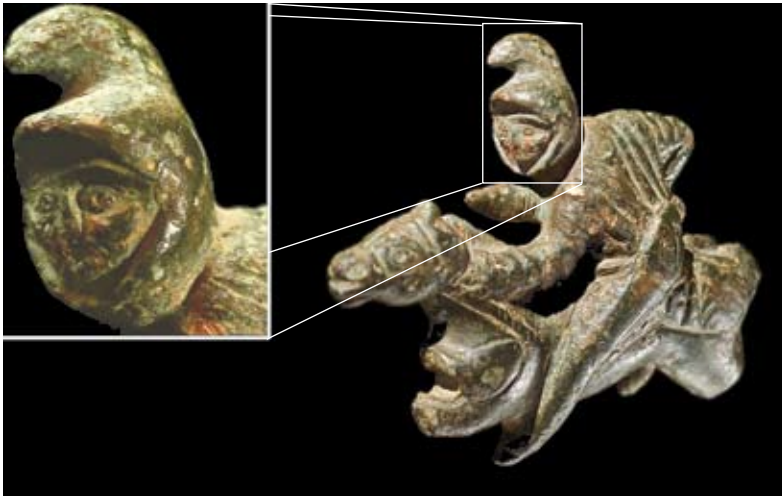
Фигура коня и большая часть туловища воина даны в профильном исполнении, барельефом, головы же всадника и коня — округлы, почти скульптурны. Обратная сторона изделия — плоская, без каких-либо следов дополнительной обработки.

С обратной стороны предмета, в районе конского крупа, расположен вертикальный штифт в виде буквы «Т», отлитый вместе с пряжкой, несомненно, для закрепления её на ременной основе. Штифт выступает в длину на 0,8 см, ширина верхней части 1,3—1,4 см.

Конник изображён несущимся во весь опор. На голове воина — шлем в виде фригийского колпака. Лицо, открытое от бровей до верхней части подбородка, достаточно выразительно. На всаднике — костюм скифского типа. Приталенная длинная куртка (или кафтан) со срезанными под острым углом полами подпоясана ремнём. Штаны — довольно узкие. В нижней части, от колена, на них просматривается выделенный слабым рельефом орнамент в виде S-видных завитков с окружностями в центре. На ногах скифики — мягкая обувь, без каблука.

133/175—142/184

Левой рукой, почти у головы коня, всадник сжимает верхнюю часть повода. В правой руке, наизготовку, на уровне груди — короткий дротик, с широким наконечником, расположенный параллельно шее коня. На левом бедре конника прикреплён к поясу небольшой горит с луком.

Из элементов конского оголовья следует отметить чётко очерченные горизонтальные налобный и нахрапный ремни, и соединяющий их — вертикальный ремень уздечки.

В целом изображение скачущего всадника весьма динамично и выполнено в достаточно реалистичной манере.

Аналогии: известны пока только на территории Крыма. Наиболее близкая — бронзовая пряжка в виде скачущего всадника, найденная в 1889 г. в Петровской балке, в Симферополе (Веселовский, 1891). Более отдалённые аналогии — пряжки в виде скачущих всадников из Керчи (Leskov, 2008, p. 196 — 197; № 266) и святилища у с. Щebetовка в Юго-Восточном Крыму (Скорый, 2013, с. 52).

Издано: Скорый, 2013а, с. 47; рис. 1, 2.

2/186. Поясная пряжка в виде скачущей лошади

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Радостное и Русское, Белогорский район. Находка 2012 года.

Бронза, Литьё. Дополнительно — гравировка. Пряжка частично повреждена: отсутствует часть туловища, начиная от крупа.

Сохранившаяся длина изделия: 3,3; максимальная высота: 4,0 см.

Пряжка передаёт левостороннее барельефное изображение молодой лошади, возможно, жеребёнка, сохранившееся от головы до начала крупа. Судя по положению обломанной ноги, лошадь представлена ска-

чущей. Хорошо проработан рот животного, ноздри. В технике гравировки, овальным углублением с отверстием в центре, передан глаз. На макушке слегка лобастой головы животного показаны торчащие уши. Небольшая грива изображена косой насечкой. В нижней части шеи лошади — широкий ремень, показанный в виде двух параллельных линий с нанесёнными

между ними точками, по-видимому, символизирующими бляхи. Лицевая сторона изображения тщательно заполирована, покрыта тёмно-зелёной патиной. Обратная сторона слегка вогнута с Т-образным штифтом для закрепления на кожаной основе ремня. Штифт выступает на 1,0 см, его ширина 2,0 см.

Аналоги: пока не известны. Но, судя по устройству, эта

пряжка вполне сопоставима с описанной выше пряжкой и сходными с нею подобными предметами.

Издано: Скорый, 2013а, с. 54; рис. 6.

2.2.2. ЗАСТЁЖКИ-КРЮЧКИ ОТ КОЛЧАНА-ГОРИТА ИЛИ ПОРТУПЕИ

1/187. Застёжка-крючок крестовидного типа

IV в. до н. э.

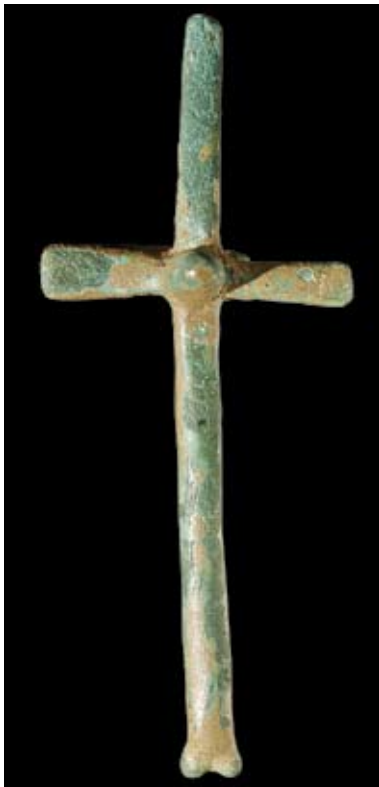
Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза. Литъё. Сохранность хорошая.

Длина: 9,0; ширина поперечной перекладины: 7,0 см.

Диаметр прута: до 0,4 см.

Застёжка-крючок крестовидного типа в виде длинного прута, округлого в сечении с перекладиной в последней трети длины. Один из концов резко загнут, и представляет

собой стилизованную головку хищной птицы. Сходство подчёркивается двумя выпуклыми окружностями в месте сгиба, символизирующими птичьих глаза. Головка является крючком застёжки. На одной из сторон перекладки — округлый выступ. С другой стороны — довольно широкий штифт для закрепления на ремне.

Учитывая вертикальное расположение стилизованной головы птицы относительно прута, следует трактовать данный предмет как крючок для подвешивания горита или колчана, либо в качестве застёжки портупеи ремня.

Аналогии: ближайшая: в погребении савроматской «амазонки» IV в. до н. э. из кургана № 4 Сладковского могильника в междуречье Северского Донца и Дона (Максименко, 1983, с. 31; рис. 17: 9). Весьма сходные экземпляры, но выполненные из железа — в курганах IV в.

до н. э. — у с. Весёлое Харьковской обл. на Северском Донце (Шрамко, 1993, с. 114; рис. 2: 1; с. 115) и кургане № 15 у с. Дуровка на Среднем Дону (Пузикова, 2001, с. 196, 247; рис. 45: 6; Савченко, 2004, с. 234; рис. 28: 7; с. 241).

В Крыму именно такие находки ранее не фиксировались. Публикуется впервые.

2/188. Застёжка-крючок

IV в. до н. э.

Керченский полуостров. Точное место находки не известно.

Бронза. Литьё. Сохранность хорошая, за исключением слегка нарушенной верхней части.

Длина: 8,0; максимальная ширина: 1,2 см.

Длина штифта: 1,8; ширина: до 0,5 см.

Застёжка в виде плоского прута, лицевая сторона которого слегка выпукла, заполирована, обратная — плоская. Нижняя часть застёжки пред-

ставляет собой стилизованную головку хищной птицы с сильно загнутым заострённым клювом. С двух сторон головки весьма рельефно выделены округлые глаза. Птичья головка отделена от основной части застёжки сужением. Функционально птичья головка представляет собой крючок застёжки. Верхняя часть предмета оформлена в виде двух птичьих головок с загнутыми клювами, глядящих в разные стороны. Одна из головок — обломана. Застёжка слегка расширяется в центральной части и сужается к краям. Лицевая сторона её декорирована четырьмя группами расположенных рядом валиков. В нижней части — 2 группы по 2 валика, в верхней — группы из трёх и четырёх валиков. С оборотной стороны застёжки, примерно по центру, находится штифт для закрепления на ремне, выступающий на 1,5 см относительно плоскости этого изделия. Назначение застёж-

ки — аналогичное предыдущей.

Аналогии: прямые данной застёжке нам не известны, но декором в виде горизонтальных валиков или насечек она напоминает железный «крючок» из погребения IV в. до н. э. в кургане № 4 у с. Веселое на Северском Донце (Шрамко, 1992, с. 114; рис. 2: 1).

В Крыму именно такие находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3/189. Застёжка-крючок с изображением конской фигурки

IV в. до н. э. (?).

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза. Литьё. Сохранность металла очень хорошая, но штифт на оборотной стороне обломан.

Общая длина: 10,5 см.

Длина фигурки лошади: 7,0; высота: 4,0 см.

Основу застёжки составляет профильное изображение конской фигурки, сочетающее в себе черты реализма и условности. Первые нашли отражение, прежде всего, в передаче головы животного на плавно изогнутой шее, которая хорошо узнаваема. Показаны острое ухо, на шее — узким кантом грива и чубчик ниже уха. Глаз передан овальным отверстием. Хорошо подчёркнуты скула животного и пухлые губы. Столь же реалистично изображён хвост животного, сужающийся к концу, с нанесённой на нём косой насечкой, по-видимому, указывающей на заплетение хвоста. Более схематично переданы туловище лошади, а изображение ног животного отличается ещё большей условностью. На наш взгляд, они больше напоминают конечности кошачьих хищников, хорошо представленных на серии нащёчников в виде бедра и ноги.

От уровня головы и передних ног животного застёжка продолжается собственно самим

крючком, передающим стилизованную голову хищной птицы с сильно загнутым клювом. С одной из сторон головы просматривается округлый рельефный глаз. Выше головы птицы, с обеих сторон, горизонтальная насечка, возможно, имитирующая птичье оперенье. Лицевая сторона пряжки тщательно заполирована, обратная — гладкая. На ней, в районе задних ног и хвоста, небольшая выемка, с более ярко выраженной

патиной и отверстием круглой формы, заполненное окислами железа. Несомненно, здесь первоначально располагался бронзовый штифт для закрепления застёжки на ремне, впоследствии обломанный. Окислы железа говорят о том, что вместо штифта для крепления на ремне использовалась, очевидно, некая железная петля.

Аналогии застёжке с изображением лошади нам неизвестны.

Публикуется впервые.

2.3. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УПРЯЖИ И УКРАШЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПОВОЗКИ

2.3.1. ОСТАТКИ ТРИЗНЫ БЛИЗ КУРГАНА

Село Хлебное, Белогорский район, вокруг кургана, в пахотном слое — 37 вещей.

По словам находчиков, вокруг кургана встречалось много костей животных, что, вероятно, указывает на проводившуюся здесь тризну.

Находки представлены деталями конского снаряжения (25 экз.) и украшениями, относящимися к погребальному кортежу (12 экз.).

ДЕТАЛИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

1/190—3/192. Псалии двудырчатые, с восьмёрковидным расширением в средней части, Г-образные, с секировидным окончанием

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

1, 2. Два однотипных псалия.

Общая длина: 14,0; ширина «секиры»: 2,5; длина — 2,5 см.

Прямой стержень псалиев с одной из сторон имеет плавное коническое расширение. Другая сторона стержня оформлена в виде широкой секиры, со срезанной верхней частью, расположенной под острым углом к стержню. Между краем секиры и стержнем — узкая перемычка, в одном случае — сломанная. Оба псалия переломаны в средней части, между отверстиями.

Аналогии: двудырчатые псалии Г-образной формы — весь-

ма широко использовались в системе конской упряжи в V в. до н. э. на территории Европейской Скифии. Тем не менее, прямых аналогий крымским псалиям найти не удалось. В определённой степени им близки псалии с секировидными окончаниями 1-й половины V в. до н. э. из кургана № 400 у с. Журовка и кургана № 188, группы «Д» у с. Большая Яблоновка (бассейн р. Тясмин) в Днепровском Лесостепном Правобережье (Петренко, 1967, с. 159; табл. 26: 8, 18).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

3. Псалий, отличающийся от первых двух.

Общая длина: 13,3; ширина «секиры»: 2,0; длина: 2,5 см.

Прямой стержень псалиев с одной из сторон имеет плавное коническое расширение. Другая сторона стержня

оформлена в виде более узкой секиры, с плавно расширяющимся краем расположенной под тупым углом к стержню. Псалий сохранился целиком.

Аналогии: те же. Двудырчатые псалии Г-образной формы — весьма широко использовались в системе конской упряжки в V в. до н. э. на территории Европейской Скифии. Тем не менее, прямых аналогий крымским псалиям найти не удалось. В определённой степени им близки псалии с секировидными окончаниями 1-й половины V в. до н. э. из кургана № 400 у с. Журовка и кургана № 188, группы «Д» у с. Большая Яблоновка (бассейн р. Тясмин) в Днепровском Лесостепном Правобережье (Петренко, 1967, с. 159; табл. 26: 8, 18). Более близкие аналогии известны на весьма отдалённой территории — в погребении № 2 кургана № 6 у Переволочаны в Южном Приуралье. Правда, указанные псалии изготовлены из железа (Очир-Горяева, 2012, с. 307; илл. 341: 3).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

4/193—7/196. Бляхи круглые, выпуклые, с петлями на оборотной стороне

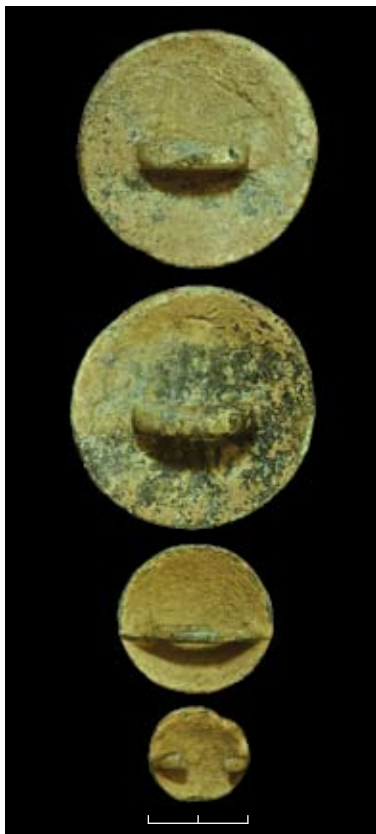
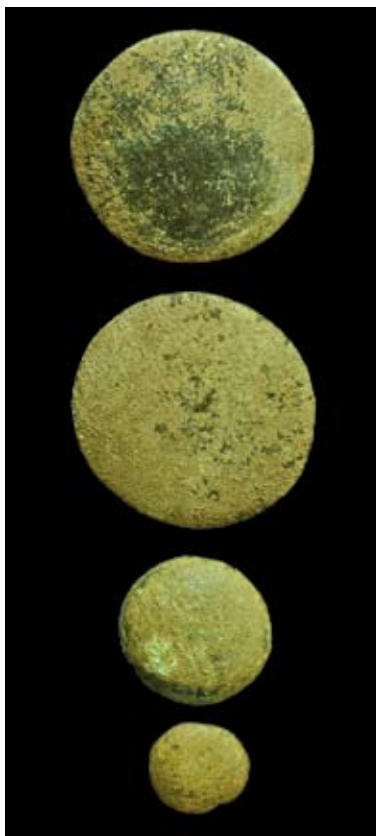
Скифская эпоха.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

4, 5. Две бляхи одинакового диаметра: 4,7 см.

Правильной круглой формы, с выпуклым гладким щитком и полукруглой петлей для крепления на кожаной основе упряжки. Высота петлей: 1,5; ширина: 2,5 см.

6. Бляха меньшего диаметра: 2,9 см, аналогичного устройства. На оборотной стороне полуовальная петля. Высота петлей: 1,7; ширина: 2,5 см.

7. Самая маленькая бляха, диаметром 1,8 см. С оборотной стороны — петелька. Её высота: 0,7; ширина: 1,6 см. Петелька поломана в центре.

Аналогии: круглые литые выпуклые бляхи широко известны в системе конского убора скифского времени, встречаясь в памятниках Степи (напр.: Манцевич, 1987, с. 106; кат. 82; Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 5; Бидзиля, Полин, 2012; рис. 65: 6—11; 67, 5, 6, 9, 11; 74: 2—4, 7, 8 и сл.) и Лесостепи (Могиллов, 2008; рис. 85—89) Восточной Европы. Известны они и в древностях Крыма (Крис, 1981, табл. 33: 14, 15, 18).

8/197—17/206. Однотипные бляхи в виде когтя хищной птицы

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Шесть блях — правосторонних, четыре — левосторонних.

Все бляхи — одинаковых размеров: высота 3,2; максимальная ширина: 2,5 см.

На оборотной стороне — полукруглая петля. Высота петлей: 0,8; ширина: 1,3 см. Под петлей — дорожка шириной до 1,0 см, для более прочного закрепления на ремешке основы оголовья.

У одной из шести правосторонних блях — неудалённый литник.

Коготь передан путем изображения трёх колен: основания, среднего и верхнего, а также полукруглого завитка. Каждое следующее от основания колена меньше предыдущего и находится по отношению к нему под небольшим углом. Из верхнего колена выходит полукруглый завиток, сужающийся к своему окончанию.

Аналогии: полные: в курганах № 401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), бассейн Тясмина, № 5 у с. Берестяги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровс-

8/197—17/206

кое Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 167; табл. 30: 8, 11; Могилов, 2008, с. 318; рис. 99: 9—11, 13).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. На оборотной стороне — полукруглая петля, под которой — дорожка шириной 1 см, для более прочного закрепления на ременной основе оголовья.

Аналогии: в кургане № 4 у с. Берестняги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 167: 12), кургане № 13 у с. Олефирщина (V в. до н. э.), междуречье Ворсклы и

18/207, 19/208. Бляхи в виде рогов с зооморфным превращением

V в. до н. э.

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Ширина: 4,0; высота: 3,0 см.

Высота петли: 0,8; ширина: 1,7 см.

Сложную композицию можно трактовать как условное изображение ветвистых рогов животного, выполненных при помощи приёма зооморфных превращений. Основанием композиции является вытянутая сверху вниз плоскость, от которой, в разные стороны отходят три отростка: два — влево, один — вправо. Каждый из отростков передан при помощи одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося

Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 29; рис. 11: 5). Аналогичные находки содержатся в данной коллекции (№ 308—310).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

20/209—23/212. Ворварки

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

20—22. Три однотипных экземпляра.

Вторая половина VI—V вв. до н. э.

Высота ворварок: 2,0—2,4; диаметр нижней части: 1,5—1,7; верхней: 0,5—0,8 см.

Диаметр отверстия: 0,4—0,5 см.

Относятся к срезано-коническим изделиям с вогнутыми боками (Могилев, 2008, с. 74). Имеют полифункциональное назначение, но широко использовались и как детали конской узда.

Аналогии: такие ворварки получили чрезвычайно широкое распространение в скифскую эпоху в степной и лесостепной зонах Восточной Европы: находки их исчисляются сотнями. Известны со 2-й половины VI в. до н. э. Особенно характерны для V в. до н. э. Единичные находки относятся к

IV в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 74, 75, 361, 362; рис. 141; 142: 1—44). Хорошо представлены в скифских памятниках Крыма V в. до н. э. (напр.: Бессонова, Скорый, 1986, с. 164; рис. 6: 7, 8; Колотухин, 2000, с. 98; рис. 18: 12; с. 102; рис. 22: 7, 8; с. 106; рис. 26: 9, 10; с. 107; рис. 27: 5, 6; с. 110; рис. 30: 4; с. 112; рис. 32: 11; Колтухов, 2012, с. 137; рис. 28: 37—39; 2012a, с. 263; рис. 103: 8—18).

Публикуются впервые.

23. Маленькая ворварка.

V—IV вв. до н. э.

Высота: 1,5; диаметр нижней части: 2,0; верхней — 0,8 см.

Диаметр отверстия: 0,7 см.

Относится к срезано-коническим изделиям широких пропорций (Могилев, 2008, с. 76).

Аналогии: довольно широко известны в древностях скифской культуры Степи и Лесостепи Восточной Европы. Появляются в среднескифское время, но наиболее характерны для IV в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 76, 77, 363; рис. 143: 4—46). Подобные ворварки хорошо представлены и в скифских памятниках Крыма (Колотухин, 2000, с. 106; рис. 26: 10; с. 112; рис. 32: 9; Колтухов, 2000, с. 137; рис. 28: 40; 2012a, с. 263; рис. 103: 20).

Публикуется впервые.

24/213, 25/214. Бляхи в виде лунницы — детали конского нагрудника

IV в. до н. э.

Бронза,ковка, резка.

Различаются по форме, размерам, степени сохранности.

Предназначались для украшения кожаного нагрудника лошади.

24. Бляха в виде подково-видной лунницы.

Высота: 4,7; сохранившаяся ширина: 3,5 см.

Бляха имеет вид узкого плоского полумесяца, рогами вниз, с выступающей в центре округлостью-ушком, в которой — от-

верстие для подвешивания. Ниже — ещё одно отверстие. Одно из «плечей» лунницы обломано. Изделие изготовлено небрежно, из тонкой листовой бронзы.

Аналогии: подобные предметы, как детали конских нагрудников, известны с конца V в. до н. э., например, в кургане Солоха (Манцевич, 1988, с. 108, 109, кат. 98), но особое распространение получают в IV в. до н. э. и зафиксированы в целом ряде степных курганов скифской элиты — Толстой Могиле (Мозолевский, 1979, с. 36, 37; рис. 21, 6), Краснокутском (Мелюкова, 1981, с. 51, 52; рис. 14: 5—11); Мелитопольском кургане (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 144, 145; рис. 159: 4, 5; 160: 1, 2); Чертомлыке (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 149, 151; кат. 14); Лемешевом кургане; Александрополе (Манцевич, 1987, с. 109) и др.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

25. Бляха в виде прямо-угольной лунницы.

Высота: 2,5; ширина: 3,3 см.

Небольшие рога этой лунницы расположены необычно — под прямым углом и сужаются к краям. В верхней и нижней части угла — по небольшому отверстию. В верхнем отверстии — проволочка для крепления.

Аналогии: ближайшие в Братолюбковском кургане на

Херсонщине (2-я половина второй четверти IV в. до н. э.) (Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 102; рис. 20).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОРТЕЖА

26/215–37/226. Круглые нашивные бляхи разных размеров – украшения погребальной повозки

IV в. до н. э.

Бронза,ковка, резка. Сохранность различная.

Бляхи вырезаны из тонкого слегка выпуклого листа, с несколькими круглыми небольшими отверстиями для крепления на мягкой основе.

Размеры 8 из них определяются довольно точно, 4 бляхи представлены фрагментами. По диаметру выделяется 3 группы:

а) крупные бляхи, диаметром 5,6 см. Из них целый один экземпляр, 3 иные в той или иной степени фрагментированы. Имеют по 4 маленьких круглых отверстия для нашивания на основу.

б) средние по величине бляхи, диаметром 3,7 см. Одна из них сохранилась целиком, дру-

гая — частично фрагментирована. Также имеют по 4 отверстия для нашивания на основу.

в) мелкие бляхи, диаметром 2,5 см. Обе бляхи частично повреждены. Крепились, скорее всего, с помощью двух отверстий.

Остальные 4 бронзовых фрагмента, видимо, принадлежали наиболее крупным из этих блях. У одного из них, помимо отверстий для крепления, в верхней части сохранилось петельчатое ушко для подвешивания.

Аналогии: довольно многочисленные. Подобные бляхи — обычны среди остатков погребального кортежа в скифских элитных курганах Северопричерноморской Степи, например, в Толстой Могиле (Мозолевский, 1979, с. 117; рис. 100: 6–12); Краснокутском кургане (Мелюкова, 1981, с. 46–49; рис. 13: 1–15); Мелитопольском кургане (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 100; рис. 108); Чертомлыке (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 153–155; кат. 24: 2); Бабиной Могилой (Мозолевский, Полин, 2005, с. 114; рис. 48: 1–5); Гаймановой Могилой (Бидзиля, Полин, 2012, с. 252; рис. 371; с. 254; рис. 373) и др. Подробнее о них: (Болтрик, Савовский, 1991, с. 106, 107; Болтрик, 2009, с. 46, табл. 2).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

2.3.2. КОМПЛЕКТЫ ДЕТАЛЕЙ УПРЯЖИ

КОМПЛЕКТ № 1

(предметы найдены вместе)

Вершина Айлянма-Кая, 1,5 км северо-западнее села Мичуринское, Белогорский район.

1/227. Нащёчник

в виде головы вепря, глядящей влево

Вторая половина V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина нащёчника: 8,5 см.

Максимальная высота: 3,5 см.

Петля обломана. Ширина: 1,0 см.

Голова вепря представлена в профиль. Изображение — в низком рельефе, в довольно реалистичной манере. Нос — в виде трёх продольных рельефных складок; переднее окончатое верхние складки загнута вверх под прямым углом, образуя условное окончание носа («пятак»). Нижняя складка носа

очерчивает верхнюю губу. Нижняя губа — в виде одной складки. Пасть как бы приоткрыта: складка нижней губы неплотно прилегает к складке верхней, образуя два треугольных отверстия. Из середины нижней губы отходят мощные клыки, поднимающиеся на высоту загривка. В своей верхней части они загнуты назад. Загривок трактован декоративно линией рубцов, идущих от основания носа до треугольного уха. Глаз подчеркнут рельефным эллипсовидным контуром. В нём четко различимы собственно глаз и примыкающая к нему и чуть уступающая по размеру слезница. С тыльной нижней части головы расположен массивный рельефный выступ в форме полумесяца, условно передающий щеку животного. На оборотной стороне — обломанная петля.

Аналоги: близкие (идентичные, полные стилистические аналогии не известны): 1) в кургане у с. Днепряны Херсонской области, Степная Скифия, 2-я половина V в. до н. э. (Мурзін, Черненко, 1979, с. 61–63); 2) кургане № 4 группы Семибратние

курганы, Кубань, середина V в. до н. э. (*Scythian art*, 1986, p. 100; pl. 94); 3) на Таманском полуострове, в дельте реки Кубань, V в. до н. э. (Королькова, 2006, с. 178; табл. 9: 6); 3) в кургане № 24 вблизи Нимфея, Крым, V в. до н. э. (*Древний город Нимфей*, 1999, кат. 236); 4) на Нимфейском городище, V в. до н. э. (Яковенко, 1974, с. 81; рис. 29: 1). Нащёчник с правосторонним изображением головы вепря найден в погребении № 1 у Хошеутово, Нижнее Поволжье, V в. до н. э. (Королькова, 2006, с. 178; табл. 9: 1).

Публикуется впервые.

2/228, 3/229. Нащёчники в виде стилизованного изображения бедра и двух ног копытного хищника

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Бронза, литьё. Один из нащёчников имеет хорошую сохранность, у второго — одна лапа животного.

Максимальная высота: 7,6 см.

Ширина (по оконечностям овала): 5,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7 см.

Ширина петли: 1,3 см.

Нащёчник представляет собой немного вытянутый слева направо овал, внизу которого расположены две «идушие» ноги, каждая из которых заканчивается тремя вытянутыми пальцами. Окончания пальцев, в свою очередь, переданы округлыми когтями. Трёхпалые когтистые окончания лап являются достаточно массивными. С правой стороны овала расположено округлое углубление. На одном из нащёчников оно имеет отверстие, более позднего характера, на другом — спиралевидный завиток. С противоположной стороны углубления расположен «хвост», условно переданный рельефной склад-

ко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13); 2) некрополе на Тузле, Кубань, IV в. до н. э. (*Scythian Art*, 1986, kat. 278); развешанном кургане у с. Софиевка, Террасовая Левобережная Лесостепь; случайная находка, приведённая в интернет-каталоге «Ancient touch» (Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4). Абсолютно аналогичный нащёчник есть и в публикуемой коллекции предметов (по общей нумерации Каталога № 286). Найден он в районе больших курганов на Ак-Кае, близ Белогорска. Наиболее характерны подобные нащёчники для 2-й половины V в. до н. э. — начала IV вв. до н. э. (Могилев, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3).

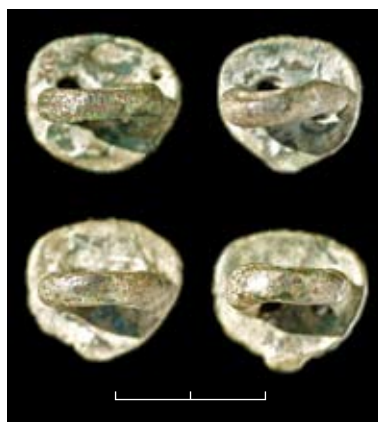
В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

КОМПЛЕКТ № 2

(предметы найдены вместе)

Вершина Айлянма-Кая, 1,5 км северо-западнее села Мичуринское, Белогорский район.

кой и небольшим отростком, расположенным между лап.

По классификации А.Р. Канторовича, бляха относится к нащёчкам типа «Тузла—Бобрлица» (Канторович, 2012, с. 25, 26; рис. 2). С оборотной стороны нащёчников находится маленькая полукруглая петля, сквозь которую проходит дорожка шириной 0,7 мм, для более надёжного закрепления на ремешке основы оголовья. Скорее всего, нащёчники были отлиты в одной форме.

Аналогии: группа нащёчников, изображающих стилизованную ногу кошачьего хищника, довольно велика. Но прямых аналогий — всего лишь несколько: 1) в кургане № 66 у с. Бобрлица, Днепровское Лесостепное Правобережье, рубеж V—IV вв. до н. э. (Петрен-

1/230—4/233. Бляшки в виде сцены терзания волчьим (?) хищником головы рогатого копытного

V—IV в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 2,0; ширина: 2,0 см.

Высота петли: 1,2; ширина: 1,7 см.

Изображение крайне условно, выполнено анфас, в низком рельефе. Представляет собой округлую, подковообразную форму, в которую вписана волчья (?) голова. Она передана плоскостью, которая делится на широкую верхнюю лобовую и узкую нижнюю носовую части. На широкой лобовой части расположены глаза в виде вдавленных кружочков. Верхнее окончание лобовой части — рубчатое. Головка животного

помещена в подковообразную форму, развёрнутую своими заострёнными концами вверх. На ней слабо прослеживаются черты горизонтального рельефа. Не исключено, что подковообразная деталь бляхи передает крайне схематично рога копытного животного. Мастер стремился подчеркнуть «звериные черты» изображения, которые могли бы компенсировать крайнюю условность передачи отдельных черт. На оборотной стороне — петля полукруглой формы.

Аналогии: прямые не обнаружены. Но в такой же схеме выполнены изображения на бляхах, найденные в курганах № 22 у с. Староживотинное на Среднем Дону (терзания кошачьим хищником?) (Медведев, 1999, с. 108; рис. 54: 6). В.И. Гуляев приводит изображения мед-

ведей, выполненные в подобной схеме, хорошо представленные в древностях Среднего Дона скифской поры (Гуляев, 2012, с. 141; табл. II: 11–13, 16, 18).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

5/234. Щитковый наносник в виде головы осла или мула

V–IV вв. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 5,0; ширина: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Щитковый наносник украшен головой животного с очень длинными, широкими и прямыми ушами, напоминающего осла или мула. Глаза переданы выпуклыми округлостями, морда сужена книзу, рот слегка приоткрыт. На лбу и носу — две округлые выпуклости, назначение которых непонятно.

Аналоги: наиболее близкая — в Левобережной Лесостепи (бассейн Сулы) в кургане № 1 (1897–1898) у с. Волковцы, V в. до н. э. (Могилов, 2008, с. 89, 385; рис. 165: 7).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

6/235. Щитковый наносник в виде орлиноголового ушастого грифона с петушиным гребнем

Вторая половина IV в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 4,4; ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносник в виде щитка, нижняя часть которого украшена тремя линиями округлых выпуклостей, а верхняя — головой ушастого орлиноголового грифона с петушиным гребнем, с четырьмя остроугольными выступами. Глаза переданы округлыми выпуклостями, уши — остроугольные, небольшой клюв слегка загнут. В основании головы расположено округлое отверстие для крепления наносника на налобном ремне.

Аналоги: абсолютная — наносник из настоящей коллекции под № 268 Каталога. В целом такие наносники известны — в меньшей степени в Лесостепи и очень широко — в Степи. Лесостепь — Средний Дон: с. Колбино, курган № 26 — середина-третья четверть IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 253, 313; рис. 9: 11). Степь — Бабина Могила, середина–2-я половина IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 2); Гайманова Могила (Бидзиля,

Полин, 2012, с. 407; рис. 568); кургане № 2 (погребение № 3) у пос. Петровка Донецкой обл.; IV в. до н. э. (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 8). Многочисленны находки таких наносников в насыпи кургана Чертомлык (23 экз.), 3-я четверть IV в. до н. э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: с. 151, 152; кат. 17). Аналогичный наносник, найденный в Южной России, известен в собрании Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin. Он также относится к IV в. до н. э. (Leskov, 2008, p. 216, cat. № 298).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

КОМПЛЕКТ № 3 (предметы найдены вместе)

Посёлок Багерово, Ленинский район, Азовское побережье Керченского полуострова, в районе «Генеральских пляжей», в непосредственной близости от газоперекачивающей станции, недалеко от устья речки Серная.

1/236. Голова животного с зооморфными превращениями

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота бляхи: 4,8 см.

Ширина: 3,7 см.

Ширина петли на оборотной стороне: 1,2 см.

Высота петли: 0,7 см.

Голова животного (волка?) выполнена в фас, в низком рельефе. Она образована длинной узкой планкой, слегка закругленной и расширенной в нижней части, а также двумя орлиными головками, симметрично размещенными в верхней части планки. Головки расположены вертикально, таким образом, что их глаза, одновременно, являются и глазами жи-

2/237—5/240. Головы кошачьего хищного животного в фас

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 3,0; максимальная ширина: 2,0 см.

Ширина петли на оборотной стороне: 1,6 см.

Высота петли: 1,0 см.

Голова представляет собой овал, верхняя часть которого выпуклая, а нижняя, слегка сужающаяся — более плоская. В верхней части изображены прижатые к голове лепестковой формы уши. Глаза ограничены выступающим валиком, переходящим в короткий узкий нос. За счет ширины линий обрамление глаз напоминает форму очков. В двух экземплярах выпуклости зрачков имеют овально-вытянутую, близкую к каплевидной форму. В двух других — четкую круглую форму, к которой примыкает маленькая выпуклость, очевидно передающая слезницу. Две

щеки, расположенные симметрично, по разные стороны от носа, переданы выпуклостями.

Короткая морда животного, выделенные щёки, узкий нос, овальная форма глаз сближают его с кошачьими хищниками. Удлиненная овальная форма ушей в большей степени характерна для изображения копытных, однако она встречается и у кошачьих хищников. С оборотной стороны — прямоугольная петля.

Аналогии: крайне редки. Наиболее близкие — бляшка из с. Грищенцы в Днепроовском Лесостепном Правобережье, V в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 46, 312; рис. 94: 27); из разрушенного кургана у хутора Шунтук в Адыгее, конец V — начало IV вв. до н. э.; кургана № 2 (ритуальный комплекс) у хутора Уляп в Адыгее (Канторович, Эрлих, 2006, с. 125, 192; кат. 75; с. 127, 197; кат. 86), а также бляхи, входящие в настоящую коллекцию, (№ 338, 339 по Каталогу).

В Крыму подобные бляхи ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

вотного, а роговицы — острыми ушами. Клювы упираются в верхнюю часть планки, которая раздваивается и закругляется. Глаза выполнены в виде выпуклых кружков, находящихся в углублениях. В целом изображение очень условно и несёт на себе заметную печать декоративности. С оборотной стороны — прямоугольная петля.

Аналогии: прямые найти не удалось. Весьма отдалённо напоминает нижнюю часть этой бляхи экземпляр, изображающий морду волка в фас, найденный в савроматских памятниках Поволжья, конец VI — 1-я половина V вв. до н. э. (Максимов, 1976, с. 215; рис. 3: 9).

Публикуется впервые.

2.3.3. ПСАЛИИ

1/241. Фрагмент двудырчатого S-видного псаляя, украшенного фигуркой кошачьего

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Верхняя часть изделия. Сохранность металла хорошая.

Сохранившиеся размеры: длина: 5,6; ширина: 3,5 см.

Двудырчатый псаляй первоначально имел S-видную форму и, по-видимому, представлял собой фигурку кошачьего хищника (пантера?), верхняя и нижняя часть туловища которого были развёрнуты в противоположные стороны. Сохранилось изображение лишь верхней части, по передние конечности. Массивная лобастая голова хищника, на толстой шее изогнута вниз, соприкасаясь с передней лапой. Уши маленькие, остролистные, прижаты к голове. Глаз округлый, непропорционально большой. Раскрытая пасть хищника изображена посредством круглого отверстия. Лицевая сторона изделия заполирована, оборот-

ная — грубая. Облом псаляя — древний.

Аналоги: очень близкая — в кургане № 4 группы Семибратние курганы на Кубани (середина V в. до н. э.), раскопки В. Тизенгаузена 1876 г. (*Scythian Art*, 1986, pl. 86). Подобный по облику псаляй V в. до н. э., происходящий из Южной России, хранится в собрании Museum für Vor- und Frühgeschichte, в Берлине (*Leskov*, 2008, p. 196, cat. № 266). Более отдалённые изображения кошачьих в такой же схеме на псаляях известны из кургана № 522 у Смелы, 1-я половина V в. до н. э. (*Моголов*, 2008, с. 286. рис. 71: 8) и в коллекции Харьковского исторического музея (*Вальчак*, 1998, с. 21; рис. 6: 9). Похоже, обломок ещё одного сходного бронзового псаляя, верхняя часть которого была украшена протомой кошачьего хищника, был найден в кургане № 4 у с. Волковцы в Посулье, V в. до н. э. (*Ильинская*, 1968, табл. XLIV). Следует также отметить, что близкие по иконографии изображения кошачьего хищника встречаются иногда и на налобниках, известных например, в памятниках IV в. до н. э. в Адыгее (*Канторович, Эрлих*, 2008, с. 123, 124, 192, кат. 69).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2/242. Фрагмент двудырчатого S-видного псаляя со скульптурной головкой кошачьего

V в. до н. э.

Город Феодосия, гора Челноки, ближе к мысу Св. Ильи.

Бронза, литьё. Верхняя часть изделия. Сохранность металла очень хорошая.

Сохранившиеся размеры: длина: 3,0; ширина: 1,9 см.

Диаметр прута: 0,9 см.

Верхняя часть псаляя в виде скульптурной головкой кошачьего хищника. Животное имеет стоячие полукруглые уши (одно из них обломано в древности и

заполировано), с обеих сторон лба — глаза, переданные выпуклыми кружками. Морда — широкая, тупая, с хорошо проработанными ноздрями. Пасть хищника широко раскрыта, с мощными клыками, показанными слившимися воедино. Облом псаляя — древний. Несомненно, головка венчала двудырчатый псаляй, скорее всего, S-видной формы.

Аналоги: известны на обширной территории Евразии, в основном в памятниках V в. до н. э. — в Степи Северного Причерноморья, например, в кургане у с. Днепряны, 2-я половина V в. до н. э. (*Мурзин, Черненко*, 1979, с. 62; рис. 1: 3); украинской Лесостепи, например, в кургане № 491 у с. Макеевка, конец VI — 1-я половина V вв. до н. э. (*Петренко*, 1967, с. 159; табл. 26: 22), кургане Скифская Могила, 1-я четверть V в. до н. э. (*Скорый, Хохоровски*, 2008, с. 137; рис. 3: 1, 5, 7); Кубани и Предкавказье, например, в кургане № 5 (ритуальный комплекс) у хут. Уляп в Адыгее, IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих*, 2008, с. 123: кат. 64); в Нижнем Поволжье, например, в кургане № 1 у Тащанты и погребении № 1 у Хошеутово (V в. до н. э.) (*Очир-Горяева*, 2012, с. 172, илл. 186: 1; с. 201; илл. 208, 4). С точки зрения иконографии крымской находке наиболее близки изображения кошачьих на псаляях из кургана Скифская Могила, близ Мотронинского городища, в бассейне р. Тясмин.

В Крыму такие находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3/243. Фрагмент двудырчатого s-видного псаля со скульптурной головкой животного

V в. до н. э.

Село Зеленогорское, урочище Солёная Балка, Белогорский район.

Бронза, литъё. Верхняя часть изделия. Сохранность металла хорошая.

Сохранившиеся размеры: длина: 4,4; ширина: 3,0 см.

Двудырчатый псаляй первоначально имел S-видную форму. Сохранилась верхняя часть в виде скульптурного изображения головы существа, сочетающего в себе черты кошачьего хищника (пантеры) и грифона (пантерогрифон?). Голова — лобастая, с небольшими острыми, отогнутыми, треугольной формы ушами. Глаза — овальные, выпуклые, ограниченные окантовкой. В широко раскрытой пасти пантеры выразительно представлен клюв хищной птицы. Облом псаля — древний.

Аналогии: известны на обширной территории Евразии, в основном в памятниках V в. до н. э. — в Степи Северного Причерноморья, например, в кургане у с. Днепряны, 2-я половина V в. до н. э. (Мурзин, Черненко, 1979, с. 62; рис. 1: 3); украинской Лесостепи, например, в кургане № 491 у с. Макеевка, конец VI — 1-я половина V вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 159; табл. 26: 22), кургане Скифская Могила, 1-я четверть V в. до н. э. (Скорый, Хохоровски, 2008, с. 137; рис. 3:

1, 5, 7); Кубани и Предкавказье, например, в кургане № 5 (ритуальный комплекс) у хут. Уляп в Адыгее, IV в. до н.э (Канторович, Эрлих, 2008, с. 123; кат. 64); в Нижнем Поволжье, например, в кургане № 1 у Ташанты и погребении № 1 у Хошеутово (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 172; илл. 186: 1, с. 201; илл. 208: 4). С точки зрения иконографии крымской находке наиболее близки изображения кошачьих из кургана у с. Макеевка и Хошеутово.

В Крыму такие находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

4/244. Фрагмент двудырчатого s-видного биметаллического псаля со скульптурной лошадиной головкой

Вторая половина V — первая половина IV вв. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Железо,ковка, бронза, литъё. Сохранность металла хорошая.

Сохранившаяся длина псаля: 6,7; максимальная ширина (район отверстий): 2,0; диаметр прута: 0,5 см. Высота литой части псаля: 2,5; максимальная ширина: 2,0 см. Реконструируемая длина псаля — не менее 12,7 см.

Верхняя половина псаля с восьмёрковидным расширением в районе отверстий, отличающимся острыми краями. Слегка изогнутая верхняя часть увенчана литой бронзовой головкой лошади, выполненной в несколько условной манере. Голова животного находится на цилиндрической втулке с двумя валиками по краям. У лошади — стоящие небольшие уши линзовидной формы с округлыми краями. Глаза переданы выпуклым кружочком, расположенным в углублении. С одной стороны глаз показан нечётко вследствие литейного брака. Морда животного плав-

но сужается книзу. Губы и рот подчеркнуты двумя параллельными линиями. Облом псаля — древний.

Аналогии: прямые в кругу немногочисленных биметаллических псаляев нам не известны. Цельнобронзовые псаляии, украшенные сверху конской скульптурной головкой изредка фиксируются среди скифских древностей украинской Лесостепи, прежде всего — Днепровско-Лесостепного Левобережья. В их числе — псаляии из кургана у хут. Шумейко, близ с. Волковцы

(раскопки С.А. Мазараки, 1899; VI в. до н. э.) и псалии из кургана № 1 у с. Аксютинцы (раскопки С.А. Мазараки, 1883—1885; V в. до н. э.). Последние псалии, украшенные внизу стилизованными конскими копытцами, наиболее близки крымской находке (Ильинская, 1968, с. 44, 46; рис. 24, с. 34; табл. XVIII: 2). Довольно напоминают оформление крымского экземпляра и цельнобронзовые псалии из кургана № 5 (1-я половина IV в. до н. э.) меотского некрополя у аула Уляп в Адыгее (Лесков, Беглова, Ксенофонтowa, Эрлих, 2013, фото 19: 1; с. 129; рис. 27: 8, 9). Территориально и иконографически более отдалённые аналогии фиксируются в погребениях V в. до н. э. в Южном Приуралье, например, бронзовые псалии из кургана № 1 у Алебастровой горы (оба конца с конскими головками) и обломанный псалий из кургана № 5 у Матвеевского (Очир-Горьева, 2012, с. 299, илл. 331: 5; с. 311; илл. 348: 1).

В Крыму такие находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

5/245. Фрагмент двудырчатого псалия г-образной формы

V в. до н. э.

Село Зеленогорское, урочище Солёная Балка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Верхняя часть изделия.

Сохранившиеся размеры: длина: 5,7; ширина: 2,8 см.

Двудырчатый псалий первоначально имел Г-образную форму с двумя восьмёрковидными расширениями в средней части. Сохранилась верхняя часть в виде стержня с одним из отверстий, край которого украшен стилизованным копытцем конической формы, расположенным под прямым углом. Облом псалия — древний.

Аналогии: широко известны в скифских древностях V в. до

н. э. в степной зоне Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы (Могилов, 2008, с. 34, 282, 283; рис. 67, 68), в Задунавье, в могильнике Чилик-Дере (Simion, 2000, p. 82; fig. 10: 5). Встречаются и на более отдалённых территориях, например, в Южном Приуралье (Яблонский, 2013, с. 67; илл. 36, 37). В Крыму обнаружены в некрополе Нимфея на Керченском полуострове (Силантьева, 1959; рис. 37: 4; 40: 1; 47: 2, 3), в грунтовом могильнике у с. Приречное Нижнегорского района (Колотухин, 2000, с. 112; рис. 32: 12).

Публикуется впервые.

2.3.4. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЯЖКИ-ПРОНИЗИ

1/246. Клювоподобная пряжка-пронизь

Вторая половина VII в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла средняя. Верхняя часть пронизи обломана.

Сохранившаяся высота: 1,4; ширина: 1,4 см. Диаметр отверстия: 0,5 см.

Пряжка-пронизь в виде полого внутри квадрата, с каждой стороны которого имеется круглое отверстие. Одна из сторон квадрата завершается массивным клювом хищной птицы. Выше клюва просматривается уплощённая восковица. По типологии А.Д. Могилова, относится к отделу клювоподобных пряжек-пронизей с рельефно обозначенным ртом, а иногда и восковицей (Могилов, 2008, с. 69).

Аналогии: в скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья подобные находки пока не известны. Однако они хорошо представлены в иных регионах Восточной Европы, прежде всего — в украинской Лесостепи, где по последним данным учтено 25 аналогичных деталей скифской упряжи (Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 25—41), в том числе в кургане Захарейкова Могила в бассейне р. Тясмин (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 59; рис. 36: 1). Зафиксированы аналогичные пряжки-пронизы и в известных Келермесских курганах в При-

кубань (Галанина, 1977, с. 126, 232, 247; табл. 22: 87, 88; 25: 339) и в кругу случайных находок на Северном Кавказе, в частности в собрании Пятигорского краеведческого музея (Дударев, 2011, с. 262; рис. 2: 5). Изредка такие пряжки-пронизы встречаются среди древностей так называемых скифских групп Средней Европы, например, в Альфельде, в погребении «В» близ Шайосентпетер (Ketenczei, 2009, S. 281, taf. 59: 5, 6).

В Крыму такие находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2/247. В виде скульптурной головы барана

Третья четверть VII — начало VI вв. до н. э.

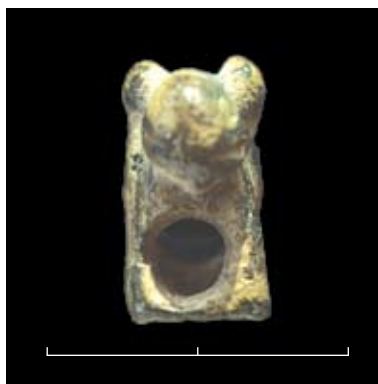
Горный массив Агармыш, окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 1,7; ширина: 1,4 см. Диаметр отверстия: 0,5 см.

Пряжка-пронизь в виде полого внутри квадрата, с каждой стороны которого имеется круглое отверстие. Одна из сторон квадрата переходит в скульптурную головку барана. Таким образом, сама пряжка, помимо своей непосредственной функции, условно передает шею животного. Основным элементом головки являются два симметричных круто загнутых рога, идущие полукругом от затылка и огибающие снизу глаза. Рога заканчиваются округлыми утолщениями. Нос массивный, приплюснутый. В его нижней части расположена рельефная линия, передающая рот.

Аналогии: в скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья подобные находки пока не фиксировались. Неплохо представлены в древностях раннескифской поры на иных территориях. Бронзовые экземпляры известны в Днепро-Днепровской Правобережной Лесо-

степи — Захарейковой Могиле (Ильинская, 1980, с. 59; рис. 36: 2); кургане № 38 у с. Гуляй-Город, бассейн Тясмина (Ильинская, 1973, табл. II: 31); кургане № 3 у с. Теклинка, Среднее Поднепровье (Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 44); Днепровской Левобережной Лесостепи — кургане № 10 у хут. Поповка (Ильинская, 1968, табл. III: 11); в курганах близ с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича); курганах Роменского уезда (Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 45, 46). Ряд подобных пронизей (правда, костяных) происходит из Прикубанья — курган № 1 (раскопки Н.И. Веселовского), курган № 24 Келермесского могильника (Галанина, 1997, табл. 16: 169, 179; 21: 169, 179; 24: 378). Бронзовая, довольно схематичная пронизь обнаружена также в Кармир-Блуре и в одном из погребений скифского облика в Норшун-Тепе (Иран) (Иванчик, 2001, с. 32; рис. 11: 22; с. 33;

рис. 12: 6). Все погребальные памятники, где обнаружены аналогичные пряжки-пронизы с головой баранчика, относятся к келермесскому времени (Могилов, 2008, с. 69). Для полноты сводки следует упомянуть также ещё 2 находки: бронзовую пронизь с довольно схематичным изображением из собрания музея Метрополитен в Нью-Йорке (Иванчик, 2001, с. 35; рис. 13) и экземпляр с более реалистичным изображением (случайная находка) из области лужицкой культуры в Польше (Bukowski, 1977, p. 342, tab. I: 5a, b).

В Крыму такие находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3/248. В виде скульптурной головы барана

Третья четверть VII — начало VI вв. до н. э.

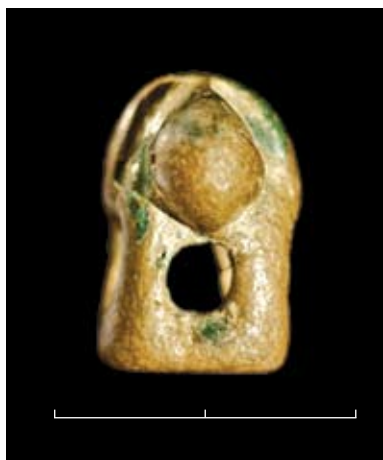
Посёлок Красногвардейское, район-центр. К юго-западу от населённого пункта, в урочище Седьмое поле.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 1,8; ширина: 2,0 см. Диаметр круглого отверстия: 0,5 см.

Размер прямоугольной втулки: 0,8 × 0,8 см.

Пряжка-пронизь в виде полого внутри квадрата, с каждой стороны которого имеется круглое отверстие. Одна из сторон квадрата переходит в скульптурную головку барана. Таким образом, сама пряжка, помимо своей непосредственной функции, условно передает шею животного. Основным элементом головки являются два симметричных круто загнутых рога, идущие полукругом от затылка и огибающие снизу глаза. Рога заканчиваются округлыми утолщениями. Нос массивный, округлый. В его нижней части расположена рельефная линия, передающая рот. От предшествующего изображения под

№ 247 отличается более суженной формой носа.

Аналогии: в скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья подобные находки пока не фиксировались. Неплохо представлены в древностях раннескифской поры на иных территориях. Бронзовые экземпляры известны в Днепроградской Правобережной Лесостепи — Захарейковой Могиле (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 59; рис. 36: 2); кургане № 38 у с. Гуляй-Город, бассейн Тясмина (Ильинская, 1973, табл. II: 31); кургане № 3 у с. Текливка, Среднее Поднестровье (Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 44); Днепроградской Левобережной Лесостепи — кургане № 10 у хут. Поповка (Ильинская, 1968, табл. III: 11); в курганах близ с. Аксютинцы (раскопки

Т.В. Кибальчича); курганах Роменского уезда (Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 45, 46). Ряд подобных пронизей (правда, костяных) происходит из Прикубанья — курган № 1 (раскопки Н.И. Веселовского), курган № 24 Келермесского могильника (Галанина, 1997, табл. 16: 169, 179; 21: 169, 179; 24: 378). Бронзовая, довольно схематичная пронизь обнаружена также в Кармир-Блуре и в одном из погребений скифского облика в Норшун-Тепе (Иран) (Иванчик, 2001, с. 32; рис. 11: 22; с. 33; рис. 12: 6). Все погребальные памятники, где найдены аналогичные пряжки-пронизы с головой баранчика, относятся к келермесскому времени (Могилов, 2008, с. 69). Для полноты сводки следует упомянуть также ещё 2 находки: бронзовую пронизь с довольно схематичным изображением из собрания музея Метрополитен в Нью-Йорке (Иванчик, 2001, с. 35; рис. 13) и экземпляр с более реалистичным изображением (случайная находка) из области лужицкой культуры в Польше (Bukowski, 1977, p. 342; tab. I: 5a, b).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2.3.5. НАЛОБНИКИ

1/249. Налобник

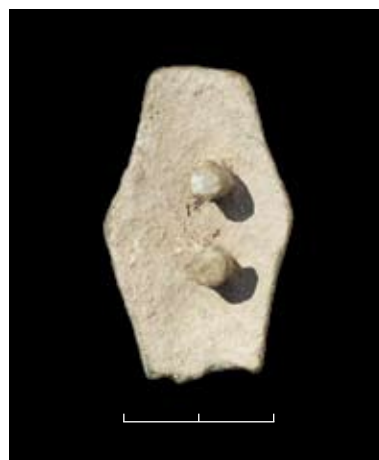
V в. до н. э.

Село Приветное, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла средняя. Оба конца и петля на оборотной стороне — обломаны.

Сохранившаяся длина: 4,1; максимальная ширина: 2,5 см. Ширина петли: 1,7 см.

Принадлежит к группе плоских пластинчатых налобников ромбовидной формы. Край пластины скошен под тупым углом. Крепился на ременной основе с помощью вертикальной петли на обороте.

Аналогии: наиболее хорошо представлены в украинской Лесостепи, и на Левобережье в частности. Здесь зафиксировано 19 подобных налобников (11 — на Левобережье Днепра) (Могилов, 2008, с. 59, 333; рис. 113; с. 334; рис. 114: 1—7). В целом же, эти детали конской упряжи встречаются на довольно широкой территории, в том числе — в Степном Северном Причерноморье (Гудкова, 1978, рис. 5: 7) и в Крыму — в некрополе Нимфея (Силантьева, 1959, рис. 37: 6; 40: 2) и на античном поселении у с. Надежда в Советском районе (Гаврилов, 2004, рис. 74: 3). К территориально более отдалённым находкам относится подобный наносник из могильника Чилик-Дере, в Добрудже (Simion, 2000, fig. 10).

Публикуется впервые.

2.3.6. НАНОСНИКИ

1/250. Орлиная реалистичная голова

У в. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота наносника: 4,0; ширина: 4,0 см. Диаметр отверстия: 0,8 см.

Состоит из двух хорошо выраженных элементов: плоского щитка и отходящего от него под прямым углом объёмного изображения головы хищной птицы. В основании прямого угла находится круглое отверстие — ременной разделитель.

Несмотря на лаконизм деталей, изображение орлиной головы, благодаря скульптурной моделировке, выглядит очень выразительно и реалистично.

Аналоги: ближайшие — в памятниках V в. до н. э. Днепроградской Левобережной Лесостепи: кургане № 4 у с. Осняги, (Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 20а), в одном из курганов у с. Аксютинцы, раскопки В.В. Хвойки 1897—1899 гг. (Ильинская, 1968, табл. XXVI: 9). Сходные — в кургане № 2 у с. Борзна и у с. Будки в бассейне Сулы (Могилов, 2006, с. 386; рис. 166: 14, 19); в Приднепровской Террасовой Лесостепи: в наборе деталей конской узды из кургана № 21 между сёлами Лукаши и Большой Круполь Переяславский р-он Киевской

обл. (Лугова, Луговий, Ткаченко, 2011, с. 167, 171; рис. 2: 4). Более отдалённые аналогии: наносники из впускного погребения кургана Малая Цимбалка, V в. до н. э. (Алексеев, 1995, с. 56; рис. 2: 1), кургана № 29 группы Гайманова Могила, IV в. до н. э. (Ильинская, 1973, с. 54; рис. 7: 2), погребения № 1, кургана № 3, группы I у с. Шевченко Донецкой обл., 2-я половина V в. до н. э. (Зарайская, Привалов, 1992, рис. 3: 1—5).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2/251—4/253. Серия однотипных орлиных реалистичных головок с выступающей глазницей

Первая половина V в. до н. э.

Село Надежда, Советский район (1 экз.); Юго-Восточный Крым (2 экз.)

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносников: 2,3 см, высота от верхнего края глаза: 1,6 см,

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносники представляют собой замкнутое в квадрат

круглое отверстие — ременной разделитель, украшенный орлиной головой. Головка образована большими круглыми глазами, загнутым клювом и длинной узкой носовой роговицей. Вероятно, все три наносника были изготовлены в одной литейной форме. Один из наносников слегка деформирован.

Аналоги: малочисленны. В качестве примера — наносник в кургане № 412 у с. Журовка (1-я половина V в. до н. э.) в Днепроградском Лесостепном Правобережье (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 23; с. 93; см. также: Косиков, 1994, с. 144; рис. 16: 30).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

5/254. Орлиная стилизованная голова

Вторая половина IV в. до н. э.

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота наносника: 2,3; ширина: 2,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносник представляет собой замкнутое в неправильный прямоугольник круглое отверстие — ременной разделитель, украшенный орлиной головой. Она образована гипертрофированными круглыми глазами в окантовке, небольшими загнутым клювом и носовой роговицей. Глаза занимают централь-

ное положение в композиции и, фактически, заменяют собой голову. По размерам глаз равен отверстию ременного разделителя.

Аналоги: крайне малочисленны. Нам они известны в Лесостепи: курган № 44, погребение № 2 группы Частые курганы на Среднем Дону, 2-я половина IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 313; рис. 9: 5).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

6/255. Орлиная стилизованная голова с выступающей глазницей

V в. до н. э.

Кировский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наносника: 2,7; ширина: 2,2 см,

Диаметр отверстия для ремня: 1,0 см.

Наносник представляет собой замкнутое в полукруглую фигуру круглое отверстие — ременной разделитель, который украшает голова хищной птицы. Она образована большим круглым глазом с окантовкой, загнутым клювом и носовой роговицей — валиком разделяющей глаз и клюв. Особенностью изображения является непропорционально короткая роговица и расположение глаза над роговицей. Пять описанных наносников (№ 251—255), в отличие от щиткового наносника в виде реалистичной головы

хищной птицы (№ 250), как, впрочем, и от остальных наносников нашей коллекции, характеризуются крайне небольшими размерами.

Аналоги: немногочислены. Довольно близкая — наносник из кургана № 1 (погребение № 2) у пгт. Стеблёв в Поросье (Днепровская Правобережная Лесостепь) 2-й половины V в. до н. э. Отличия — более короткий щиток и более крупное круглое отверстие для крепления на ременной основе оголовья (Скорый, 1997, с. 112; рис. 7: 1).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

7/256—15/265. Серия щитковых однотипных наносников в виде орлиноголовых ушастых грифонов, отлитых в разных формах

7/256, 8/257. Орлиноголовые ушастые грифоны

IV в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносников: 5,5; ширина: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Довольно массивные наносники в виде сужающегося удлинённого щитка, перпендикулярно которому, на его узком окончании, размещена голова фантастического животного — ушастого грифона. В основании его головы (в «шее») — круглое отверстие — ременной разделитель. Острые уши расположены под прямым углом к голове. Особенность изображения — крайне невыразительный, схематичный клюв.

Аналоги: известны широко. Лесостепь: Средний Дон: Колбино, курган № 24; Горки, курган № 13; Русская Тростянка, курган № 18, середина — 3-я

четверть IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14); Правобережье Среднего Поднепровья: случайная находка у Ржищева (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9); Резино, курган № 3 (Могилов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2); Степь: курган Чертомлык, в насыпи (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17), 3-я четверть IV в. до н. э.; Братолюбровский курган, 2-я четверть IV в. до н. э. (Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118); Гайманова Могила, тризна, комплекты № 3, 5, 6, 1-я половина IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1). Близкий по форме наносник найден в северной конской могиле (конь № 1) кургана Толстая Могила; середина—начало 3-й четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, 1979, с. 34; рис. 19: 1).

Известны в Крыму, например, в конской могиле кургана Беш-Оба IV в Белогорском районе (Колтухов, 2007, с. 196, 197; рис. 5: 1).

Публикуются впервые.

9/258—11/260. Орлиноголовые ушастые грифоны

IV в. до н. э.

Окрестности села Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносников: 4,1; ширина: 2,3 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносники представляют собой узкий удлинённый щиток, перпендикулярно которому, на его верхнем окончании размещена голова фантастического животного — ушастого грифона. В основании его головы (в «шее») — круглое отверстие — ременной разделитель. Особенностью наносников является плавно изогнутое заострённое ухо. В отличие от предыдущих экземпляров, данные наносники выполнены в низком рельефе. Один из наносников является производственным браком из-за смещения створок литейной формы.

Аналогии: те же. Лесостепь: Средний Дон: Колбино, курган № 24; Горки, курган № 13; Русская Тростянка, курган № 18, середина — 3-я четверть IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14); Правобережье Среднего Поднепровья: случайная находка у Ржищева (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9); Резино, курган № 3 (Могилов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2); Степь: курган Чертомлык, в насыпи (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17), 3-я четверть IV в. до н. э.; Братолюбковский курган, 2-я четверть IV в. до н. э. (Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118); Гайманова Могила, тризна, комплекты № 3, 5, 6, 1-я половина IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297: с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1). Близкий по форме наносник найден в северной конской могиле (конь № 1) кургана Толстая Могила; середина — на-

чало 3-й четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, 1979, с. 34; рис. 19: 1). Подобные находки наносников встречаются изредка и на более отдалённых территориях, например, в Южном Приуралье (Яблонский, 2013, с. 177; илл. 2157).

Известны в Крыму, например, в конской могиле курга-

на Беш-Оба IV в Белогорском районе (Колтухов, 2007, с. 196—197; рис. 5: 1).

Публикуются впервые.

12/261. Орлиноголовый ушастый грифон

IV в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 5,0; ширина: 2,1 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносник этого же типа — в виде сужающегося удлинённого щитка, перпендикулярно которому, на его узком окончании, размещена голова фантастического животного — ушастого грифона. В основании его головы (в «шее») — круглое отверстие — ременной разделитель. Экземпляр отличается необычным клювом, в котором отсутствует традиционное сужение окончания и вытянутое закругленное ухо.

Аналогии: Лесостепь: Средний Дон: Колбино, курган № 24; Горки, курган № 13; Русская Тростянка, курган № 18, середина — 3-я четверть IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 253—254, 313; рис. 9: 12—14); Правобережье Среднего Поднепровья: случайная находка у Ржищева (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29:

9); Резино, курган № 3 (Моголов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2) Степь: курган Чертомлык, в насыпи (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17), 3-я четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, 2-я четверть IV в. до н. э. (Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5, с. 118); Гайманова Могила, тризна, комплекты № 3, 5, 6, 1-я половина IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1). Близкий по форме наносник найден в северной конской могиле (конь № 1) кургана Толстая Могила; середина—начало 3-й четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, 1979, с. 34; рис. 19: 1).

Известны в Крыму, например, в конской могиле кургана Беш-Оба IV в Белогорском районе (Колтухов, 2007, с. 196, 197; рис. 5: 1).

Публикуется впервые.

13/262. Орлиноголовый ушастый грифон

IV в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла очень хорошая, но предмет — повреждён.

Сохранившаяся длина наносника: 2,0; сохранившаяся ширина: 2,6, диаметр отверстия: 0,7 см.

Щиток, перпендикулярно которому была расположена скульптурная головка грифона, обломан. Ухо имеет необычную

форму, что, вероятно, является производственным браком.

Аналоги: Лесостепь: Средний Дон: Колбино, курган № 24; Горки, курган № 13; Русская Тростянка, курган № 18, середина — 3-я четверть IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14); Правобережье Среднего Поднепровья: случайная находка у Ржищева (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9); Резино, курган № 3 (Моголов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2); Степь: курган Чертомлык, в насыпи (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17), 3-я четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, 2-я четверть IV в. до н. э. (Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118); Гайманова Могила, тризна, комплекты № 3, 5, 6, 1-я половина IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1). Близкий по форме наносник найден в северной конской могиле (конь № 1) кургана Толстая Могила; середина—начало 3-й четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, 1979, с. 34; рис. 19: 1).

Известны в Крыму, например, в конской могиле кургана Беш-Оба IV в Белогорском районе (Колтухов, 2007, с. 196—197; рис. 5: 1).

Публикуется впервые.

14/263. Орлиноголовый ушастый грифон

IV в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наносника: 3,8; ширина: 2,6 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,8 см.

Наносник в виде сужающегося удлинённого щитка, перпендикулярно которому, на его узком окончании, размещена голова фантастического животного — ушастого грифона. В основании его головы (в «шее») —

круглое отверстие — ремной разделитель. Отличия данного экземпляра: плавно загнутое ухо и хорошо выделенная роговица.

Аналоги: те же. Лесостепь: Средний Дон: Колбино, курган № 24; Горки, курган № 13; Русская Тростянка, курган № 18, середина — 3-я четверть IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 253—254, 313; рис. 9: 12—14); Правобережье Среднего Поднепровья: случайная находка у Ржищева (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9); Резино, курган № 3 (Моголов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2); Степь: курган Чертомлык, в насыпи (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17), 3-я четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, 2-я четверть IV в. до н. э. (Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118); Гайманова Могила, тризна, комплекты № 3, 5, 6, 1-я половина IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1). Близкий по форме наносник найден в северной конской могиле (конь № 1) кургана Толстая Могила; середина—начало 3-й четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, 1979, с. 34; рис. 19: 1).

Известны в Крыму, например, в конской могиле кургана Беш-Оба IV в Белогорском районе (Колтухов, 2007, с. 196, 197; рис. 5: 1).

Публикуется впервые.

15/264. Орлиноголовый грифон с острыми, сильно загнутыми вперед ушами

IV в. до н. э.

Район города Севастополь.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 3,7; ширина: 2,7 см,

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Наносник в виде сужающегося удлинённого щитка, в конце которого расположены две параллельные насечки. Перпендикулярно щитку, на его узком окончании, голова орлиноголового грифона. В основании головы (в её «шее») — круглое отверстие — ремной разделитель. Сама голова состоит из больших глаз, ушей и клюва. Несколько необычно изображение ушей животного, похожих на длинный отросток, выходящий из верхней части глаза и загибающийся вперед, в сторону клюва. Возможно, это элемент зооморфного превращения в виде дополнительной птичьей головы.

Аналогии: прямые отыскать не удалось. В целом данный экземпляр принадлежит к серии наносников в виде орлиноголового ушастого грифона и относится к соответствующему времени.

Публикуется впервые.

16/265. Орлиноголовый ушастый грифон. Наносник без щитка

IV в. до н. э.

Между сёлами Новопокровка и Журавки, Кировский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 3,4; ширина: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,9 см.

Наносник представляет собой замкнутое в полукруглую фигуру круглое отверстие — ремной разделитель, на котором расположена голова ушастого грифона. Иконография её схожа с описанными выше наносниками № 256, 257, найденными у с. Межгорье Белогорского р-на. Отличие — хорошо выраженный птичий клюв и острая роговница.

Аналогии: полные отсутствуют, но в целом данный экземп-

ляр вполне сопоставим с серией наносников с изображениями орлиноголовых ушастых грифонов и соответственно относится ко времени их бытования.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

17/266. Орлиноголовый ушастый грифон с двумя птичьими головками на голове. Щитковый наносник

IV вв. до н. э.

Между селами Партизаны и Журавки, Кировский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,8; ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносник в виде короткого сужающегося щитка, перпендикулярно которому расположена голова ушастого орлиноголового грифона, украшенная сверху дополнительно двумя головками хищных птиц, смотрящих в противоположные стороны. В основании головы грифона (в её «шее») размещено круглое отверстие — ремной разделитель. Благодаря необычному оформлению грифона дополнительно птичьими головками, всё изображение выглядит ажурно и нарядно.

Аналогии: Степь: курган № 2 (погребение № 3) у с. Петровка — бассейн Северского Донца, IV в. до н. э. (*Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 11*); Лесостепь: курган у с. Кошеватое — Правобережье Среднего Поднепровья, IV в. до н. э. (*Могилев, 2007, с. 90, 387; рис. 167: 12, 13*); Северо-Западный Кавказ (Адыгея), курган № 8 (ритуальный комплекс) у аула Уляп, IV в. до н. э. (*Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 171; рис. 69: 2*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

18/267. Орлиноголовый ушастый грифон с двумя птичьими головками на голове. Щитковый наносник

IV в. до н. э.

Село Мелехово, Белогорский район.

Поблизости также найдена бутероль от ножен меча или кинжала (№ 36 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 3,6; ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,8 см.

Наносник, аналогичный экземпляру под № 266, но отличающийся рядом особенностей. К ним относятся: более короткий щиток и в целом более реалистичное изображение головы грифона. По-иному выполнены глаза, представляющие собой не округлые плоскости, а хорошо выраженные выпуклые кружочки, окантованные широкой линией. Клюв — полукруглый завиток. Уши имеют вытянутую плавную листовидную форму. Головки птиц на голове грифона также выглядят менее условно, чем у экземпляра под № 266.

Аналоги: те же. Степь: курган № 2 (погребение № 3) у пос. Петровка — бассейн Северского Донца, IV в. до н. э. (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 11); Лесостепь: курган у

с. Кошеватое — Правобережье Среднего Поднепровья, IV в. до н.э. (Могилов, 2007, с. 90, 387; рис. 167: 12, 13); Северо-Западный Кавказ (Адыгея), курган № 8 (ритуальный комплекс) у аула Уляп, IV в. до н. э. (Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 171; рис. 69: 2).

В Крыму подобные налобники ранее не фиксировались. Публикуется впервые.

19/268. Орлиноголовый ушастый грифон с петушиным гребнем. Щитковый наносник

Вторая половина IV в. до н. э.

Село Донское, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,4; ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносник в виде щитка, нижняя часть которого украшена тремя линиями округлых выпуклостей, а верхняя — головой ушастого орлиноголового грифона с петушиным гребнем, с четырьмя остроугольными выступами. Глаза переданы округлыми выпуклостями, уши — остроугольные, небольшой клюв слегка загнут. В основании головы расположено

округлое отверстие для крепления наносника на налобном ремне. Абсолютно подобен наноснику из комплекта деталей узды № 2 нашей коллекции (№ 235 по Каталогу), что позволяет считать, что они могли быть отлитыми в одной форме.

Аналоги: известны широко — в меньшей степени в Лесостепи и очень широко — в Степи. Лесостепь — Средний Дон: с. Колбино, курган № 26 — середина — третья четверть IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 253, 313; рис. 9: 11). Степь — Бабина Могила, середина — 2-я половина IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 2); Гайманова Могила (Бидзиля, Полин, 2012, с. 407; рис. 568); кургане № 2 (погребение № 3) у пос. Петровка Донецкой обл.; IV в. до н. э. (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 8). Многочислены находки таких наносников в насыпи кургана Чертомлык (23 экз.), 3-я четверть IV в. до н. э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55; с. 151, 152; кат. 17). Аналогичный наносник, найденный в Южной России, известен в собрании Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin. Он также относится к IV в. до н. э. (Лесков, 2008, p. 216; cat. № 298).

В Крыму подобные налобники ранее не фиксировались. Публикуется впервые.

20/269. Орлиноголовый ушастый грифон с гривой. Щитковый наносник

V—IV вв. до н. э.

Подножье горного массива Кубалач, между сёлами Курское и Тополёвка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,0; ширина: 3,0 см.

Ширина щитка: 1,5 см. Диаметр отверстия для ремня: 0,7 × 1,0 см.

Наносник в виде листовидного в плане щитка, к верхней

половине которого, под прямым углом, примыкает протомы орлиноголового грифона с гривой. Массивный клюв полураскрыт. Глаза — небольшие, в виде выпуклых овалов, прячущиеся под нависшими надбровьями. Уши — маленькие, торчащие вперёд, ограничивают верхнюю часть скульптурки. Детали головы хищной птицы выполнены весьма реалистично. На прямой шее грифона, непосредственно за ушами, — грива в виде пяти остроугольных выступов.

Изображение на наноснике отличается строгостью линий, мастерски передаёт агрессивную сущность мифического существа и выполнено в лучших традициях эллинского искусства.

В нижней части протомы — овальное отверстие для креп-

ления наносника на ременной основе.

Аналогии: прямые в кругу наносников скифской культуры нам не известны. Наиболее близким является изображение «гривастого» грифона на серебряном, плакированном золотом наноснике из конской могилы, сопровождавшей центральное (№ 1) погребение в кургане № 4 могильника в урочище Носаки в Нижнем Поднепровье (IV в. до н. э.) (Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский, 1977, с. 98, рис. 15: 2). Вместе с тем, изображения весьма сходных по облику грифонов чрезвычайно широко присутствуют среди предметов эллинского производства V—IV вв. до н. э. в варварских (в том числе — скифских) древностях Северного Причерноморья. Примеры: протомы грифона на бронзовом ритуальном топорике IV в. до н. э. из кургана № 18 у с. Львово (Кубышев, Николова, Полин, 1982, с. 140, рис. 10, 11), головы на: серебряной ручке мечамайры V в. до н. э. из кургана № 3 группы Семибратних на Кубани (Черненко, 1973, с. 71, рис. 4), бронзовых псалях IV в. до н. э. из ритуального комплекса кургана № 5 близ аула Уляп в Адыгее (*Шедевры...*, 1987, с. 99, илл. 26), изображения грифонов с подобными головами на многочисленных предметах эллинской торевтики из курганов скифской элиты IV в. до н. э. — Куль-Обы (*Scythian Art*, 1986, pl. 195), Чертомлыка (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 178, 179, кат. 91), Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 128, рис. 142) и многих иных памятников.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

21/270. Голова волка или собаки.

Щитковый наносник

Скифское время.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, однако протомы отломана от щитка.

Длина наносника: 3,4, ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 1,0 см.

Наносник с довольно реалистичным изображением протомы волка или собаки с лобастой головой, стоящими, слегка округлыми ушами, небольшими глазами, показанными кружочками. Нижняя часть морды — массивная. Хорошо выделены слегка приподнятый нос, широкие щёки, пасть животного. Щиток наносника — округлой формы, резко сужающийся к верхней части. В ней расположено круглое отверстие для крепления наносника на ремне.

Аналогии: подобные наносники в Степи Северного Причерноморья и лесостепной области Восточной Европы нам не известны. В данной коллекции изделия с изображением волчьего хищника крайне малочисленны: бляшки из комплекта № 2 (№ 230—233), а также наносники под № 277, 278. В украинской Лесостепи найдено несколько бронзовых подвесок, имитирующих костяные клыки, украшенных на концах головками хищных птиц и волчьими головами: у с. Пастырское и кургане № 4 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 50, 318; рис. 99: 25—27). В целом же изображение волка известно в памятниках скифской поры широкой тер-

ритории Евразии: например, на Северном Кавказе (Очир-Горяева, 2012, с. 225; илл. 271: 1, 2, 9, 10), в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012, илл. 270: 1–4), Южном Приуралье (Гуцалов, 2010, с. 54; рис. 3: 5, 6, 10, 11, 14, 15; Очир-Горяева, 2012, с. 263; илл. 285: 2–4, 11–16; с. 305; илл. 338: 1; с. 310; илл. 345: 1).

Публикуется впервые.

22/271. Голова зайца (?).

Щитковый наносник

Конец V—IV вв. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Длина наносника: 4,0; ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,8 см.

Щитковый наносник украшен в верхней части головкой животного, очень напоминающего зайца. У него — большие стоящие уши, короткая морда с непропорционально большим глазом. Рот выделен углублённой линией в передней части морды. Изображение вполне довольно небрежно.

Аналоги: среди наносников скифского времени в Степи и лесостепной области Восточной Европы нам не известны. Между тем, образ зайца довольно широко представлен в материальной культуре скифской эпохи Евразии

(Полидович, Вольная, 2005). В Восточной Европе он широко засвидетельствован в скифских памятниках конца V—IV вв. до н. э., например, в виде отдельных фигурок-аппликаций (Ковпаненко, Скорый, Батуревич, 1996, с. 105, 113; рис. 3: 22) или на ажурных лентах — деталях женских головных уборов (Chochorowski, Skoryj, 1999, s. 305; рис. 3).

Публикуется впервые.

23/272. Конская голова,

стилизованная.

Щитковый наносник

V—IV вв. до н. э.

Район города Феодосия.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 6,3; ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Наносник с длинным, изогнутым под тупым углом щитком, верхняя часть которого увенчана сильно стилизованым украшением конской головы с гипертрофированно большими округлыми глазами, слегка изогнутой мордой. Наиболее реалистично выглядят остроуольные небольшие уши животного. Грива на шее показана в виде канта. Необычным является крепление налобника — в виде округлой петли на внутренней стороне щитка. На внешней стороне щитка — три горизонтальные насечки.

Аналоги: весьма сходное, но более массивное изображение стилизованной конской головы — на наноснике, хранящемся в Antikenabteilung, Staatliche Museen (Берлин) (Leskov, 2008, p. 134; cat. 168). По стилистическим особенностям наш экземпляр напоминает и 2 наносника, найденных на Среднем Дону: курган № 14 у с. Русская Тростянка (2-я половина V в. до н. э.) и курган № 1 у с. Мастюгино (2-я половина IV в. до н. э.). Последний наносник с обломанной пластиной — наиболее близок

нашему экземпляру (Савченко, 2009, с. 313; рис. 9: 18, 19). Сходный с ним по особенностям исполнения и ряд наносников IV в. до н. э. из курганов Адыгеи, например: из кургана № 8 у хутора Уляп; кургана № 1, некрополя II Тенгинского городища (Канторович, Эрлих, 2006, с. 124, 185; кат. 72, 73; с. 141, 185; кат. 125; Эрлих, 2011, рис. 105: 1–5, 13, 17–19), и в Южном Приуралье, например, в кургане № 3 группы Филипповские курганы (Золотые олени Евразии, 2001, кат. 116).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

24/273. Конская голова,

стилизованная.

Щитковый наносник

IV—III вв. до н. э.

Бывшая деревня Тайган, на спуске с перевала Чомбай, Белогорский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 5,0; ширина: 3,3 см.

Диаметр отверстия для ремня: 1,0 см.

Голова животного передана довольно условно, без проработки деталей. Уши небольшие, глаз показан округлой выпук-

достью. Наиболее реалистично представлена нижняя часть морды, с хорошо выделенной характерной конской губой. Щиток наносника — треугольной формы, украшен четырьмя вертикальными валиками, разделёнными неглубокими бороздками. В месте перехода к изображению, на внешней части щитка — горизонтальный кант.

Аналоги: единственный сходный по изображению экземпляр — в скифском царском Александропольском кургане в Нижнем Поднепровье. С крымским наносником его особенно сближает практически аналогичное оформление нижней части морды животного (Алексеев, 1993, с. 72, 73; рис. 1; 2012, с. 250, 251; Очир-Горяева, 2012, с. 424; илл. 550).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

25/274. Конская (?) голова, сильно стилизованная. Щитковый наносник

IV — начало III вв. до н. э.

Село Зеленогорское, урочище Солёная Балка, Белогорский район.

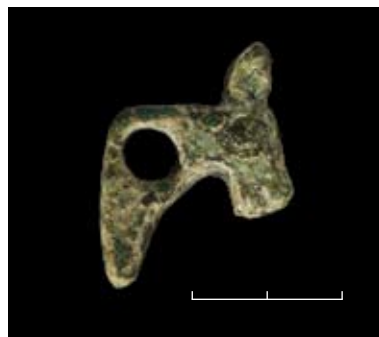
Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

26/275. Конская голова стилизованная. Щитковый наносник

Скифское время.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Длина наносника: 5,0; ширина: 2,0; высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Особенностью данного наносника является наличие довольно большого щитка в виде двух соединяющихся треугольников, в центре этого соединения — протома животного с сужающейся мордой и торчащими вверх ушами. Глаза переданы двумя круглыми углублениями. Изображение весьма схематично и определение видовой принадлежности животного затруднено.

Аналоги: точных нет, но в определённой степени аналогией является наносник из кургана № 9 у с. Прусы в Среднем Поднепровье (конец IV — начало III вв. до н. э.), украшенный, однако, тремя конскими головками (Могилов, 2008, с. 89, 384; рис. 164: 18, 18а). Исходя из размеров щитка, расположения в центре его головы животного крымскому наноснику близок и экземпляр из конского захоронения в кургане № 6 у Старинской птицефабрики (IV в. до н. э.) в Днепропетровской Левобережной Террасовой Лесостепи (Ильинская, 1973, с. 45; рис. 1: 7).

Публикуется впервые.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 3,6; ширина: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Голова животного передана очень условно, без проработки деталей. Уши небольшие, острые. Глаз — большой, выпуклый, круглый. Морда широкая со слабо выделенным ртом. Щиток наносника — чрезвычайно короткий.

Аналоги: среди известных наносников с изображением конских голов нам не известны.

Публикуется впервые.

27/276. Голова осла или мула. Щитковый наносник

V в. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,5; ширина: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Наносник с довольно реалистичным изображением головы осла или мула с большими торчащими ушами, округло выделенными глазами и довольно широкой мордой, внизу

которой чётко проработан рот животного.

В районе шеи животного — круглое отверстие для крепления налобника на ремне.

Аналогии: ближайшая — в кургане Острая Могила близ Ногайска (V в. до н. э.) (Яценко, 1959, с. 56, табл. IV: 7). В целом же, изображения ослов и мулов встречаются в искусстве скифского времени нечасто. Отметим, что головки мулов весьма реалистичного исполнения представлены на бронзовых навершиях конца VII — начала VI вв. до н. э. в Келермесском первом кургане (раскопки Н.И. Веселовского, 1904) (*Scythian art*, 1986, pl. 60). Известна скульптурная головка мула и на бронзовом навершии VI в. до н. э., случайно найденном у хутора Городской, также на Кубани (*Шедевры древнего искусства Кубани*, 1987, с. 78; кат. 4).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

29/277. С зооморфными стилизованными изображениями и двумя отверстиями.
Щитковый наносник

Скифское время.

Село Пчелиное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 6,2; максимальная ширина: 1,7 см. Диаметр отверстий — 0,5; 0,8 × 0,5 см.

Наносник весьма оригинального вида с узким щитком, украшенным двумя разновеликими, развёрнутыми в разные стороны скульптурными стилизованными головками животных. Одна из них, нижняя, — волчья или собачья, представлена в наклонённом виде, припавшей к щитку наносника. На суженной части морды хорошо выделены ноздри. Глаза даны довольно условно, узкими выпуклыми линзами. На лобастой голове — прижатые овальные уши, переданные круглыми отверстиями и окантовкой. Под мордой — полуовальное отверстие для крепления наносника на ременной основе конского оголовья. Верхняя головка содержит черты кошачьего хищника. Морда в нижней части у неё широкая, рельефно передан «сплюснутый» нос. Глаза также, как и в первом случае показаны узкими линзовидными выпуклостями. Уши — небольшие, моделированы округлыми отверстиями с окантовкой. Голова хищника плавно переходит в округлую шею. При проработке деталей изображения также использована техника гравировки. Наличие второго круглого отверстия не находит объяснения.

Наносник отлит в двусоставной форме: по центру щитка

хорошо просмаривается литейный шов.

Аналогии: нам не известны, в связи с чем определение точной даты предмета затруднено.

Публикуется впервые.

30/278. С зооморфными стилизованными изображениями и двумя отверстиями.
Щитковый наносник

Скифское время.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Длина: 4,4; максимальная ширина: 1,6 см. Диаметр отверстий — 0,5 см.

Наносник весьма оригинального вида с узким щитком, украшенным двумя разновеликими, развёрнутыми в разные стороны скульптурными стилизованными головками животных. Абсолютно аналогичен наноснику из села Пчелиное, описанному выше. Отличия — обломана нижняя часть щитка, сильно потёрты скульптурные стилизованные головки животных. Кроме того, в отличие от наносника из Пчелиного, отверстия которого отличаются по форме и диаметру, у данного наносника они — круглые и одинакового размера.

Аналогии: помимо наносника из села Пчелиное, не известны, в связи с чем определение точной даты предмета затруднено.

Публикуется впервые.

2.3.7. НАЩЁЧНЫЕ БЛЯХИ

1/279. В виде фигуры лося с головой, повернутой вправо

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, в районе видовой площадки на юго-западную сторону. Село Некрасово, Белогорский район.

Вблизи также найден нож с рукоятью, украшенной головкой лося (№ 402 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 4,5 см.

Высота от верхней части рогов до условной линии ног: 4 см.

Высота петли: 1,0; ширина петли: 2,0 см.

Фигура лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад (в правую сторону) и соприкасается со спиной животного. Лопатка и бедро выделяются очень выразительными рельефными округлыми овалами, переходящими в конечности. Рельефным отростком показан короткий хвост. Массивная шея передана полукруглой удлинённой плоскостью, переходящей в головку. Голова состоит из загнутого под тупым углом массивного и широкого носа, глаза в виде выпуклого, окаймленного кружочка, листовидно заостренного уха и рогов с четырьмя отростками. Овальным углублением передан рот.

По-видимому, окончания ног были поломаны еще в древности, а места слома позднее зачищены, т. е. реальные размеры бляхи должны были быть большими. С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналоги: наиболее близкая — бляха из кургана «Г» у с. Журовка (1-я половина V в. до н. э.), на которой фигурка лося с поджатыми ногами находится на некоем постаменте (Петренко, 1967, с. 92, 165; табл. 29: 21; *Scythian Art*, 1986, pl. 62). В определенной степени напоминают публикуемый экземпляр бляхи от конской упряжи из Хошеутово (Нижнее Поволжье), также относящиеся к V в. до н. э. (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250: 252).

Публикуется впервые.

2/280. В виде правостороннего изображения свернувшегося волка, фрагментированная

V в. до н. э.

Между посёлком Зуя и селом Ароматное, Белогорский район. В лесу.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. Бляха повреждена.

Ширина: 4,7; сохранившаяся высота: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 2,0 см.

Сохранилось дуговидно изогнутое туловище зверя с широкой и округлой бедренной частью, завершающейся изогнутой задней когтистой лапой, и сливающейся с ней плав-

но изогнутой передней лапой, узкой, средней частью, переходящей в широкое предплечье. Бедро и предплечье — почти одинаковой формы и размеров. В месте перехода узкой части туловища в предплечье — маленькое стилизованное изображение головы хищной птицы.

За ней, сверху, по изгибающемуся предплечью, условно показана шерсть зверя в виде вертикальных рубчиков. Хвост животного и большая часть шеи с головой обломаны в древности.

На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля для крепления её на ремennom оголовье.

Аналоги: Бляха принадлежит к категории широко известных украшений конской упряжи, бытовавших в скифское время как в Евразии, так и в Скифии в частности. В Крыму подобные, но не целиком аналогичные бляхи найдены в погребении № 3 кургана № 2 (курган Кула-

ковского) у с. Долинное Бахчисарайского района, 2-я половина VI — рубеж VI—V вв. до н. э. (Яковенко, 1976, с. 130, 132, рис. 6) и Ак-Бурунском кургане 1862 г. на Керченском полуострове, V в. до н. э. (Яковенко, 1974, с. 104, рис. 43: 3). Прямые аналоги нашей находки — в украинской Лесостепи: бляха из кургана № 491 у с. Макеевка в бассейне Тясмина, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 31, табл. 13: 4); четыре бляхи из кургана № 499 у с. Басовка в Посулье, V в. до н. э. (Ильинская, 1968, с. 134, табл. XXVIII: 3, 4; Галанина, 1977, с. 49, табл. 26: 2—23); кургане № 5 у с. Протопопка на Северском Донце, V в. до н. э. (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 72, 197, рис. 56).

Публикуется впервые.

3/281. В виде левостороннего изображения лосиной головы

Конец VI—V вв. до н. э.

Посёлок Щebetовка, Судакский район.

Вблизи также найдена лосиная головка (№ 283 Каталога) и бляха

в виде головы хищного зверя (льва?) в фас (№ 336 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 7,0; высота от верхней части пальметки: 4,2 см.

Высота петли для закрепления на узде: 1,0; ширина: 1,9 см.

Лосиная голова, имеющая ряд аналогов на обширной территории. Горбатый нос и отвислая, сильно развитая верхняя губа — классические черты подобных изображений. Нижняя часть носа и губа подчеркнуты рельефной окантовкой, переходящей в завиток, символизирующий приоткрытую пасть. Большой, выпуклый, круглый глаз лежит в углублении, обрамлённом ободком. Рога в виде «короны», складывающейся из пары почти симметричных противонаправленных отростков, один из которых обломан. В точке из которой расходятся отростки — пятилепестковая пальметка. Сами отростки выполнены с помощью приёма «зооморфных превращений», в виде птичьих головок. Волотообразные окончания отростков преобразованы в птичьи клювы, а между клювами и пальметкой симметрично расположены два кружка, обозначающие глаза птиц. Задний отросток, как бы, лежит на листовидном остром ухе, подчеркнутым сверху линией, оканчивающейся кружком у его основания. Передний отросток немного более вытянут. С обратной стороны бляхи — петля прямоугольной формы.

Подобные бляхи могли использоваться не только, как принадлежность конского убора, но и служить украшением панциря или горита, т. е. в определённой степени являлись полифункциональными.

Аналоги: почти полная — бляха из Малого Семибратнего кургана на Кубани, конец VI—V вв. до н. э. (Borovka, 1928, p. 92; tab. Vb). Отличия — несущественны. У щebetовской бляхи

более узким кружком выделен зрачок, а стилизованные рога не переданы столь чётко, как на экземпляре из Малого Семибратнего кургана. Бляхе из Щebetовки близки также крымская находка — из кургана Кара-Меркит (Ак-Мечеть) (Яковенко, 1976, с. 133; рис. 7: 2) и бляха из кургана у г. Мариуполь (Жданов) в Приазовье, относящиеся к V в. до н. э. (Черненко, 1970, с. 176—181). В определённой степени напоминает щebetовскую бляху и экземпляр, найденный в своё время близ Тилигульского поселения, попавший в коллекцию П. Маврогородато и хранящийся ныне в в собрании Museum für Vor- und Frühgeschichte, Берлин (Leskov, 2008, p. 207; cat. № 384). Экземпляр из Щebetовки отличается от иных нащёчных блях-головок лосей, известных в Крыму: Нимфейский некрополь, могила № 8; курган № 7 у с. Колоски; Ак-Ташский могильник, курган № 7. В целом же, он принадлежит к довольно многочисленной серии нащёчных блях в виде головы лося, известных в Степном Северном Причерноморье, украинской Лесостепи, Прикубанье, Подунавье (Скорый, 2006, с. 155, 156). В последнее время к ним можно добавить, бляхи найденные в бассейнах Ворсклы (Ролле, Махортых, Черненко, 2006, с. 104; рис. 1: 1—4), Сулы (Супруненко, Скорый, Сидоренко, 2012, с. 384; рис. 1: 1; Кулатова, Сидоренко, 2014, рис. 1) и Центральном Предкавказье (Махортых, 1991, с. 49, 54; рис. 19: 44; Керэфов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1).

Публикуется впервые

4/282. В виде правостороннего изображения лосиной головы

V в. до н. э.

Подножье горного массива Кубалач, село Дивное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но изображение потёрто.

Подобные бляхи могли использоваться не только, как принадлежность конского убора, но и служить украшением панциря или горита, т. е. в определённой степени являлись полифункциональными

Аналоги: прямые не известны. В целом же, данная нащёчная бляха пополняет немногочисленную серию правосторонних блях, входящих в достаточно представительную совокупность подобных находок. По общему облику данному изделию близка левосторонняя бляха с изображением головы лося из кургана № 2 у с. Борзны в бассейне р. Сейм (*Ильинская, 1968, табл. XXXI: 11*).

Публикуется впервые.

5/283. В виде левостороннего изображения лосиной головы

V в. до н. э.

Посёлок Щебетовка, Судакский район.

Вблизи также найдена лосиная головка (№ 281 Каталога) и бляха в виде головы хищного зверя (льва?) в фас (№ 336 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 5,7; высота от верхней части пальметки: 3,6 см.

Высота петли для крепления на узде: 0,8; ширина: 1,5 см.

К классическим чертам бляхи относится изображение лосиных рогов в виде симметричных противоположенных отростков, разделённых большой пятилучевой пальметкой. Отростки выполнены с помощью приёма «зооморфных превращений», в виде птичьих головок. По сравнению с первой щебетовской бляхой, птичьей головки трактованы более условно. Клюв одной из головок обломан. К традиционным особенностям относится также большой выпуклый глаз, в углублении, обрамлённом рельефным кантом. С передней стороны к глазу примыкает не-

большая слезница в виде вдавленного полуовала.

В отличие от первой щебетовской бляхи, голова не такая массивная. Этот эффект достигнут, в первую очередь, благодаря утончению носовой части головы, её сужению в направлении кончика носа. В результате одна из основных черт канонического изображения лося — широкий горбатый нос — почти утрачивается и передаётся едва заметной выпуклостью. Губа, также как и у названного экземпляра, передана рельефной окантовкой, переходящей в круглый завиток, символизирующий приоткрытый рот. Однако из-за небольших размеров суженного носа, окантовка, передающая верхнюю губу, выполнена невыразительно.

«Облегчённое» изображение головы с сужающимся носом, небольшой пастью, отсутствием явно выраженного горба, в сочетании с высокими тонкими

Длина: 5,5; высота от верхней части пальметки: 4,0 см.

Высота петли для крепления на узде 1,0; ширина — 1,5 см.

Лосиная голова, имеющая ряд аналогов в Степной, Лесостепной Скифии, на Кубани и Задунавье. Горбатый нос и отвислая, сильно развитая верхняя губа — классические черты подобных изображений. Глаз — большой, выпуклый, в центре головы. Щека животного передана рельефным изогнутым кантом (в силу потёртости бляхи просматривается слабо), переходящим в остроконечное ухо, также с рельефными складками. В верхней части головы — полукруглая, затёртая пальметка, от которой в обе стороны отходят симметрично противоположенные отростки рогов, выполненные с помощью приёма зооморфных превращений.

С оборотной стороны бляхи — петля прямоугольной формы.

рогами—птичьими головками, большой пальметкой и большим глазом придают всему изображению черты ажурности и условности. С оборотной стороны расположена полукруглая петля, на которой виден неудаленный литник. Под ней расположена горизонтальная дорожка шириной 1,0 см. для более прочного закрепления на ременной основе оголовья.

Аналогии: наиболее близкая — из разрушенного погребения кургана № 7 Ак-Ташского могильника в Восточном Крыму (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 151; рис. 7: 3). Суженным носом, в общем необычным для преобладающей части блях в виде лосиных голов, отличающихся ярко выраженным горбом, данная бляха сближается с бляхами, найденными в кургане Скифская Могила в бассейне Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье (1-я половина V в. до н. э.) (Скорый, Хохоровски, 2008, с. 135; рис. 2: 1). В определённой степени аналогией по своеобразию оформления носа животного крымской находке может быть и бляха из кургана № 1 могильника Нартан в Центральном Предкавказье (Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1). В целом же, данный экземпляр принадлежит к довольно многочисленной серии нащёчных блях в виде головы лося, известных в Степном Северном Причерноморье, украинской Лесостепи, Прикубанье, Подунавье (Скорый, 2006, с. 155, 156). В последнее время к ним можно добавить, бляхи найденные в бассейнах Ворсклы (Ролле, Махортих, Черненко, 2006, с. 104; рис. 1: 1—4) и Сулы (Супруненко, Скорый, Сидоренко, 2012, с. 384; рис. 1: 1; Кулатова, Сидоренко, 2014, рис. 1) и Центральном Предкавказье (Махортих, 1991, с. 49, 54; рис. 19: 44; Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1).

Публикуется впервые

6/284. В виде левостороннего изображения лосиной головы

V в. до н. э.

Симферопольский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Сохранившаяся длина: 5,0; высота от верхней части отростка рога: 3,6 см.

Высота петли для закрепления на узде — 0,8; ширина — 1,5 см.

К классическим чертам бляхи относится изображение лосиных рогов в виде симметричных противонаправленных отростков, разделённых большой пятилучевой пальметкой. Отростки выполнены с помощью приёма «зооморфных превращений», в виде сильно стилизованных птичьих головок. Окончания обоих отростков обломаны.

К традиционным особенностям относится также большой выпуклый глаз в центре головы животного, в углублении, об-

рамлённом рельефным кантом. Здесь видны следы брака в виде вертикального овально-вытянутого отверстия.

Как в случае со второй, описанной выше, бляхой из Щебетовки, необычной выглядит голова животного. В отличие от большинства известных блях, в ней отсутствует массивность. Этот эффект достигнут, в первую очередь, благодаря утончению носовой части головы, её сужению в направлении кончика носа. В результате одна из основных черт канонического изображения лося — горбатый нос — утрачивается. Передняя часть морды животного с полукруглым завитком — обломана.

«Облегчённое» изображение головы с сужающимся носом, отсутствием явно выраженного горба, в сочетании с высокими тонкими рогами—птичьими головками, большой пальметкой и большим глазом придают, как и в случае с бляхой из Щебетовки, всему изображению черты ажурности и условности.

С оборотной стороны расположена полукруглая петля, на которой виден неудаленный литник. Под ней расположена горизонтальная дорожка шириной 1,0 см. для более прочного закрепления на ременной основе оголовья.

Внешнее сходство, размеры блях, одинаковое оформление петли на обороте с остатками литника свидетельствуют в пользу того, что оба изделия отлиты в одной форме.

Аналогии: наиболее близкие — вышеописанная бляха из Щебетовки (№ 283) и бляха из разрушенного погребения кургана № 7 Ак-Ташского могильника в Восточном Крыму (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 151; рис. 7: 3). Суженным носом, в общем необычным для преобладающей части блях в виде лосиных голов, отличающихся ярко выраженным горбом, данная бляха сближается

с бляхами, найденными в кургане Скифская Могила в бассейне Тясмина, Днепроовское Лесостепное Правобережье (1-я половина V в. до н. э.) (Скорый, Хохоровски, 2008, с. 135; рис. 2: 1). В определённой степени аналогией по своеобразию оформления носа животного крымской находке может быть и бляха из кургана № 1 могильника Нартан в Центральном Предкавказье (Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1). В целом же, как и первая находка, данный экземпляр принадлежит к довольно многочисленной серии нащёчных блях в виде головы лося, известных в Степном Северном Причерноморье, украинской Лесостепи, Прикубанье, Подунавье (Скорый, 2006, с. 155, 156). В последнее время к ним можно добавить, бляхи найденные в бассейнах Ворсклы (Ролле, Махортих, Черненко, 2006, с. 104; рис. 1: 1—4) и Сулы (Супруненко, Скорый, Сидоренко, 2012, с. 384, рис. 1: 1; Кулатова, Сидоренко, 2014, рис. 1) и Центральном Предкавказье (Махортих, 1991, с. 49, 54; рис. 19: 44; Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1).

Публикуется впервые.

7/285. Фрагмент нащёчной бляхи в виде правостороннего изображения лосиной головы

V в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё.

Максимальные размеры фрагмента: 3,7 × 2,0 см.

От изображения головы лося сохранился небольшой фрагмент с пятипестковой пальметкой, расположенной выше округлого глаза, со слабо выделенной слезницей. Край фрагмента — рваные. На оборотной стороне — следы обломанной петли, располагавшейся над углублённой дорожкой, по которой в своё время проходил ремень конского оголовья.

Аналоги: те же, что и для предшествующих блях.

Публикуется впервые.

8/286. В виде стилизованного изображения бедра и двух ног кошачьего хищника

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Белогорский район, вблизи элитных скифских курганов на горном массиве Ак-Кая.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 7,6; ширина по оконечностям овала: 5,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,4 см.

Практически полная копия нащёчников из комплекта конского снаряжения № 1 (№ 228, 229 Каталога). Нащёчник представляет собой немного вытянутый слева направо овал, внизу которого расположены две «идущие» ноги, каждая из которых заканчивается тремя вытянутыми пальцами. Окончания пальцев, в свою очередь, переданы округлыми когтями. Трёхпалые когтистые окончания лап являются достаточно массивными. Их видовая идентификация не представляется возможной, поэтому, в данном случае, наиболее уместно говорить о лапах фантастического хищного зверя. С правой стороны овала, в его контурах и, как бы, в углублении, расположен спиралевидный завиток, заканчивающийся округлым утолщением. С его противоположной стороны расположен «хвост», условно

переданный рельефной складкой и небольшим отростком, расположенным между лап. В отличие от экземпляров в комплекте № 1, окончание хвоста, находящееся между лап не является цельным (скорее всего здесь имел место брак литья). По классификации А.Р. Канторовича, бляха относится к нащёчникам типа «Тузла—Бобрница» (Канторович, 2012, с. 25, 26; рис. 2). С оборотной стороны — маленькая полукруглая петля. Под ней — дорожка шириной 0,7 см для более прочного закрепления нащёч-

ника на ремненной основе оголовья.

Аналогии: те же, что и для нащёчников в виде стилизованной ноги кошачьего хищника из комплекта конской узды № 1: 1) в кургане № 66 у с. Бобрица, Днепроовское Лесостепное Правобережье; рубеж V—IV вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13); 2) некрополе на Тузле, Кубань, IV в. до н. э. (Scythian Art, 1986, kat. 278); развезанном кургане у с. Софиевка, Террасовая Левобережная Лесостепь; случайная находка, приведённая в интернет-каталоге «Ancient touch» (Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4). Наиболее характерны подобные нащёчники для 2-й половины V в. до н. э. — начала IV вв. до н. э. (Могилов, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3).

Публикуется впервые.

9/287. Фрагмент нащёчника в виде стилизованного изображения бедра и двух ног кошачьего хищника

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Белогорский район, горный массив Кубалач, между селами Богатое и Русское.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Длина фрагмента: 3,0; высота: 2,0 см.

Фрагмент в виде нижней части одной из лап кошачьего хищника. Хорошо проработаны когти животного. Принад-

лежал нащёчнику типа «Тузла—Бобрица» (Канторович, 2012, с. 25, 26; рис. 2).

Аналогии: те же, что и для нащёчников в виде стилизованной ноги кошачьего хищника из комплекта конской узды № 1: 1) в кургане № 66 у с. Бобрица, Днепроовское Лесостепное Правобережье; рубеж V—IV вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13); 2) некрополе на Тузле, Кубань, IV в. до н. э. (Scythian Art, 1986, kat. 278); развезанном кургане у с. Софиевка, Террасовая Левобережная Лесостепь; случайная находка, приведённая в интернет-каталоге «Ancient touch» (Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4). Наиболее характерны подобные нащёчники для 2-й половины V в. до н. э. — начала IV вв. до н. э. (Могилов, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3).

Публикуется впервые.

10/288. В виде фрагмента нащёчника с изображением стилизованного бедра и двух ног кошачьего хищника

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Сохранившаяся высота: 4,0; ширина по оконечностям овала: 4,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,4 см.

Верхняя, обломанная часть нащёчника в виде стилизованного округлого бедра хищника с двумя конечностями. Нащёчники такого типа иногда могут сочетать два зооморфных мотива: вертикальный — стилизованное, но достаточно хорошо улавливаемое оптически округлое бедро кошачьего хищника с двумя разделёнными ногами, и горизонтальный — более схематично переданная голова лося (Бессонова, Скорый, 1986,

с. 164). Похоже, что данный фрагментированный наносник относится именно к таким экземплярам. С одной из округлых сторон — схематически передан рот лося, стилизованный птичьей головкой. По классификации А.Р. Канторовича, бляха относится к нащёчникам типа «Тузла—Бобрица» (Канторович, 2012, с. 25, 26; рис. 2).

С оборотной стороны — маленькая полукруглая петля. Под ней — дорожка шириной 0,7 см. для более прочного закрепления нащёчника на ремненной основе оголовья.

Аналогии: те же, что и для нащёчников в виде стилизованной ноги кошачьего хищника из комплекта конской узды № 1 (№ 228, 229) и нащёчника, найденного вблизи элитных курганов на Ак-Кае (№ 286): 1) в кургане № 66 у с. Бобрица, Днепроовское Лесостепное Правобережье; рубеж V—IV вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13);

2) некрополе на Тузле, Кубань, IV в. до н. э. (*Scythian Art*, 1986, kat. 278); развеенном кургане у с. Софиевка, Террасовая Левобережная Лесостепь; случайная находка, приведённая в интернет-каталоге «Ancient touch» (Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4). Наиболее характерны подобные нащёчники для 2-й половины V в. до н. э. — начала IV вв. до н. э. (Могилев, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3).

Публикуется впервые.

11/289. Фрагмент нащёчника в виде стилизованного изображения бедра и двух ног кошачьего хищника

Вторая половина V — первая четверть IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Сохранившаяся высота: 6,0; ширина по оконечностям овала: 4,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,4 см.

Верхняя, обломанная часть нащёчника в виде стилизованного округлого бедра хищника с двумя конечностями, рельефно разделёнными параллельной двойной извилистой линией. С внутренней стороны бедра, вблизи изгиба — округлый выступ, выделенный двумя параллельными дугами. По А.Р. Канторовичу, бляха относится к нащёчникам типа «Красноперекопск—Тузла» (Канторович, 2012, с. 24, 25; рис. 3).

На оборотной стороне — небольшая полукруглая петля, расположенная над узкой дорожкой шириной 0,7 см, пересекающей плоскость нащёчника, для более жёсткого крепления бляхи на ремённом оголовье.

Аналогии: встречаются нечасто. В Крыму найдены в кургане № 15 (погребение № 2) у г. Красноперекопск, 2-я половина V—IV вв. до н. э. (Черепанова,

Щепинский, 1969, рис. 20: 1). Иные находки известны в различных регионах Степи и Лесостепи Восточной Европы: в некрополе Тузлы (*Scythian Art*, 1986, p. 278; pl. 277); в погребении № 1 кургана № 4 у с. Первомаевка Херсонской области (Евдокимов, Фридман, 1991, с. 76, 96; рис. 3: 3); кургане № 28 Филлиповского могильника, конец V—IV вв. до н. э. (Сокровища..., 2008, фото 121), а также две случайные находки, точное место которых не определяется (Канторович, 2012, с. 25; рис. 3: 4, 5). Дата подобных нащёчников — 2-я половина V—1-я четверть IV вв. до н. э.).

Публикуется впервые.

12/290. Фрагмент нащёчника в виде стилизованного изображения бедра и ноги кошачьего хищника

Вторая половина V в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Сохранившаяся высота: 4,0; максимальная ширина: 3,4 см.

Нижняя, обломанная часть нащёчника в виде стилизованного бедра хищника с когтистой лапой. Сохранилась нижняя часть лапы, оканчивающаяся тремя гравировкой выделенными когтями.

Аналогии: те же, что и для нащёчников в виде стилизованной ноги кошачьего хищника из комплекта конской узда № 1 (№ 228, 229) и нащёчника, найденного вблизи элитных курганов на Ак-Кае (№ 286: 1) в кургане № 66 у с. Бобринца, Днепровское Лесостепное Правобережье; рубеж V—IV вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13); 2) некрополе на Тузле, Кубань, IV в. до н. э. (*Scythian Art*, 1986, kat. 278); развеенном кургане у с. Софиевка, Террасовая Левобережная Лесостепь; случайная находка, приведённая в интернет-каталоге «Ancient touch» (Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4). Наиболее характерны подобные нащёчники для 2-й поло-

вины V — начала IV вв. до н. э. (Могилев, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3).

Публикуется впервые.

13/291. В виде стилизованного бедра и задней ноги кошачьего хищника

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, Змеиная Балка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 6,6; ширина по оконечностям овала: 3,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,0 см.

Нащёчник представляет собой вытянутый книзу овал, завершающийся лапой хищного животного с тремя когтистыми пальцами. Хвост передан волнистой узкой складкой. По классификации А.Р. Канторовича, относится к нащёчникам типа «Ак-Бурун—Острая Могила» (Канторович, 2012, с. 31, 32; рис. 7). С оборотной стороны — прямоугольная петля.

Аналоги: весьма многочисленны. Известны в степной и лесостепной областях Северного Причерноморья. В Крыму близкие нащёчные бляхи обнаружены в составе деталей узды в Ак-Бурунском кургане (Яковенко, 1974, с. 105; рис. 44: 2); кургане № 15 (погребение № 2) у г. Красноперекопск (Колтухов, 2012, рис. 12; 13). Довольно широко подобные нащёчники представлены в украинской Лесостепи. В качестве аналогий укажем на экземпляры из курганов: № 2 (1897—1898) у с. Волковцы; № 1 (1886) у с. Аксютинцы (Могилев, 2008, с. 52, 324; рис. 105: 5—7) и др. В Степи аналогичные нащёчники открыты в кургане Острая Могила (Яценко, 1956; рис. 5в); кургане № 11 (погребение № 1), группы V у с. Подгороднее (Ковалёва, Мухомад, 1979; рис. 1: 4) и др. Все они относятся к V в. до н. э. (Могилев, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 34).

Публикуется впервые.

14/292. В виде стилизованного бедра и задней ноги кошачьего хищника

V в. до н. э.

Село Синицыно, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 6,0; ширина по оконечностям овала: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,4 см.

Нащёчник представляет собой вытянутый книзу овал, за-

вершающийся лапой хищного животного с тремя когтистыми пальцами. Хвост передан волнистой узкой складкой, обломанной в конце. По классификации А.Р. Канторовича, относится к нащёчникам типа «Ак-Бурун—Острая Могила» (Канторович, 2012, с. 31, 32; рис. 7). С оборотной стороны — прямоугольная петля. По внешнему виду близок ранее описанному нащёчнику (№ 291) и отличается от последнего лишь меньшими размерами.

Аналоги: многочисленные. Известны в степной и лесостеп-

ной областях Северного Причерноморья. В Крыму близкие нащёчные бляхи обнаружены в составе деталей узды в Ак-Бурунском кургане (Яковенко, 1974, с. 105; рис. 44: 2); кургане № 15 (погребение № 2) у г. Красноперкопск (Колтухов, 2012, рис. 12; 13). Вполне подобен этому экземпляру и описанный выше нащёчник из Юго-Восточного Крыма. Довольно широко такие нащёчные бляхи представлены в украинской Лесостепи. В качестве аналогий укажем на экземпляры из курганов: № 2 (1897—1898) у с. Волковцы; № 1 (1886) у с. Аксютинцы (Могилов, 2008, с. 52, 324; рис. 105: 5—7) и др. Все они относятся к V в. до н. э. (Могилов, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 34).

Публикуется впервые.

15/293. В виде стилизованного бедра и задней ноги кошачьего хищника с дополнительным зооморфным элементом

V в. до н. э.

Село Кизиловое, Симферопольский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 4,5; ширина по оконечностям овала: 2,0 см;

Высота петли на оборотной стороне: 0,5; ширина: 1,5 см.

Нащёчник представляет собой вытянутый книзу овал, за-

вершающийся лапой хищного животного с двумя когтистыми пальцами. В верхней части овала — стилизованное изображение головки хищной птицы с круглым глазом и изогнутым клювом, который постепенно сужается, превращаясь в узкий хвост животного, выделяемый узкой складкой. По классификации А.Р. Канторовича, относится к нащёчникам типа «Ак-Бурун—Острая Могила» (Канторович, 2012, с. 31, 32, рис. 7).

С оборотной стороны — полукруглая петля. Нащёчник отличается от предметов подобного типа небольшими размерами.

Аналогии: немногочисленные. В их числе — нащёчники из кургана Острая Могила в Нижнем Поднепровье (Яценко, 1959, с. 56, табл. IV: 6, 8), погребения № 1 кургана № 9 у с. Никольское на Нижнем Днестре (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 126, илл. 124: 1—3), погребения № 14 кургана № 8 у с. Николаевка (Канторович, 2012, с. 32, рис. 7, 8) в Нижнем Поднепровье. Все названные погребальные памятники относятся к V в. до н. э. Наиболее близок крымской находке нащёчник из кургана у с. Никольское.

Публикуется впервые.

16/294. В виде сильно стилизованного бедра и задней ноги кошачьего хищника

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Высота: 7,0; ширина: 2,4 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,5 см.

Нащёчник представляет собой вытянутый книзу неправильный прямоугольник, завершающийся лапой хищного животного с четырьмя когтистыми пальцами. От верхней части книзу выделен узкий хвост. В

районе внешнего изгиба лапы рельефно показан узкий овал.

Такие нащёчники сочетают два зооморфных мотива: вертикальный — стилизованное, но достаточно хорошо улавливаемое оптически бедро кошачьего хищника и горизонтальный — более схематично переданная голова лося (Бессонова, Скорый, 1986, с. 164). Рассмотренный горизонтально хвост оконтуривает рот, а упомянутый узкий овал воспринимается

как глаз животного. Четыре пальца ноги, рассмотренные горизонтально, передают стилизованные лосиные рога. По классификации А.Р. Канторовича, изделие относится к нащёчникам типа «Ак-Бурун—Острая Могила» (Канторович, 2012, с. 31, 32; рис. 7).

Аналогии: таким нащёчникам — весьма малочисленны. В их числе нащёчник из кургана № 10 Павловской группы у с. Матусов в бассейне Тясмина, Днепроовская Правобережная Лесостепь (Могилев, 2008, с. 52, 324; рис. 105: 10). В определённой степени аналогией находке из Крыма является и нащёчник из погребения № 5, Ак-Бурун, близ Керчи (Канторович, 2012, с. 32; рис. 7: 1).

Публикуется впервые.

17/295. Фрагмент нащёчника в виде сильно стилизованного бедра и задней ноги копытного животного, украшенной птичьей головкой

Скифское время.

Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но предмет частично повреждён.

Сохранившаяся высота: 7,0; максимальная ширина: 4,0 см.

Высота петли: 0,7; ширина: 1,7 см.

Изображение в виде сильно стилизованного бедра и задней ноги животного. Верхняя часть бедра — широкой серповидной формы, ограничена по краю кантом. Между бедром и изогнутой под острым углом ногой — трёхлепестковая пальметка. С наружной стороны ноги — дополнительный зооморфный элемент в виде головки птицы с гипертрофированно большим круглым глазом и загнутым массивным клювом. Нижняя часть ноги обломана и, скорее всего, оканчивалась стилизованным изображением копыта. С оборотной стороны,

в районе бедра животного расположена продольная полукруглая петля для крепления нащёчника на ременной основе конского оголовья.

Аналогии: прямые не известны, но по наличию пальметки в нижней части бедра, и общим пропорциям данная бляха может быть сопоставлена с нащёчником из кургана № 459 у с. Турия (начало V в. до н. э.), бассейн р. Тясмин, Днепроовское Лесостепное Правобе-

режье (Могилев, 2008, с. 52, 323; рис. 104: 5).

Публикуется впервые.

2.3.8. МЕЛКИЕ БЛЯХИ

1/296—7/302. Серия блях в виде фигурки лося, сходных по иконографии, изготовленных в разных формах

1/296. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повернутой влево

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, на подъёме со стороны села Хлебное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,6; высота от верхней части рогов: 2,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,9; ширина: 1,3 см.

Фигура лежащего лося изображена в жертвенном положении: ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад и соприкасается с бедром животного. Передняя нога полностью лежит на задней, на обеих ногах выделяются удлиненные копыта.

Невыразительные и небольшие рога имеют форму «короны», представленной тремя отростками. На оборотной стороне — большая полукруглая петля.

Аналогии: в Восточной Европе, в памятниках скифского времени изображения лосиных фигурок — немногочисленны. Наиболее ранние — фигурки лосих в аналогичной жертвенной позе на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин (начало VII в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, в Днепровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975, с. 19; табл. VI: 5, 6). Более близкие аналогии — фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» в кургане «Г» у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21) и небольшие фигурки лосей из кургана № 484 у с. Плавинище (1-я половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2), а также — в культурном слое на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7). Вместе с тем, довольно близки по иконографии — лосиные фигурки из погребения № 1 у Хошеутово в Нижнем Поволжье, V в. до н. э. (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250; 252). В Крыму подобный образ лося отражён на нащёчнике из Кубалача (№ 279 по общей нумерации Каталога) и описанной выше бляхе под № 296.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2/297. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повернутой влево

V в. до н. э.

Село Хлебное, Белогорский район.

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота от верхней части рогов: 2,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,9; ширина: 1,3 см.

Фигура лежащего лося изображена в жертвенном положении: ноги поджаты под суженное в центре туловище, непропорционально большая голова повернута назад и зауженной мордой соприкасается с бедром животного. Передняя нога полностью лежит на задней, на ногах выделяются удлиненные копыта.

Невыразительные и небольшие рога имеют форму «короны», представленной так же как и у предшествующей фигурки лося, тремя отростками. С оборотной стороны — полукруглая петля. Стилистически данное изображение близко предшествующему (№ 296), отличаюсь от него меньшими размерами.

Аналогии: в Восточной Европе, в памятниках скифского времени изображения лосиных фигурок — немногочисленны. Наиболее ранние — фигурки лосих в аналогичной жертвенной позе на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин (начало VII в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, в Днепровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975, с. 19; табл. VI: 5, 6). Более близкие аналогии — фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» в кургане «Г» у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21) и небольшие фигурки лосей из кургана № 484

у с. Плавинище (1-я половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2), а также — в культурном слое на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7). Вместе с тем, довольно близки по иконографии — лосиные фигурки из погребения № 1 у Хошеутово в Нижнем Поволжье (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250; 252). В Крыму подобный образ лося отражён на нащёчнике из Кубалача (№ 279 по общей нумерации Каталога) и описанной выше бляхе под № 296.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3/298. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повернутой влево

V в. до н. э.

Село Приветное, Кировский район, на поле, напротив фермы.

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Длина: 2,0; высота от верхней части рогов: 2,1 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,7; ширина: 1,3 см.

Изображение выполнено в низком рельефе и является крайне условным. Контуры передают основные черты канонической позы: жертвенного положения животного, характеризующегося поджатыми под туловище ногами,

непропорционально большой головой повернутой назад и соприкасающейся с бедром животного. Передняя нога полностью лежит на задней, однако копыта не просматриваются. Рога переданы низкими и невыразительными отростками. За ними слабо просматривается овальное ухо. Задняя часть животного, вследствие небрежной отливки утратила черты округлости. С оборотной стороны — большая полукруглая петля.

Аналоги: в Восточной Европе, в памятниках скифского времени изображения лосиных фигурок — немногочислены. Наиболее ранние — фигурки лосих в аналогичной жертвенной позе на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин (начало VII в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, в Днепропровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975, с. 19; табл. VI: 5, 6). Более близкие аналогии — фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» в кургане «Г» у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21) и небольшие фигурки лосей из кургана № 484 у с. Плавинице (1-я половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепропровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2), а также — в культурном слое на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7). Вместе с тем, довольно близки по иконографии — лосиные фигурки из погребения № 1 у Хошеутово в Нижнем Поволжье (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250; 252). В Крыму подобный образ лося отражён на нащёчнике из Кубалача (№ 279 по нумерации Каталога) и описанных выше бляхах под № 296, 297.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

4/299. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повернутой влево

V в. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район, в окрестностях озера.

В этом же районе был найден бронзовый скипетр со стилизованным клювом хищной птицы (см. № 399 настоящего Каталога.)

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Длина: 2,3; высота от верхней части рогов: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне — 0,7; ширина — 1,3 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад и соприкасается со спиной животного. Передняя нога лежит на задней, копыта отделены от основных частей ног маленькими углублениями. Характерная особенность данного изображения — очень короткая шея, которая едва разделяет округлую лопатку и голову. Голова выполнена достаточно оригинально и схематично. В отличие от предыдущих экземпляров, отсутствует каноническое изображение круглого окантованного глаза. Он показан линзовидным удлиненным углублением, которое придаёт глазу хищные черты. Нос животного массивный и длинный, немного расширяется к окончанию.

Невыразительные рога в виде трёх окантованных отростков. С оборотной стороны бляхи — петля полукруглой формы.

Аналоги: в Восточной Европе, в памятниках скифского времени изображения лосиных фигурок — немногочислены. Наиболее ранние — фигурки лосих в аналогичной жертвенной позе на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин (начало VII в. до

н. э.) в бассейне р. Тясмин, в Днепропровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975, с. 19; табл. VI: 5, 6). Более близкие аналогии — фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» в кургане «Г» у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21) и небольшие фигурки лосей из кургана № 484 у с. Плавинице (1-я половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепропровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2), а также — в культурном слое на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7). Вместе с тем, довольно близки по иконографии — лосиные фигурки из погребения № 1 у Хошеутово в Нижнем Поволжье (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250; 252). В Крыму подобный образ лося отражён на нащёчнике из Кубалача (№ 279 по нумерации Каталога) и описанных выше бляхах под № 296—298.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

5/300. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повернутой влево

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, верх Змеиной Балки, немного ниже Антен, недалеко от родника «Джюджурка», Белогорский район.

В этом районе также найден акинак (№ 13 настоящего Каталога).

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,6; высота от верхней части рогов: 3,5 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,6 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад и соприкасается с тыльной частью спины животного. Передняя нога лежит на задней, копытца хорошо выражены. Массивная длинная шея передана полукруглой удлиненной плоскостью, переходящей в головку. Нос — длинный, узкий, загибающийся практически под пря-

мым углом. Большой глаз — в виде круглой выпуклости с рельефной окантовкой. Его диаметр больше ширины носа и выходит за его пределы. Из-за этого композиция головки (не принимая во внимание рога) по стилю напоминает головку хищной птицы. Рога состоят из трёх соединённых между собой отростков, каждый из которых имеет удлинённую каплевидную форму, обозначенную рельефной окантовкой. Аналогичным образом выполнено и ухо, которое вплотную примыкает к рогам.

Аналогии: в Восточной Европе, в памятниках скифского времени изображения лосиных фигурок — немногочислены. Наиболее ранние — фигурки лосих в аналогичной жертвенной позе на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин (начало VII в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, в Днепровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975, с. 19; табл. VI: 5, 6). Более близкие аналогии — фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» в кургане «Г» у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21) и небольшие фигурки лосей из кургана № 484 у с. Плавинище (1-я половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2), а также — в культурном слое на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7). Вместе с тем, довольно близки по иконографии — лосиные фигурки из погребения № 1 у Хошеутово в Нижнем Поволжье (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250; 252). В Крыму подобный образ лося отражён на нащёчнике из Кубалача (№ 279 по нумерации Каталога) и описанных выше бляхах под № 296—299.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

6/301. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повернутой вправо

V в. до н. э.

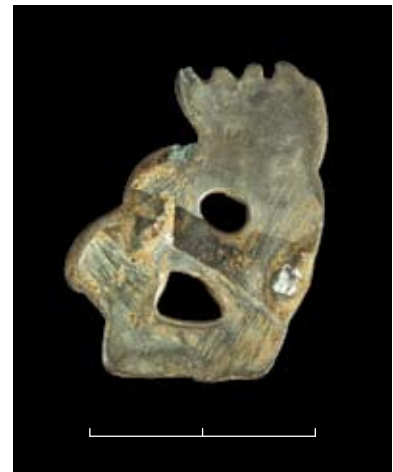
Горный массив Кубалач, в сторону села Пролом Белогорского района, в средней части косогора, на северном склоне.

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота от верхней части рогов: 2,9 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,6 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении. Ноги — с хорошо выделенными подтреугольными копытами. В отличие от предыдущих экземпляров, бедро и особенно лопатка, а также шея — очень массивны.

Между ними — узкая средняя часть туловища. Массивность туловища животного компенсируется изящностью головы.

Она — в виде сложной композиции. В центре — глаз животного, переданный рельефным кружком, окаймлённым толстой линией. Оригинален нос животного, показанный не резким прямым или тупым углом, а полукруглой плоскостью, идущей от глаза к спине. Внутри плоскости, рельефной петлевидной окантовкой изображён рот.

Необычны рога животного в форме треугольника, развёрнутого своим основанием вверх. Нижний угол треугольника опирается в глаз (рога «вырастают» из глаза). Верхняя часть рогов — четыре отростка. Крайние отростки — симметрично удлинённые, немного загнуты вовнутрь. Два центральных — симметрично вытянуты вверх, их общий контур образует букву «М». Рога окантованы рельефной линией, которая подчеркивает их форму и придает геральдический характер. С тыльной стороны к рогам примыкает вытянутое листовидное ухо, составляющее с ними композиционное целое.

Аналогии: в Восточной Европе, в памятниках скифского времени изображения лосиных фигурок — немногочисленны. Наиболее ранние — фигурки лосих в аналогичной жертвенной позе на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин (начало VII в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, в Днепропровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975, с. 19; табл. VI: 5, 6). Более близкие аналогии — фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» в кургане «Г» у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21) и небольшие фигурки лосей из кургана № 484

у с. Плавинище (1-я половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепропровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2), а также — в культурном слое на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7). Вместе с тем, довольно близки по иконографии — лосиные фигурки из погребения № 1 у Хошеутово в Нижнем Поволжье (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250; 252). В Крыму подобный образ лося отражён на нащёчнике из Кубалача (№ 279 по нумерации Каталога) и описанных выше бляхах под № 296—300.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

7/302. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повернутой вправо

V в. до н. э.

Район села Партизаны, Кировский район.

Бронза, литые. Сохранность средняя.

Длина: 2,2; высота от верхней части рогов: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне — 0,7; ширина — 1,3 см.

Фигура лежащего лося изображена в жертвенном положении: ноги поджаты под туловище, непропорциональ-

но большая голова повернута назад и соприкасается с бедром животного. Передняя нога полностью лежит на задней, на обеих ногах выделяются удлинённые копыта.

Небольшие рога в форме «короны» первоначально имели четыре (?) отростка. Три обломаны в древности (?). На оборотной стороне — обломанная полукруглая петля.

Аналогии: в Восточной Европе, в памятниках скифского времени изображения лосиных фигурок — немногочисленны. Наиболее ранние — фигурки лосих в аналогичной жертвенной позе на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин (начало VII в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, в Днепропровском Лесостепном Правобережье (Ильинская, 1975, с. 19; табл. VI: 5—6). Более близкие аналогии — фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» в кургане «Г» у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21) и небольшие фигурки лосей из кургана № 484 у с. Плавинище (1-я половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепропровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2), а также — в культурном слое на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7). Вместе с тем, довольно близки по иконографии — лосиные фигурки из погребения № 1 у Хошеутово в Нижнем Поволжье (V в. до н. э.) (Очир-Горяева, 2012, с. 214, 215; илл. 250; 252). В Крыму подобный образ лося отражён на нащёчнике из Кубалача (№ 279 по нумерации Каталога) и описанных выше бляхах под № 296—300. В нашей коллекции — это второй экземпляр правосторонней бляхи с изображением лося.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

8/303. В виде головы лося, повернутой влево

Вторая половина VI—V вв. до н. э.

Район Керчи, Восточный Крым.

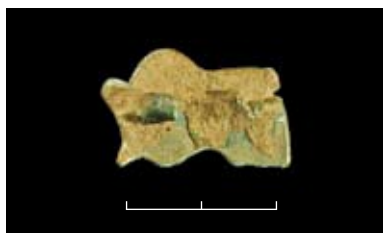
Бронза, литье. Сохранность средняя.

Длина: 2,5; высота от верхней части глаза: 1,6 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,9 см.

Лаконичное, «раннее» изображение лосиной головы. Чётко выражены основные канонические для скифского звериного стиля черты изображения: горбатый нос, отвислая, сильно развитая верхняя губа как бы приоткрытая пасть. Увеличенный глаз круглый и плоский, подчеркнутый рельефной окантовкой. Горбатый нос акцентирован и подчеркнут Г-образным кантом, нарушенным в районе изгиба. Область шеи подчеркнута дуговидным кантом.

Аналогии: В Крыму подобная бляшка найдена недавно в Пантикапее, в слое конца VI в. до н. э., в ходе раскопок В.П. Толстикова и Ю.Л. Белика (Толстикова, Белик, 2013, с. 27, табл. 27а). Большинство аналогий известно в памятниках скифской эпохи Восточноевропейской Левобережной Лесостепи — кургане № 12 в

уроч. Стайкин Верх близ с. Аксютинцы (VI в. до н. э.); кургане № 499 у с. Басовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Сула (Ильинская, 1968, табл. X: 5—7; XXVIII: 11); кургане № 10 (погребение № 1) могильника Перещепино-1 вблизи Бельского городища, в бассейне р. Ворскла (Махортих, 2006, с. 73; рис. 10: 4—6), а также — кургане № 10 группы Частые курганы в бассейне Среднего Дона (V в. до н. э.) (Пузикова, 2001, с. 28; рис. 5: 2). Датируются подобные бляхи 2-й половиной VI—V вв. до н. э. (Могилов, 2008, с. 48, 316; рис. 97: 1—9).

Публикуется впервые.

9/304. В виде головы лося, повернутой влево

Вторая половина VI—V вв. до н. э.

Село Яркое Поле, Кировский район.

Находка сделана недалеко от поселка, ближе к озеру Сиваш, на распаханном поле. Рядом также — бляшка под № 332 настоящего Каталога. По описаниям находчиков, в непосредственной близости от данного предмета были также найдены несколько маленьких медных «монет со звездочками», очевидно, феодосийских тетрахаалков V в. до н. э.

Бронза, литье. Сохранность средняя.

Длина: 2,5; высота от верхней части глаза: 1,6 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,3 см.

По иконографии и стилистике — полный аналог предшествующей лосиной головы, под № 303. Лаконичное, «раннее» изображение лосиной головы. Чётко выражены основные канонические для скифского звериного стиля черты изображения: горбатый нос, отвислая, сильно развитая верхняя губа, как бы приоткрытая пасть, переданная отверстием. Увеличенный глаз круглый и плоский, подчеркнутый релье-

фной окантовкой. Горбатый нос акцентирован и подчеркнут Г-образным кантом. Область шеи выделена дуговидным кантом, края которого обломаны.

Внешнее сходство и размеры бляшек № 303 и 304 позволяют предположить, что они отлиты в одной форме.

Аналогии: В Крыму подобная бляшка найдена недавно в Пантикапее, в слое конца VI в. до н. э., в ходе раскопок В.П. Толстикова и Ю.Л. Белика (Толстикова, Белик, 2013, с. 27; табл. 27а). Большинство аналогий известно в памятниках скифской эпохи Восточноевропейской Лесостепи — кургане № 12 в уроч. Стайкин Верх близ с. Аксютинцы (VI в. до н. э.); кургане № 499 у с. Басовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Сула (Ильинская, 1968, табл. X: 5—7; XXVIII: 11); кургане № 10 (погребение № 1) могильника Перещепино-1, вблизи Бельского городища в бассейне р. Ворскла (Махортих, 2006, с. 73; рис. 10: 4—6) в Днепро-вском Левобережье; кургане № 10 группы Частые курганы в бассейне Среднего Дона (V в. до н. э.) (Пузикова, 2001, с. 28; рис. 5: 2). Датируются подобные бляхи 2-й половиной VI—V вв. до н. э. (Могилов, 2008, с. 48, 316; рис. 97: 1—9).

Публикуется впервые.

**10/305. В виде головы молодого
лося (?), повернутой влево**

**Вторая половина VI—V вв.
до н. э.**

*Горный массив Кубалач, гора
Верблюд, Белогорский район.*

Бронза, литье. Сохранность
средняя.

Длина: 3,3; высота: 3,0 см.

Высота петли на оборотной
стороне: 0,7; ширина: 1,2 см.

Лаконичное изображение
головы выполнено в высоком
рельефе. В центре её — непро-
порционально большой глаз в
виде круглой выпуклости, очер-
ченной широкой углублённой
линией. Над глазом — короно-
образный гребень, образован-
ный тремя короткими отрос-
тками. В правой части — ухо,
имеющее форму, приближаю-
щуюся к треугольной. Нижняя
полукруглая часть головы име-
ет утолщение, вероятно, пере-
дающее щеку. Округлой фор-
мы нос слегка изогнут вниз. В
нижней его части короткой уг-
лублённой линией передан рот.
Нос напоминает лосиный — он
короткий и горбатый. Одна-
ко идентифицировать данное
изображение с лосиной голо-

вой можно лишь с большими
оговорками: вместо ветвистых
рогов здесь представлен коро-
нообразный гребень, характер-
ный для изображений птичьих
головок. Отсутствует и листо-
видное заострённое ухо — одна
из неизменных черт изображе-
ния лося в скифском искусстве.
С оборотной стороны — петля
прямоугольной формы.

Аналогии: известны исклю-
чительно в памятниках скифс-
кой эпохи Восточноевропейс-
кой Лесостепи — кургане № 12
в уроч. Стайкин Верх близ с. Ак-
сютинцы (VI в. до н. э.); кургане
№ 499 у с. Басовка (V в. до н. э.)
в бассейне р. Сула (*Ильинская,
1968, табл. X: 5—7; XXVIII: 11*);
кургане № 10 (погребение № 1)
могильника Перещепино-1,
вблизи Бельского городища в
бассейне р. Ворскла (*Махортих,
2006, с. 73; рис. 10: 4—6*) в Дне-
провском Левобережье; кургане
№ 10 группы Частые курганы в
бассейне Среднего Дона (V в. до
н. э.) (*Пузикова, 2001, с. 28; рис. 5:
2*). Датируются подобные бляхи
2-й половиной VI—V вв. до н. э.
(*Могиллов, 2008, с. 48, 316; рис. 97:
1—9*).

Публикуется впервые.

**11/306. В виде левосторонней
фигурки оленя,
с поджатыми ногами**

V в. до н. э.

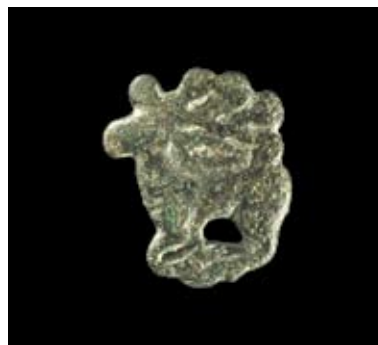
*Село Партизаны, Кировский
район.*

Бронза, литье. Сохранность
весьма средняя.

Длина: 2,5; высота: 2,9 см.

Высота петли на оборотной
стороне: 0,8; ширина: 1,7 см.

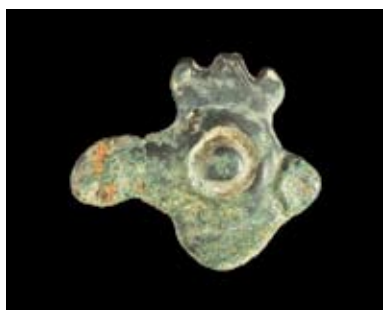
Фигура лежащего оленя
изображена в традиционном
жертвенном положении: ноги
поджаты под туловище. Пере-
дняя нога полностью лежит на
задней, на обеих ногах выделя-
ются удлинённые копыта. Голо-
ва вытянута вперёд, непропор-
ционально большие, ветвистые
рога опущены на спину. Deta-
ли морды животного, в силу

общей сохранности бляхи, не
просматриваются. С оборотной
стороны — петля полукруглой
формы.

Аналогии: такие бляшки, в
качестве деталей конской упря-
жки встречаются нечасто. Как
пример, можно привести эк-
земпляр из кургана № 22 близ
Смелы (V в. до н. э.), в Дне-
провском Лесостепном Право-
бережье (*Могиллов, 2008, с. 313;
рис. 95: 14*). В Крыму бляшка с
изображением оленя близкого
облика найдена в кургане Ак-
Мечеть, V в. до н. э. (*Членова,
1962, с. 199; табл. II: 5*). В целом,
изображение лежащего оленя
в жертвенной позе получило
чрезвычайно большое распро-
странение в искусстве народов
скифской эпохи Евразии (*Чле-
нова, 1962; Золотые олени Евра-
зии, 2001, кат. 152; 154; 159; 172;
182*), особенно — у населения
тагарской культуры Южной Си-
бири (Хакасско-Минусинской
котловины), где оно относится
в основном к VI—V вв. до н. э.
(*Завитухтна, 1983, № 95—146*).

Из известных крымских
изображений оленя в подобной

позе можно упомянуть изображение на золотой нащитной бляхе из «тайника» в кургане Куль-Оба, по-видимому, V в. до н. э. (*Scythian art, 1996, pl. 213*).

Публикуется впервые.

12/307. В виде головы оленя с пламявидными рогами, повернутой влево

V в. до н. э.

Село Отважное, Кировский район, в сторону горы Клементьева.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота от нижней части головки до верхней части рогов: 5,0; ширина от верхней части носа до крайней тыльной части головы: 3,0 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,5 см.

Лаконичное, изящное изображение головы оленя выполнено в технике высокого рельефа. Выделяется сама голова и огромные, высокие пламявидной формы рога. Удлиненный нос животного — прямоугольной формы. Рот передан короткой углубленной линией. На носу маленькой точкой намечена ноздря. Глаз — в виде выпуклой точки, окантованной округлым углублением. Короткой линией передана слезница. С тыльной стороны к головке примыкает вертикальная плоская складка, символически передающая шею.

Подлинную красоту изображению придают необычные рога, состоящие из четырёх высоких, соединённых между собой отростков. Необычна также форма уха в виде неправильно вытянутого ромба, окантованного плоскими широкими рельефными линиями. Верхняя часть уха примыкает к рогам, образуя с ними единое композиционное целое. С оборотной стороны — петля прямоугольной формы.

Аналогии: близкие, но не идентичные — в кургане № 5 у с. Берестяги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепроовское Лесостепное Правобережье (*Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 4; Могилов, 2008, с. 316; рис. 97: 10—16*); курганах № 15, погребение № 1; 21, погребение № 1 могильнике в урочище Перещепино, вблизи Бельского городища, в бассейне Ворсклы, Днепроовское Лесостепное Левобережье, 1-половина — 3-я четверть V в. до н. э. (*Махортих, 2006, с. 60, 64; рис. 1: 3; с. 73; рис. 10: 1*); Семибратних курганах на Кубани, 1-я половина V в. до н. э.; могильника Кривая Лука в Нижнем Поволжье, VI—V вв. до н. э. (*Королькова, 2006, с. 173; табл. 4: 1, 2*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

13/308. В виде рогов с зооморфными превращениями

V в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 3,4; максимальная ширина: 4,4 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,6 см.

Полная аналогия двум бляхам, найденным среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района (№ 207, 208 по нумерации Каталога).

Сложную композицию можно трактовать, как условное изображение ветвистых рогов животного, выполненных при помощи приёма зооморфных превращений. Основанием композиции является вытянутая сверху вниз плоскость, от которой, в разные стороны отходят три отростка: два — влево, один — вправо. Каждый из

отростков передан при помощи одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. С оборотной стороны — массивная полукруглая петля, под которой расположена дорожка шириной 0,9 см для более прочного закрепления на ременной основе.

Аналогии: в кургане № 4 у с. Берестяги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 167; 12); кургане № 13 у с. Олефирщина (V в. до н. э.), междуречье Ворсклы и Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 29; рис. 11: 5).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

14/309, 15/310. В виде рогов с зооморфными превращениями

V в. до н. э.

14/309. Село Русаковка, Белогорский район.

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Высота: 3,0; ширина: 4,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,6 см.

Полная аналогия двум бляхам, найденным среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района (№ 207, 208 по нумерации Каталога) и вышеописанной бляхи из с. Межгорье.

Сложную композицию можно трактовать, как условное изображение ветвистых рогов животного, выполненных при помощи приёма зооморфных превращений. Основанием композиции является вытянутая сверху вниз плоскость, от которой, в разные стороны отходят три отростка: два — влево, один — вправо. Каждый из отростков передан при помощи

одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. С оборотной стороны — полукруглая, узкая петля, под которой расположена дорожка шириной 0,8 см для более крепкого закрепления на ременной основе.

Аналогии: в кургане № 4 у с. Берестяги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 167; 12); кургане № 13 у с. Олефирщина (V в. до н. э.), междуречье Ворсклы и Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 29; рис. 11: 5).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

15/310. Село Новоклёново, Белогорский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Высота: 3,2; ширина: 4,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,6 см.

Полная аналогия по изображению описанным выше двум бляхам, а также двум экземплярам, найденным среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района (№ 207, 208 по нумерации Каталога). Отличается от упомянутых четырёх блях лишь большими размерами и массивностью.

С оборотной стороны — широкая прямоугольная петля.

Аналогии: в кургане № 4 у с. Берестяги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 167, рис. 12); кургане № 13 у с. Олефирщина (V в. до н. э.), междуречье Ворсклы и Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 29, рис. 11: 5).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

15/311. В виде головы оленя, выполненной из обломка рогов с зооморфными превращениями

V в. до н. э. (?)

Село Межгорье, Белогорский район.

Найдена вместе с костяными наконечниками (№ 175—184.)

Бронза, литье. Бляха фрагментирована, покрыта благородной патиной.

Высота: 3,0; ширина: 3,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,5 см.

Данный предмет — яркий пример повторного использования изображения, которое, скорее всего, было испорчено или же изначально являлось браком. Первоначально оно представляло (или должно было представлять) рога с зооморфным превращением (анalogии № 207, 208, 308—310). Но у рассматриваемого изображения отсутствует правосторонний отросток. Его основание ста-

рательно обработано. При повороте изображения в правую сторону, вся композиция становится вертикальной и в ней читаются черты головы оленя с парой высоких ажурных рогов. В верхней части головы, ближе к основанию отростков рогов расположен глаз. Это ключевая деталь вторичного изображения и, в то же время, единственная серьёзная доработка изображения первичного. Глаз представляет собой небольшую овальную впадину, в центре которой — круглый выпуклый кружок, передающий зрачок.

Аналогии: подобные доработки нам не известны.

Публикуется впервые.

16/312. В виде левостороннего изображения козла, лежащего с поджатыми ногами

Первая половина VII в. до н. э.

Между посёлком Зуя и селом Ароматное, Белогорский район.

Бронза, литье. Сохранность хорошая.

Высота фигурки: 2,5 см. Ширина: 2,8 см.

Высота петли на обороте: 0,7; ширина: 2,2 см.

Животное изображено спокойно лежащим, в жертвенной позе, при этом передние ноги перекрывают задние. На обеих — хорошо выделены копытца. Шея козла плавно изогнута, на ней по внешнему краю рубчиками условно показана шерсть. Голова животного слегка приподнята, смотрит вперёд. Губы — пухлые, округлые, с хорошо проработанным ртом. В центре головы — округлый выпуклый глаз, окаймлённый валиком. К нему примыкает овальное ухо, переданное окаймлённой впадинкой. Рога — мощные, сильно закрученные, касаются шеи и спины животного. Они изображены весьма реалистично. На крупе козла рельефно выделено бедро. Хвост не показан.

Чрезвычайно интересная особенность данного изображения — наличие в нижней части тулова и частично на шее ещё одной головы — явно травоядного животного, оформленной в такой же манере, как и голова козла, но без рогов и с длинными стоячими ушами. Данная голова столь органично вписывается в первое изображение, что его туловище и ноги являются одновременно туловищем и ногами второго животного. Видовую принадлежность второго животного определить сложно. Можно предположить, что сюжетно представлены козёл (коза?) с детёнышем.

В целом изображение на бляхе выполнено чрезвычайно мастерски, в высоком рельефе.

На оборотной стороне — массивная прямоугольная петля для крепления на ремненной основе узды.

Аналогии: среди бронзовых изделий узды подобные бляхи пока не фиксировались. По

общим пропорциям и деталям данное изображение козла весьма напоминает фигурку такого же животного, представленную на костяной шпильке, найденной в женском погребении № 1 кургана № 1 группы II у с. Волошино близ г. Комсомольск Полтавской области (южная часть Приднепровской террасовой Лесостепи), 1-я половина VII в. до н. э. Последняя выполнена в соответствии с традициями ближневосточного искусства (Кулатова, Скорый, Супруненко, 2006, с. 53, рис. 6; с. 57, рис. 10: 2–7). С точки зрения «двухголовости» или многофигурности композиции крымская находка имеет аналогии лишь на двух костяных бляшках из кургана № 2 у с. Жаботин, где представлены по два животных (лосиха с детёнышем), выполненные в идентичной манере (Ильинская, 1975, табл. VI: 5, 6). Дата жаботинского кургана большинством исследователей также определяется в пределах 1-й половины VII в. до н. э.

Публикуется впервые.

**17/313. В виде фигурки
горного козла
с поджатыми ногами
и головой, обращённой влево**

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Русское и Мелехово, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Длина: 4,0; высота от верхней части рогов: 3,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение фигурки горного козла, лежащего в жертвенной позе, со сложенными параллельно ногами, передние — на задних. Копытца на ногах — не выделены. Голова животного поднята. На ней чётко представлены небольшой округлый вдавленный глаз, пухлые губы и рот, узкое, листовидное ухо.

Рога — большие, плавно изогнутые, с вполне реалистично переданными выступами. В нижней части — обломаны. Лопатка и бедро показаны рельефно. Хвост — в виде узкого колечка. На оборотной стороне бляшки — полукруглая петля.

Аналогии: фигурки горных козлов — крайне редки среди деталей конской упряжи скифского времени на Юге Восточной Европы: например, в кургане № 10 у хутора Поповка и кургане у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Левобережье (Могилов, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24–27). Однако на этих бляшках представлены обычно стоящие животные. Более близкие фигурки козлов в жертвенной позе известны в Предкавказье, например, в кургане у хутора Шунтук близ Майкопа (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11) и на Таманском полуострове (Leskov, 2008, p. 211; cat. 289). Аналогии нашей находке есть и в предельно известной серии блях с изображением горных козлов, также

лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения № 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232). В целом же, горные козлы в жертвенной позе — один из наиболее ранних образов скифского звериного стилиа, например, на известной секире из Келермесских курганов в Прикубанье (Кисель, 1997, с. 15, 16).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

**18/314–21/317. Серия блях
в виде левосторонних фигурок
горного козла с поджатыми
ногами, без голов**

VI—V вв. до н. э.

18, 19. Село Богатое, Белогорский район, подножье горного массива Кубалач.

Две бляхи найдены в одном месте.

**18/314. В виде левосторонней
фигурки горного козла
с поджатыми ногами, без головы**

Бронза, литьё. В целом сохранность хорошая.

Длина: 3,5; сохранившаяся высота: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение левосторонней фигурки горного козла, лежащего в жертвенной позе, со сложенными параллельно ногами, передние — на задних. Лопатка и бедро показаны рельефно. Хвост — в виде узкого колечка. На ногах выделены копытца. Шея поднята, моделирована посередине продольной складкой. Место облома головы — старое, запатинированное. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: для фигурки горного козла — те же, что и для предшествующего изображения.

19/315. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами, без головы

Бронза, литьё. Сохранность — средняя.

Длина: 3,5; сохранившаяся высота: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение левосторонней фигурки горного козла, лежащего в жертвенной позе, со сложенными параллельно ногами, передние — на задних. На ногах — копытца. Лопатка и бедро показаны рельефно. На бедре — дополнительный орнамент в виде птичьей головки (?). Хвост — в виде узкого колечка. Под ним — неудаленный прямоугольный литник. Шея поднята. Место облома головы на шее — старое, запатинированное. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: для фигурки горного козла — те же, что и для предшествующего изображения. Изображения горных козлов — крайне редки среди деталей конской упряжи скифского времени на Юге Восточной Европы: например, в кургане № 10 у хутора Поповка и кургане у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Левобережье (Могилев, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27). Однако на этих бляшках представлены стоящие животные. Более близкие фигурки козлов в жертвенной позе известны в Предкавказье, например, в кургане у хутора Шунтук близ Майкопа (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11) и на Таманском полуострове (Leskov, 2008, p. 211; cat. 289). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения № 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232).

Изображения горных козлов — крайне редки среди деталей конской упряжи скифского времени на Юге Восточной Европы: например, в кургане № 10 у хутора Поповка и кургане у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Левобережье (Могилев, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27). Однако на этих бляшках представлены стоящие животные. Более близкие фигурки козлов в жертвенной позе известны в Предкавказье, например, в кургане у хутора Шунтук близ Майкопа (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11) и на Таманском полуострове (Leskov, 2008, p. 211; cat. 289). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения № 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Левобережье (Могилев, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27). Однако на этих бляшках представлены стоящие животные. Более близкие фигурки козлов в жертвенной позе известны в Предкавказье, например, в кургане у хутора Шунтук близ Майкопа (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11) и на Таманском полуострове (Leskov, 2008, p. 211; cat. 289). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения № 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

20/316. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами, без головы

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, село Дивное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность — очень хорошая.

Длина: 3,0; сохранившаяся высота: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение левосторонней фигурки горного козла, лежащего в жертвенной позе, со сложенными параллельно ногами, передние — на задних. На ногах — копытца. Лопатка и бедро показаны рельефно. Хвост — в виде узкого колечка. Под ним — неудаленный литник прямоугольной формы. Шея поднята. Место облома головы на шее — старое, в отличие от предыдущих экземпляров — хорошо заполированное. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: для фигурки горного козла — те же, что и для предшествующих изображений. Изображения горных козлов — крайне редки среди деталей конской упряжи скифского времени на Юге Восточной Европы: например, в кургане № 10 у хутора Поповка и кургане у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Левобережье (Могилев, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24–27). Однако на этих бляшках представлены стоящие животные. Более близкие фигурки козлов в жертвенной позе известны в Предкавказье, например, в кургане у хутора Шунтук близ Майкопа (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11) и на Таманском полуострове (Leskov, 2008, p. 211; cat. 289). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения № 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

21/317. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами, без головы

VI—V вв. до н. э.

Гонный массив Кубалач, северный склон горы Маяк, между селами Сенное и Некрасово, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность — очень хорошая.

Длина: 3,0; сохранившаяся высота: 2,0 см.

Ширина петли на оборотной стороне: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение левосторонней фигурки горного козла, лежащего в жертвенной позе, со сложенными параллельно ногами, передние — на задних. Лопатка и бедро показаны рельефно. Хвост — обломан. Шея поднята. Место облома головы на шее — старое. На оборотной стороне — следы обломанной петли.

Аналогии: для фигурки горного козла — те же, что и для предшествующих изображений. Изображения горных козлов — крайне редки среди деталей конской упряжи скифского времени на Юге Восточной Европы: например, в кургане № 10 у хутора Поповка и кургане у с. Аксютинцы (раскопки

Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Левобережье (Могилев, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24–27). Однако на этих бляшках представлены стоящие животные. Более близкие фигурки козлов в жертвенной позе известны в Предкавказье, например, в кургане у хутора Шунтук близ Майкопа (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11) и на Таманском полуострове (Leskov, 2008, p. 211; cat. 289). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения № 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

22/318. В виде головы горного козла, обращённой влево, отломанной от бляхи

VI—V вв. до н. э.

Район села Дивное, Белогорский район, северо-восточное подножье горного массива Кубалач.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 1,5; ширина: 2,7 см.

Изображение головы горного козла выполнено в весьма реалистичной манере. Рога — большие, плавно загнутые к шее, с характерными поперечными валиками. Глаз — в виде выпуклого кружка с точкой-зрачком в центре. Ухо — листовидное, узкое, прямое. На сужающейся округлой морде узким валиком моделированы нос и губы животного. Ниже нижней челюсти — небольшая бородка. На шее расположена вертикальная складка. Место облома — старое, патинированное.

Аналогии: прямых аналогий отломанной головке горного козла в древностях скифского времени Восточной Европы

обнаружить не удалось. Фигурки же козлов также крайне редки среди деталей конской упряжи на указанной территории: например, в кургане № 10 у хутора Поповка и кургане у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.) (Могилев, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24–27). Более близкие фигурки козлов в жертвенной позе известны в Предкавказье, например, в кургане у хутора Шунтук близ Майкопа (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11*) и на Таманском полуострове (*Leskov, 2008, р. 211; cat. 289*). Аналогии нашей находке есть и в представительной серия блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения № 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

23/319. В виде фигурки коня с поджатыми ногами и головой, повернутой влево

VI–V вв. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,1; высота: 2,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,7 см.

Стилизованное изображение лежащей лошади в жертвенной позе, с поджатыми ногами, передние — на задних, поверну-

той влево непропорционально большой головой. В центре её — округлый глаз в виде круглой выпуклости, ограниченной большим ободком подтреугольной формы. Ухо — маленькое, слабо выраженное. Морда животного посредством узкой перемычки соединена с крупом. Детали её — не проработаны. Шея коня высоко поднята. Туловище поджарое, узкое, хвост — не выражен. В целом изображение дано в довольно высоком рельефе. На оборотной стороне бляхи — поперечная, узкая, полукруглая петля.

Аналогии: в памятниках скифского времени Юга Восточной Европы нам не известны. В целом изображения полных фигурок коня, как самостоятельных мотивов искусства звериного стиля, на обширных пространствах Евразии встречаются крайне редко. Отдельные экземпляры таких изделий в золоте и бронзе фиксируются в древностях VII–V/IV вв. до н. э. Нижнего Поволжья и более восточных территорий — Тувы, Южной Сибири, вплоть до Китая (*Королькова, 2006, с. 51–53, 184; табл. 15: 3–5, с. 185; табл. 16, 1–5: 10, 16*).

Публикуется впервые.

24/320–27/323. Серия блях в виде кабаньей головы, отлитых в различных формах

24/320. В виде кабаньей головы, смотрящей влево

V в. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,8; высота от верхнего края уха: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,7 см.

Бляха выполнена в высоком рельефе, реалистичной манере с элементами орнаментально-декоративной трактовки отдельных деталей. Нос показан в виде длинной складки, оканчивающейся утолщением, передающим окончание носа («пятак»). Нижняя часть головы выделена отдельной складкой. Между верхней и нижними складками, при помощи овальной рельефной линии образована петля, внутри которой — покое пространство. С помощью этого приёма показан рот животного. Клык трактован условно, как тонкая рельефная линия, исходящая из нижней складки и немного выступающая за пределы верхней. Глаз имеет удлинённую, овальную форму, переданную тонкой углубленной линией. Загровок трактован декоративно, в виде семи коротких рубцов, упирающихся с тыльной стороны в круглое ухо, окантованное рельефной линией.

Характерная особенность изображения: глаз расположен очень высоко, почти примыкая

к загривку. Этот приём придаёт стилистике изображения дополнительную агрессивность. С оборотной стороны — округлая массивная петля.

Аналогии: известны довольно широко — в степной и лесостепной областях Северного Причерноморья, на Северном Кавказе, в ареале савроматской культуры Поволжья и Приуралья (Могилев, 2008, с. 46). Наиболее близкие аналогии — в курганах № 499 у с. Басовка (Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8), у с. Днепряны в северопрichernоморской Степи (Мурзин, 1984, с. 33; рис. 18: 3), относящихся к V в. до н. э.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

25/321. В виде кабаньей головы, смотрящей влево

V в. до н. э.

Село Кринички, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность в целом хорошая, но есть — повреждение.

Длина: 4,2; высота: 1,3 см.

Петля обломана.

Голова отличается условностью изображения основных элементов и низким рельефом. Нос показан в виде длинной складки, оканчивающейся утолщением, передающим

окончание носа («пятак»). Снизу к складке носа примыкает тонкая рельефная линия, передающая верхнюю губу. Аналогичной тонкой рельефной линией показана нижняя губа, задняя часть которой отломана. Клык трактован условно, в виде тонкой рельефной линии, исходящей из середины линии, передающей нижнюю губу. Круглый плоский глаз подчеркнут каплевидной вдавленной каймой, вытянутой по направлению к носу (условная трактовка слезницы). Загривок изображён декоративно, в виде линии рубцов, идущих от основания пасти к уху. Последнее передано крайне условно, в виде кольца.

Аналогии: подобные бляхи известны довольно широко — в степной и лесостепной областях Северного Причерноморья, на Северном Кавказе, в ареале савроматской культуры Поволжья и Приуралья (Могилев, 2008, с. 46). Наиболее близкие аналогии — в курганах № 7 группы Частых (V в. до н. э.), Среднее Подонье (Либеров, 1965, с. 83; табл. 22: 18); № 446 у с. Капитановка (V в. до н. э.), бассейн р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье (Могилев, 2008, с. 312; рис. 94: 35, 35а).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

26/322. В виде кабаньей головы, смотрящей вправо

V в. до н. э.

В окрестностях города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая, небольшое повреждение с одной из сторон.

Длина: 3,8; высота: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,4 см.

Голова животного характеризуется условностью изображения основных элементов и подчеркнутой стилизацией образа в целом. Её чрезмерная вытянутость, в сочетании с приоткрытой пас-

тью и каплевидным глазом, выражает агрессию и динамизм. Изображение выполнено в низком рельефе. Нос — в виде плоской длинной поверхности, нижняя часть морды — аналогичная поверхность, постепенно сужающаяся к её окончанию. Сильно вытянутая овальная приоткрытая пасть окантована рельефной линией, передающей верхнюю и нижнюю губу. Окончание верхней губы загнута вверх, практически под прямым углом, образуя «пятак». Клык трактован условно, как тонкая рельефная линия, идущая от нижней губы вверх. Глаз — каплевидной формы, вдавленный. За ним располагалось ухо (обломано). Характерная особенность — отсутствие загривка. С оборотной стороны полукруглая петля.

Аналогии: подобные бляхи известны довольно широко — в степной и лесостепной областях Северного Причерноморья, на Северном Кавказе, в ареале савроматской культуры Поволжья и Приуралья (Могилев, 2008, с. 46). Относятся, как правило, к V в. до н. э. Наиболее близкие аналогии — бляхи, найденные в Роменском уезде, в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье (Могилев, 2008, с. 312; рис. 94: 32, 33).

В Крыму подобные находки не фиксировались.

Публикуется впервые.

27/323. В виде кабаньей головы, смотрящей вправо

V в. до н. э.

В окрестностях города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность плохая; сильная окисленность поверхности.

Длина: 4,2; высота бляшки: 2,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 2,3 см.

Голова животного выполнена в высоком рельефе и характеризуется реалистичностью передачи изображения в сочетании с условной трактовкой отдельных деталей. Щека зверя показана массивной выпуклостью, переходящей в менее выраженную выпуклость носа. Над щекой — глаз, переданный маленьким выпуклым кружком. Глаз подчеркнут рельефной окантовкой и двумя массивными полукруглыми складками, концентрически расположенными снизу. Маленькое ухо — овальной формы с округлым углублением в середине, расположено сразу за глазом. Окончание носа дано двумя рельефными складками, создающими визуальный эффект

полукругов. Две неярко выраженные складки заметны также в середине верхней части носа. Клык условно показан рельефной линией, идущей под углом от нижней части морды по направлению к глазу. В целом изделие выглядит очень массивным и рельефным. С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналогии: подобные бляхи известны довольно широко — в степной и лесостепной областях Северного Причерноморья, на Северном Кавказе, в ареале савроматской культуры Поволжья и Приуралья (Могилев, 2008, с. 46). Относятся, как правило, к V в. до н. э. Наиболее близкая аналогия в кургане № 7 (V в. до н. э.) группы Частые курганы на Среднем Дону (Либеров, 1965, с. 83; табл. 22: 19).

Известны литейные формы, например, на античном поселении Кошары близ Одессы, в которых изготавливались подобные бляхи (Левина, Островерхов, Редина, 1993, с. 88; рис. 3: 1, 2; Ольговский, 2014).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

28/324. В виде трёх кабаньих голов синкретического исполнения

V в. до н. э.

Село Новоклёново, Белогорский район, предгорье Караби-Яйла.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 4,3; ширина: 4,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,4 см.

Сложный синкретический образ, состоящий из трёх кабаньих голов: по бокам представлены две головы вепря в профиль, напротив друг друга, которые в свою очередь, сливаясь, образуют третью голову в фас. Изображение — в высоком рельефе, имеет форму треугольника с закруглёнными углами. Одна из вершин тре-

угольника — окончание носа («пятак») всех трёх кабаньих голов. Две другие вершины, более округлые, образованы шеями двух иных «профильных голов». Треугольной формы уши, глаза с выделенными зрачками, в выпуклых глазницах, закруглённые клыки выполнены очень натуралистично. Благодаря сочетанию треугольной основы и реалистичных деталей, головы вепря выглядят динамично и экспрессивно. С оборотной стороны — полукруглая петля,

под ней — дорожка шириной 0,5 см, для более прочного закрепления бляхи на ременной основе оголовья.

Аналогии: прямые найти не удалось, но изображения животных, представленных в подобной схеме, известны в курганах № 400 (1—2 четверти V в. до н. э.) и «В» (V в. до н. э.) у с. Журовка в бассейне Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье, где показаны лосиные головы (Могилев, 2008, с. 346; рис. 125: 1, 2); курганах у с. Берестянка (бассейн Ворсклы) и № 10 у с. Горка на Среднем Дону, IV в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 310: 28—30). С точки зрения реалистичности нашему изображению близка пряжка с лосиными головами из кургана «В» у с. Журовка. Стоит также упомянуть, что подобное «зеркальное» изображение кабаньих голов известно на золотой пластине-аппликации из кургана Бабы (V в. до н. э.) в Степном Причерноморье (Канторович, 1997, с. 104; рис. 4: 7).

Публикуется впервые.

29/325. В виде стоящего хищника кошачьей породы с головой, повернутой назад

V в. до н. э.

Село Новопокровка, урочище Солёная Балка, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла очень хорошая.

Длина: 2,6; высота: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,4 см.

Шея животного плавно изогнута, увенчана крупной головой. Ухо хищника — правильной овальной формы с углублением и окантовкой. Морда — массивная, в её центральной части — половина округлого отверстия, верхний и нижний край которого сужены. Складывается впечатление, что часть головы хищника не долита в форме, т. е. бляшка бракованная. Туловище стройное, живот слегка поджарый.

Верхние части передних и задних ног переданы на туловище округлым рельефом. Ноги прямые, стройные, хвост загнут в кольцо. Зверь стоит на горизонтальной поверхности, украшенной косой насечкой, по-видимому, имитирующей растительность. На оборотной стороне полукруглая петля.

Аналогии: по моделировке тела, положению ног в определённой степени близка этой находке бляшка из кургана «Г» у с. Журовка (1-я половина V в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Правобережье (Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 27). Пожалуй, ещё более близкой аналогией является бляшка (к сожалению, случайная находка) с античного поселения Голубицкая 2 на Тамани, которая неверно определена, как фигурка лошади (Строкин, 2010, с. 461, 463; рис. 4: 48). Между тем, тело животного, голова, загнутый в колечко хвост недвусмысленно свидетельствуют об изображении кошачьего.

Публикуется впервые.

30/326. В виде свернувшегося хищника кошачьей породы

Вторая половина VI — первая половина V вв. до н. э.
Село Айвазовское, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 3,2; высота: 2,9 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,9 см. ширина: 1,5 см.

Длинное туловище зверя описывает кольцо вокруг лап, составляющих композиционный центр изображения, выполненного в низком рельефе. Голова вытянута, чётко различимы четыре её части: нос, основная часть, нижняя челюсть и овальное ухо. Глаз передан едва различимым кружком. Передняя лапа прямая, массивная, с тремя пальцами, на ней как бы лежит голова зверя (его нижняя челюсть). Задняя лапа неестественно загнута под углом 180 градусов, также с тремя пальцами, которые лежат в подтреугольном углублении, образованном лопаткой и бедром зверя. Хвост — длинный,

загнутый, расположен ниже бедра. Кончик хвоста образует сложный завиток на оси симметрии с трёхпалой задней лапой. С оборотной стороны — петля прямоугольной формы.

Аналогии: образ свернувшегося хищника был чрезвычайно популярен в искусстве скифского времени евразийского региона (Полидович, 1994), но аналогии именно таким бляхам, в целом — немногочисленны, хотя и встречаются в обширном ареале. Известны в лесостепной зоне Восточной Европы, например, в кургане № 482 у с. Басовка (Посулье), 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, табл. 25: 3, 4); кургане № 5 Протопоповского могильника, V в. до н. э. (Гречко, 2010, с. 83, 214; рис. 87: 5; с. 245; рис. 98: 41); в кургане № 1 группы II близ поселка Старый Мерчик, в бассейне Северского Донца (Бандуровский, 2002, с. 90; рис. 1); на Северном Кавказе — среди наборов конского снаряжения, найденного у Майкопа (Очир-Горяева, 2012, с. 224—225; рис. 271: 10); в Нижнем Поволжье — в кургане № 25 группы Три Брата, конец VI—1-я половина V в. до н. э. (Очир-Горяева, 2012, с. 190; илл. 191: 5; с. 195, 196). Образ кошачьего хищника хорошо представлен на скифских крестовидных бляхах 2-й половины VI—V вв. до н. э. (Полидович, 2000, № 1; с. 36; рис. 1: 7, 8; с. 37; с. 2: 1—3).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

**31/327—38/335. Серия блях
в виде головы хищника
(кошачьего, волка, медведя)**

**31/327. В виде головы хищника,
смотрящей влево**

Первая половина V в. до н. э.

Село Пруды, Советский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,5; высота: 1,8 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,5 см.

Изображение довольно условно, в низком рельефе. Нос зверя удлинён, однако форма головы не позволяет однозначно судить о его видовой принадлежности: кошачий хищник, волк или медведь. Изображение сочетает в себе черты всех трёх. Верхняя часть головы немного изогнута, в её центре — глаз, переданный вдавленной окружностью и являющийся центром симметрии всего изделия. Пасть раскрыта, в форме полуовала, подчеркнутого рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. С тыльной стороны головки к окантовке примыкает вдавленная линия, отделяющая нижнюю челюсть от основной части головы. В приткнутой части хорошо видны два клыка. Ухо в виде неровного кружка с внешней окантовкой. С оборотной стороны бляхи прямоугольная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейне Сулы (Ильинская, 1968, с. 132; табл. XXVIII: 7); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я полови-

на V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1); курганах № 400—401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art*, 1986, kat. 63). Судя по находке двухстворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи отливались, в частности, в Ольвии (Ользовский, 2014, с. 146, 147; рис. 52), однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о различных центрах изготовления изделий.

Публикуется впервые.

**32/328. В виде головы хищника,
смотрящей влево**

Первая половина V в. до н. э.

Село Новоклёново, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,3; высота: 1,6 см;

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,8 см.

Изображение, как и предшествующее, довольно условно, выполнено в низком рельефе. Нос зверя удлинён, однако форма головы не позволяет однозначно судить о его видовой принадлежности: кошачий хищник, волк или медведь. Изображение сочетает в себе черты всех трёх. Верхняя часть головы немного изогнута, в её центре — глаз, переданный

вдавленной окружностью и являющийся центром симметрии всего изделия. Пасть раскрыта, в форме полуовала, подчеркнутая рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. С тыльной стороны головки к окантовке примыкает вдавленная линия, отделяющая нижнюю челюсть от основной части головы. В открытой пасти хорошо видны два клыка. Ухо в виде кружка с внешней окантовкой.

С оборотной стороны бляхи полукруглая петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейне Сулы (*Ильинская, 1968, с. 132, табл. XXVIII: 7*); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55, табл. 30: 12*) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я пол. V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21, табл. 13: 1*); курганах № 400, 401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (*Петренко, 1967, с. 169, табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311, рис. 93: 9, 10*). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Ново-

привольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222, илл. 269: 3*). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*). Судя по находке двухстворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи отливались, в частности, в Ольвии (*Ольговский, 2014, с. 146, 147, рис. 52*), однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о различных центрах изготовления изделий.

Публикуется впервые.

33/329. В виде головы хищника, смотрящей влево

Первая половина V в. до н. э.

Село Пруды, Советский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,7; высота: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,2 см.

Голова зверя выполнена в низком рельефе, более уплощена, по сравнению с предшествующими изображениями (№ 327, 328). Уши — короткие, прижатые к голове. Глаз передан округлой выпуклостью. Пасть в

виде полуовала, подчеркнутая рельефной окантовкой, широко раскрыта. Хорошо видны два острых клыка. В районе пасти — округлое отверстие (литейный брак?). Изображение — в определенной степени реалистично, напоминает голову львицы или пантеры. С оборотной стороны бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: те же; подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейне Сулы (*Ильинская, 1968, с. 132; табл. XXVIII: 7*); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12*) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1*); курганах № 400—401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (*Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*).

Публикуется впервые.

34/330. В виде головы хищника, смотрящей вправо

Первая половина V в. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне 1,0; ширина: 1,0 см.

Голова развернута вправо, выполнена в низком рельефе.

Нос зверя — короткий, что сближает его с классическими скифскими образами кошачьего хищника. Изогнутость верхней части головы очень слабая. Пасть раскрыта и передана в форме полуовала, подчеркнутая рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. С тыльной стороны головы к окантовке примыкает вдавленная линия, условно отделяющая нижнюю челюсть от основной части головы. Открытая пасть как бы залита с реверсной стороны. В ней показан лишь один клык. Глаз передан вдавленной окружностью и слегка смещён в сторону носа. Ухо в виде кружка с выемкой. Изображение характеризуется условностью и формализмом в передаче основных черт. С оборотной стороны бляхи — прямоугольная петля.

Аналоги: те же; подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейне Сулы (Ильинская, 1968, с. 132; табл. XXVIII: 7); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1); курганах № 400—401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10). Встречаются и за пределами указанного ареала, например,

в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (Scythian art, 1986, kat. 63).

Публикуется впервые.

35/331. В виде головы хищника, смотрящей вправо

Первая половина V в. до н. э.

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,8 см.

Ширина петли: 1,8 см.

Голова развернута вправо. Нос зверя длинный, что сближает его с образами волчьего хищника. Длина носа подчеркивается сильной изогнутостью верхней части головки, в центре которой расположен глаз в виде вдавленной окружности. В отличие от предыдущих экземпляров, изогнута не только верхняя, но и нижняя часть головы. В данном изделии хорошо передана рельефность: верхняя часть головы и условная шея показаны выпуклыми валиками. Пасть раскрыта и дана в форме полуовала, подчеркнутая рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. С тыльной стороны головы к окантовке примыкает выпуклая шея. Открытая пасть выполнена в форме полуовального отверстия, в котором просматриваются два узких клыка. Ухо представляет

собой неровный кружок с внешней окантовкой. С оборотной стороны — полукруглая петля обломана.

Аналоги: те же; подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейн Сулы (Ильинская, 1968, с. 132; табл. XXVIII: 7); кургане № 491 у с. Броварки в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1); курганах № 400—401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.) в бассейне Тясмина (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (Scythian art, 1986, kat. 63). Весьма сходная бляшка, но левосторонняя, найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (Строкин, 2010, с. 463, рис. 4: 47).

Публикуется впервые.

36/332. В виде головы хищника, смотрящей вправо

Первая половина V в. до н. э.

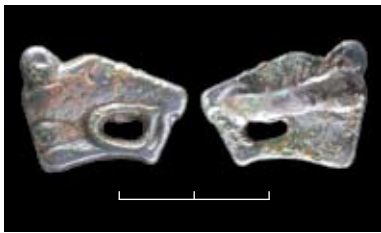
Село Яркое Поле, Кировский район.

Находка сделана на том же поле, что и бляха в виде лосиной головки (№ 304 по нумерации Каталог).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,8 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,8 см.

Данный экземпляр — полный аналог предшествующей бляхи (№ 331). Никаких отличий в размерах и иконографии не наблюдается, что может указывать на единую линейную форму. Разница между данным экземпляром и бляхой под № 331, похоже, заключается в материале (здесь преимущественно медный состав, о чём свидетельствует характерная красноватая патина), а также в особенностях проливки (в данной бляхе рельеф выражен менее ярко). С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналогии: те же; подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейне Сулы (Ильинская, 1968, с. 132; табл. XXVIII: 7); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1); курганах № 400, 401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейско-

го некрополя (*Scythian art*, 1986, kat. 63). Весьма сходная бляшка, но левосторонняя, найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47).

Публикуется впервые.

37/333. В виде головы хищника, смотрящей вправо

Первая половина V в. до н. э.

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,8 см.

Ширина петли: 1,8 см.

По общей иконографии образа, стилистике и размерам — полный аналог предыдущим экземплярам (№ 331—332 по нумерации Каталога). Отличие заключается в более примитивной манере исполнения: данный экземпляр хуже пролит, в связи, с чем основные характерные черты выглядят сглаженными, как бы затёртыми. Два клыка слиты в единой плоскости, гораздо менее ярко выражены шея, ухо, глаз и губы, окантовывающие открытый овал пасти. Тыльная часть пасти перекрыта тонким литником, видимо, не зачищенным во время производства изделия. Скорее всего, данный экземпляр отлит в той же форме, что и два предшествующих. С оборотной стороны бляхи — обломанная петля.

Аналогии: те же; подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у

с. Басовка, в бассейне Сулы (Ильинская, 1968, с. 132; табл. XXVIII: 7); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1); курганах № 400, 401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art*, 1986, kat. 63). Весьма сходная бляшка, но левосторонняя, найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47).

Публикуется впервые.

38/334. В виде головы хищника, смотрящей вправо

Первая половина V в. до н. э.

Село Новоклёново, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,5 см;

Ширина петли: 2,2; высота: 1,5 см.

Голова хищника с выпуклым лбом, плавно переходящим в короткий нос, и округлым, ко-

ротким ухом. Глаз — большой, круглый, занимающий большую часть головы. В широко раскрытой пасти, — мощные клыки. Черты животного сближают его с изображениями кошачьих хищников. Особенности этой бляшки, в некоторой степени отличающие её от описанной выше серии подобных находок: плавная линия перехода от покатога лба к носу, ко-сой обрез линии шеи от уха к скуле, с дуговидным выступом внизу, округлая неровно оформленная пасть.

На оборотной стороне бляхи — петля полукруглой формы для крепления на ремешке основе конского оголовья.

Аналогии: те же; подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейне Сулы (Ильинская, 1968, с. 132, табл. XXVIII: 7); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 55, табл. 30: 12) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я пол. V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 21, табл. 13: 1); курганах № 400, 401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (Петренко, 1967, с. 169, табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311, рис. 93: 9, 10). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (Очир-Горяева, 2012, с. 222, илл. 269: 3). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (Scythian art, 1986, kat. 63). Весьма сходная бляшка, но левосторонняя, найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (Строкин, 2010, с. 463, рис. 4: 47).

Публикуется впервые.

39/335. В виде головы хищника, смотрящей вправо

Первая половина V в. до н. э.

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,5; высота: 2,0 см.

Петля обломана; ширина: 1,5 см.

Голова развернута вправо. Нос зверя не очень длинный, что сближает его с изображениями кошачьих хищников. Изделие отличается от аналогов ажурностью, которая передается необычным изображением глаза, кончика носа, пасти и шеи. Ухо в виде кружка с отверстием посередине. Пасть раскрыта, в форме полувала, подчеркнута окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губу. Окантовка верхней части пасти элегантно загибается вверх, образуя кончик носа. В пасти — два клыка, выраженные не очень рельефно. Шея моделирована двумя параллельными складками. Глаз необычной миндалевидной формы выполнен при помощи окантовки и имеет большую величину, по сравнению с аналогами. С оборотной стороны — обломанная петля.

Аналогии: те же; подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, например, в украинской Лесостепи — в кургане № 499 у с. Басовка, в бассейне Сулы (Ильинская, 1968, с. 132; табл. XXVIII: 7); кургане № 491 у с. Броварки, в бассейне Псла, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12) в Днепровском Лесостепном Левобережье; кургане № 491 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1); курганах № 400—401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), в бассейне Тясмина (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 8; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10). Встречаются и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении № 1 кургана у с. Новопривольное (Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3). Известна подобная находка и в Восточном Крыму, на Керченском полуострове — в могиле № 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (Scythian art, 1986, kat. 63).

Публикуется впервые.

40/336. В виде головы хищного зверя (льва?) в фас

Конец V — начало IV вв. до н. э.

Посёлок Шебетовка, Судакский район.

Находка была сделана в том же лесу недалеко от посёлка, где были обнаружены два нащёчника в виде лосиных голов (№ 281, 283 по нумерации Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 2,6; ширина в верхней части: 2,0 см.

Петля обломана; ширина 1,6 см.

Достаточно редкое для изделий скифского звериного стиля изображение головы хищного зверя анфас. Выполнено в низком рельефе, слегка сужается книзу. В верхней части головы

выпуклыми линиями показаны короткие уши и грива животного. От выпуклого круга на лбу до нижней части морды идёт низкорельефная линия, являющаяся центром симметрии композиции и передающая нос животного. От неё симметрично расходятся три пары линий, одна в верхней части морды («брови») и две в нижней части («усы»). В самом низу небольшой дугой передан рот. Круглые глаза животного показаны кружками, окантованными широкими выпуклыми линиями.

В целом изображение очень условно, черты головы хищного животного лишь отдаленно угадываются в нём (лев?), в первую очередь благодаря симметрично расходящимся от линии носа горизонтальным линиям, передающим «брови» и «усы». На оборотной стороне, в центре — обломанная петля для крепления на ремешке.

Аналогии: весьма близкие известны в степной зоне Северного Причерноморья, например, кургане № 4, погребении № 2 у с. Первомаевка на Херсонщине, конец V — начало IV вв. до н. э. (Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16: 2), а также в Лесостепи, например, кургане № 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, V—IV вв. до н. э. (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5). Более отдалённые аналогии — в Нижнем Поволжье, например, в погребении № 1 в Хошеутово (Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255).

По иконографии и стилю данное изображение также очень похоже на изображение головы в фас, помещённом на одном из самых ранних пантикапейских серебряных триоболов, который датируется 500—490 гг. до н. э. (Анохин, 1986, каталог монет; № 4; с. 136).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

41/337. В виде головы хищного зверя (льва?) в фас

Конец V — начало IV вв. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Высота: 2,3; максимальная ширина: 1,9 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,4 см.

Близкое, но не идентичное изображение головы хищного животного в фас, выполненное с ещё большей условностью. Отличия от бляхи из Щебетовки: более округлая форма в целом, отсутствие округлой выпуклости на лбу животного, менее выразительная нижняя часть (от носа к пасти). На оборотной стороне, в центре — петля для крепления на ремешке.

Аналогии: весьма близкие известны в степной зоне Северного Причерноморья, например, кургане № 4, погребении № 2 у с. Первомаевка, конец V — начало IV вв. до н. э. (Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16: 2),

а также в Лесостепи, например, кургане № 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, V—IV вв. до н. э. (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5). Более отдалённые аналогии — в Нижнем Поволжье, например, в погребении 1 в Хошеутово (Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255).

По иконографии и стилю данное изображение также очень похоже на изображение головы в фас, помещённом на одном из самых ранних пантикапейских серебряных триоболов, который датируется 500—490 гг. до н. э. (Анохин, 1986, каталог монет; № 4; с. 136).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

42/338. В виде головы кошачьего хищника в фас

V в. до н. э.

Село Новопокровка, урочище Солёная Балка, Кировский район.

Бронза, литье. Сохранность очень хорошая.

Длина бляхи: 3,5; максимальная ширина: 1,5 см.

Ширина петли: 1,3; высота: 1,0 см.

Бляха продолговатой формы, толстостенная, в сечении дуговидно изогнутая, с изображением головы кошачьего. Листовидные уши прижаты к голове. Большие глаза — выпуклые, овальной формы. Между ними — широкий, плоский нос, расширенный в центре, нижняя часть которого совпадает с широкими щеками. Рот животного не выделен. Лицевая сторона хорошо заполирована. На оборотной стороне — массивная полукруглая петля.

Аналогии: прямые нам не известны. В определённой степени крымской бляхе близко изделие 1-й половины V в. до н. э., найденное близ с. Грищенцы, в бассейне р. Рось, Днепропровское Лесостепное Правобережье (Могилов, 2008, с. 46, 312; рис. 94:

27), а также бляхи, входящие в комплект № 3 настоящей коллекции, найденные у пос. Багерово на Керченском полуострове (№ 237—240 по Каталогу).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

43/339. В виде головы кошачьего хищника в фас

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Длина бляхи: 2,6; ширина: 1,2 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,2 см.

Бляха по форме близка описанной выше. Острые, каплевидные уши хищника — плотно прижаты. По центру — небольшой гребень, переходящий в узкий нос. Глаза — овальной формы, щёки — выпуклые, широкие. На оборотной стороне — петля для крепления на ремненной основе узды.

Аналогии: немногочислены, встречены в лесостепных древностях V в. до н. э., например, у с. Грищенцы в бассейне Роси, на Правобережье (Могилев, 2008, с. 46, 189, 312; рис. 93: 27); кургане № 23 (погребение № 1) могильника Перещепино близ Бельского городища, в бассейне р. Ворскла, на Левобережье (Махортых, 2006, с. 69; рис. 6: 11), а также бляхи, входящие в комплект № 3 настоящей коллекции, найденные у пос. Багерово на Керченском полуострове (№ 237—240 по Каталогу).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

44/340. В виде головы хищника кошачьей породы (льва?) в фас

Вторая половина V в. до н. э.

Село Батальное, Ленинский район, Керченский полуостров.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но обломано правое ухо животного.

Ширина: 1,0; высота: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,0 см.

Весьма стилизованное изображение головы кошачьего хищника в фас (возможно, льва). В плане имеет подпрямоугольную форму. Уши животного переданы правильным овалом с кантом по краю. Глаза не выделены. Центральная часть бляшки — условно крестовидной формы с расширением книзу. Нижняя часть «креста» схематично передаёт сужающийся нос, по бокам к нему примыкают пухлые щёки. Лицевая сторона бляшки хорошо заполирована. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: встречаются крайне редко. Наиболее близкие входят в состав инвентаря погребения в кургане у с. Олефирщина в междуречье Ворсклы и Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (Кулатова, Луговая,

Супруненко, 1993, с. 23; рис. 9: 7, 8). Подобная бляшка найдена и в Ананьинском могильнике в Поволжье (Васильев, 2004, с. 281; рис. 6: 5; с. 294; рис. 22: 6).

Публикуется впервые.

45/341. В виде головы хищника кошачьей породы (льва?) в фас

Вторая половина V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но слегка обломано левое ухо животного.

Ширина: 1,4; высота: 1,9 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,2 см.

Практически аналогичное изображение животного. Отличается лишь более узкой нижней частью «креста», символизирующей нос животного и большими размерами. Несомненно, бляшки отлиты в разных формах.

Аналогии: встречаются крайне редко. Наиболее близкие входят в состав инвентаря погребения в кургане у с. Олефирщина в междуречье Ворсклы и Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23, рис. 9: 7,

8). Подобная бляшка найдена и в Ананьинском могильнике в Поволжье (Васильев, 2004, с. 281, рис. 6: 5; с. 294, рис. 22: 6).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

46/342. В виде головы быка в фас

VII—VI вв. до н. э.

Село Кизиловое, Симферопольский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 1,8; максимальная ширина: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,5 см.

На бляшке представлено несколько условное, лаконичное изображение головы быка в фас. Рога — короткие, вертикальные. Верхняя часть морды животного — довольно широкая, сужающаяся книзу. Глаза переданы непропорционально большими вогнутыми кружками. Нижняя часть морды — также широкая, ноздри подчеркнуты, близкими по размеру и форме кружками. На оборотной стороне бляхи — полукруглая узкая петля для крепления на ремненной основе узды.

Аналогии: единственная известная нам аналогия — случайная находка на Западном укреплении Бельского городища в Днепропетровском Лесостепном Левобережье (Мурзин, Ролле, 1995, с. 52; мал. 1: 2). Изображение голов животных в подобной схеме характерно для эпохи архаики: случайные находки в районе Ржищева (Петренко, 1967; табл. 29: 6, 10); кургане

№ 48 у с. Гуляй-Город, VII в. до н. э. (Ильинская, 1975; табл. IV: 3), в Днепропетровской Правобережной Лесостепи; кургане № 10 у хутора Поповка (VI в. до н. э.) в бассейне р. Сула, в Днепропетровском Лесостепном Левобережье (Ильинская, 1968, табл. LII: 8, 9). В определённой степени близка публикуемой находке по общему силуэту бляха из кургана № 11 у с. Олефирщина (2—3 четверти V в. до н. э.) в бассейне р. Ворскла (Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23; рис. 9: 7, 8).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

47/343. В виде головы быка в профиль

Раннескифское время.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 2,7; максимальная ширина: 3,2 см.

Петля на оборотной стороне обломана; ширина: 1,5 см.

Нетипичная для звериного стиля голова быка выполнена в низком рельефе. Развёрнута в левую сторону. Все её черты переданы минимальным количеством деталей, выполненных с большой степенью условности. На носовой части показаны рот животного (передан короткой углублённой линией) и ноздря (небольшой углублённый кружок). Большой глаз, расположенный в верхней части головы — в виде округлого углубления с окантовкой. В центре углубления — округлая низкорельфная выпуклость — «зрачок». Ухо треугольной формы — в тыльной части головы, и выходит за её контуры. От уха в нижнюю часть головы — дуговидная углублённая линия, условно выделяющая шею. Небольшие рога имеют форму полумесяца. На оборотной стороне — небольшая обломанная петля.

Аналогии: бляшки с изображением головы быка в профиль (в отличие от изображения в фас) практически не известны в кругу находок звериного стиля в культурах скифского времени. Лишь в определённой степени может быть аналогией скульптурная бычья головка меотской культуры, случайно найденная в ауле Тауыхабль, в Адыгее, отнесённая к V—IV вв. до н. э. (Канторович, Эрлих, 2006, с. 144; кат. 136).

Публикуется впервые.

48/344. В виде хищной птицы с приподнятыми крыльями

Конец VI — начало V вв. до н. э.

Село Надежда, Советский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. Есть повреждения.

Высота бляхи: 3,2; максимальная ширина: 3,0 см.

Петля частично обломана; высота: 1,2; ширина: 1,8 см.

Птица изображена с приподнятыми крыльями, маленькой, условно переданной головой, развернутой в профиль, небольшим хвостом. Крылья показаны рельефными ли-

ниями, которые образуют их внешние контуры, и примыкающими к ним изнутри рельефными складками. Рельефные складки передают перья, нарушенные неправильной формы отверстиями — последствиями брака отливки. Голова птицы — в углублении, образованном смыкающимися верхними частями крыльев и непосредственно примыкает к туловищу. Большую её часть занимает выпуклый круглый глаз. Углублённая линия в верхней части головки очень условно передает клюв. Хвост показан четырьмя короткими, симметрично расходящимися отростками. Бляха имеет круглое отверстие в верхней части груди птицы, вероятно, вследствие вторичного её использования после поломки петли на оборотной стороне.

Аналоги: крайне немногочисленны. Сходные изображения происходят из Золотого кургана под Симферополем в

Крыму (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 103, 109) и кургана «Г» у с. Журовка в бассейне Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 14). Оба отличаются хорошо выделенной головой с клювом. Относятся к концу VI — началу V вв. до н. э.

Публикуется впервые.

49/345. В виде хищной птицы, клюющей рыбу (сцена терзания)

Конец VI—V вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но изображение частично повреждено.

Сохранившаяся длина: 3,2; сохранившаяся высота: 2,7 см.

Петля на оборотной стороне обломана.

Туловище птицы сохранилось не полностью: частично обломано крыло и целиком — хвост. Фигурка рыбы — целая. Птица, сидя на горизонтально лежащей рыбе, клюёт её голову. Изображение хотя и стилизовано, имеет черты динамизма. В центре головы птицы — большой выпуклый глаз, клюв — острый. Оперенье показано врезными горизонтальными линиями. У рыбы — довольно реалистично представлены голова, рот, выделены плавники и расходящийся в обе стороны хвост.

Аналоги: известны на обширной территории. Сюжет этот — популярен в искусстве скифского звериного стиля. Между тем, в качестве бронзовых деталей конской упряжи такие бляшки в памятниках скифского времени Степи и Лесостепи Северного Причерноморья пока не встречались. В этом качестве они отмечены в Центральной и Восточной Предкавказье, на Северном Кавказе — например, в Луговом могильнике, VI—V вв. до н. э. (Вольная, 2002, с. 76, 157;

рис. 11: 5, 6); кургане Веселая горка близ хутора Шунтук поблизости Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (Канторович, Эрлих, 2006, с. 126, 127, 197; кат. 85); в Нижнем Поволжье — например, в кургане № 5 (погребение № 16) могильника Кривая Лука-III, конец VI — 1-я половина V вв. до н. э. (Очир-Горяева, 2012, с. 220; илл. 267). Аналогичная бронзовая бляха известна в собрании Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (Leskov, 2008, p. 28; cat. 24). В целом, этот сюжет известен, например, на золотых аппликациях деревянных чаш и бляшках на Северном Кавказе (Leskov, 2008, p. 117—118; cat. 149), в Степном Северном Причерноморье, например, в кургане I Завадская Могила (Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44).

Публикуется впервые.

50/346. В виде головы хищной птицы с зооморфными превращениями

V в. до н. э.

Село Головановка, Белогорский район, начало Караби-Яйла.

Бронза, литьё. Сохранность металла — средняя.

Длина: 4,6; высота: 2,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,6; ширина: 1,0 см.

Изображение выполнено в низком рельефе. Его можно разделить на три условные части: а) массивный гипертрофированный «волютообразный» клюв, б) круглый глаз, в) дополнительная маленькая головка, расположенная под глазом. Клюв состоит из двух завитков: более широкого, верхнего, и примыкающего к нему узкого, нижнего. Завитки сходятся в остром окончании клюва. Широкий верхний завиток переходит в носовую роговицу, образованную четырьмя параллельными линиями. В свою очередь, носовая роговица переходит в округлую плоскость, на которой расположен круглый выпуклый глаз. Нижний завиток переходит в основание маленькой головки. Головка перевернута по отношению к основному изображению. Её клюв образован двумя сходящимися завитками и также имеет волутообразный характер, стилистически дублируя клюв основной головы. Верхний завиток маленькой головки упирается в округлый глаз. В целом, изображение — лаконично, без дополнительных

элементов декорирования. На оборотной стороне — маленькая полукруглая петля.

Аналогии: точные подобрать не удалось. В целом же по иконографии бляха хорошо вписывается в довольно многочисленную серию голов хищной птицы V в. до н. э. Наиболее близкие аналогии в Северном Причерноморье — в кургане Кара-Меркит (Ак-Мечеть) в Крыму (Канторович, 1997, с. 99; рис. 2: 4); I Завадской Могиле в Нижнем Поднепровье (Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44: 2; с. 109; рис. 47: 2); курганах № 2 у с. Яблоновка и № 4 у с. Берестяги в бассейне Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 141; табл. 16: 4, 5). В определённой степени подобны и бляшки из погребения № 1 в Хошеутово, Нижнее Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 205; илл. 217: 27, 28).

Публикуется впервые.

51/347. В виде головы хищной птицы с зооморфными превращениями (фрагмент)

V в. до н. э.

Село Курское, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла — хорошая, но большая часть бляхи — обломана.

Высота бляхи: 2,5; сохранившаяся ширина: 3,3 см.

Петля на оборотной стороне обломана; ширина: 1,0 см.

Фрагмент бляхи, подобной экземпляру № 346, в виде правой половины верхней, большей птичьей головки, а также дополнительной нижней головки. От верхней головки сохранился гипертрофированно большой круглый выпуклый глаз, окантованный рельефным кругом, а также часть роговицы в виде четырёх рельефных линий. Нижняя головка выполнена довольно реалистично. В её центре — круглый выпуклый глаз, окантованный рельефным кругом. Клюв — резко загнутый, с хорошо выделенной роговицей.

Бляха использовалась вторично, о чём свидетельствуют следы полировки линий облома. В этом случае нижняя головка занимала верхнее положение, а глаз большей головки воспринимался как редуцированное туловище.

Аналогии: точные подобрать не удалось. В целом же по иконографии бляха хорошо вписывается в довольно многочисленную серию голов хищной птицы V в. до н. э. Наиболее близкие аналогии в Северном Причерноморье — в кургане Кара-Меркит (Ак-Мечеть) в Крыму (Канторович, 1997, с. 99; рис. 2: 4); I Завадской Могиле в Нижнем Поднепровье (Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44: 2; с. 109; рис. 47: 2); курганах № 2 у с. Яблоновка и № 4 у с. Берестяги в бассейне Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (Петренко, 1967, с. 141; табл. 16: 4, 5). В определённой степени подобны и бляшки из погребения № 1 в Хошеутово, Нижнее Поволжье (Очир-Горяева, 2012, с. 205; илл. 217: 27, 28).

Публикуется впервые.

52/348—57/353. Серия блях в виде орлиной головы

52/348. В виде орлиной головы с гипертрофированно большим глазом, развёрнутой вправо

V в. до н. э.

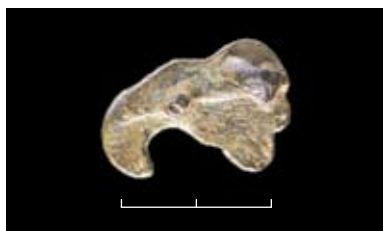
Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 1,7; ширина: 2,5 см.

Петля обломана; ширина: 1,5 см.

Голова образована гипертрофированно большим глазом, округлым щёчным выступом, роговицей носа и полукруглым клювом. Глаз передан плоским рельефным кружком, окружённым толстой окантовкой. Симметрично ему, в нижней части головки находится округлый щёчный выступ, уравнивающий как большой глаз, так и загнутый клюв. Между глазом и щёчным выступом выделяется маленькое овальное углубление, передающее ухо. От глаза отходит роговица носа, показанная несколькими слабо выраженными рядами параллельных горизонтальных рубчиков. Она переходит в клюв, в виде полукруглого завитка, сужающегося к окончанию. Небольшое каплевидное углубление условно делит клюв на верх-

нюю и нижнюю части. На оборотной стороне бляхи — полукруглая обломанная петля.

Аналогии: находка относится к весьма популярной серии блях в виде головы хищной птицы, широко встречаемой в памятниках скифского времени Евразии в конце VI — середине IV вв. до н. э. Абсолютно аналогичные бляхи известны в Степном Северном Причерноморье — курган № 6 (погребение № 1), группы II у с. Ковалёвка на Южном Буге (Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 136; рис. 1: 38); в Лесостепной области Поднепровья — курган № 499 у с. Басовка (Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 10); кургане № 502 у с. Броварки (Галанина, 1977, с. 50; табл. 28: 3); кургане № 425 у с. Кулешовка (Галанина, 1977, с. 35, 37; табл. 17: 5) на Левобережье; у с. Пастырское на Правобережье (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 22) и ряде иных памятников, относящихся к V в. до н. э.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

53/349. В виде орлиной головы с гипертрофированно большим глазом, развёрнутой вправо

V в. до н. э.

Село Яркое Поле, Кировский район.

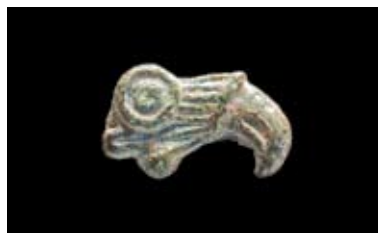
Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 1,3; максимальная ширина: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,9; ширина: 1,6 см.

Бляха с изображением, чрезвычайно близким вышеописанной бляхе под № 348, имеющая меньшие размеры. Более чётко выглядит роговица птичьего носа, переданная пятью хорошо выделенными параллельными горизонтальными рубчиками. На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля.

Аналогии: те же, что и для предыдущего экземпляра. Найдка относится к весьма популярной серии блях в виде

головы хищной птицы, широко встречаемой в памятниках скифского времени Евразии в конце VI — середине IV вв. до н. э. Абсолютно аналогичные бляхи известны в Степном Северном Причерноморье — курган № 6 (погребение № 1), группы II у с. Ковалёвка на Южном Буге (Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 136; рис. 1: 38); в Лесостепной области Поднепровья — курган № 499 у с. Басовка (Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 10); кургане № 502 у с. Броварки (Галанина, 1977, с. 50; табл. 28: 3); кургане № 425 у с. Кулешовка (Галанина, 1977, с. 35, 37; табл. 17: 5) на Левобережье; у с. Пастырское на Правобережье (Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 22) и ряде иных памятников, относящихся к V в. до н. э.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

54/350. В виде орлиной головы с массивным клювом, развёрнутой вправо

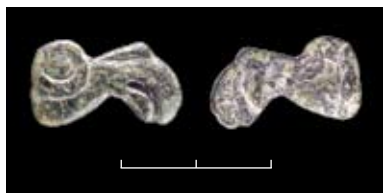
V в. до н. э.

Кировский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 1,0; ширина: 2,0 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,4 см.

Композиционно изображение делится на две части: основную, в ней расположен глаз вместе с носовой роговицей, и массивный клюв. Основная часть образована плоскостью, плавно переходящей в слегка выпуклый клюв. В верхней части плоскости находится глаз в виде выпуклого кружка, окантованного рельефной окружностью. От глаза, на уровне оси его симметрии, идет прямая рельефная линия, передающая носовую роговицу. Клюв — загнутый, непропорционально массивный по сравнению с основной частью головы. Его окончание — достаточно плавное, не образующее заметного сужения, как на большинстве орлиноголовых бляшек. Клюв разделён углубленной линией на верхнюю и нижнюю части. По отношению к основной части головы клюв отходит под углом, близким к прямому, что также является специфической особенностью данного изображения. Эта бляшка, в отличие от иных описанных экземпляров, имеет меньшие размеры. На её оборотной стороне — обломанная петля.

Аналоги: точные подобрать не удалось. В определённой степени этому изображению близки правосторонняя бляха, случайно найденная на селище Лисовой Кут, в пределах Большого укрепления Бельского городища, в украинской Левобережной Лесостепи (*Скорый, 2008, с. 175; рис. 16: 10*) и в погребении № 1 в Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 207; илл. 223: 39*). Обе находки относятся к V в. до н. э.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

55/351. В виде орлиной головы с гипертрофированно большим глазом, развёрнутой влево

V в. до н. э.

Кировский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 1,6; ширина: 2,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,8 см.

Головка выполнена очень условно, в низком рельефе. Её основной элемент — массивный полукруглый клюв, переходящий в роговицу носа, затем в щеку. Благодаря низкому рельефу, все переходы — плавные. Место соединения клюва и роговицы носа практически незаметно (лишь слегка выделяется горбик в верхней части соединения). Небольшое каплевидное углубление условно делит клюв на верхнюю и нижнюю части. Глаз передан плоским рельефным кружком, окружённым широкой окантовкой. Симметрично ему, в нижней части головки, расположен небольшой округлый щёчный выступ, который немного уравновешивает всю композицию. Ухо не выделено. На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля.

Аналоги: хотя направление головы птицы на этой бляхе — в иную сторону, но в целом с ней вполне сопоставимы аналогии, приводимые для выше описанных блях под № 348—350. Что же касается левосторонних блях, то с крымской находкой можно соотнести бляху из кургана № 1 (1897—1898 гг.)

у с. Волковцы, в бассейне р. Сула (*Могилев, 2008, с. 189, 317; рис. 98: 1а, б*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

56/352. В виде орлиной головы с гипертрофированно большим глазом, развёрнутой влево

V в. до н. э.

Село Кринички, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота бляхи: 1,5; ширина: 2,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,9 см.

Близкая по изображению бляха, но отличающаяся по некоторым деталям от предшествующей, также левосторонней бляхи (№ 351). Бросается в глаза более загнутый клюв, хорошо выделенная рельефным кантом роговица носа, расположенное ниже глаза маленькое округлое ухо. На оборотной стороне бляхи — петля в виде полуовала.

Аналоги: хотя направление головы птицы на этой бляхе — в иную сторону, но в целом с ней вполне сопоставимы аналогии, приводимые для выше описанных блях под № 338—341. Что же касается левосторонних блях, то с крымской находкой можно соотнести бляху из кургана № 1 (1897—1898 гг.) у с. Волковцы, в бассейне р. Сула (*Могилев, 2008, с. 189, 317; рис. 98: 1а, б*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

57/353. В виде орлиной головы, развёрнутой влево, с гипертрофированно массивными глазом и клювом

V в. до н. э.

Кировский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота бляхи: 1,2; ширина: 2,5 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,5 см.

Изображение головы необычно по композиции и стилистике. Отсутствуют роги носа, окантовка глаза широкой рельефной линией и щёчный выступ — атрибуты большинства классических изображений голов хищных птиц. Основная часть головы имеет форму, близкую к квадрату. Почти вся она занята непропорционально большим круглым глазом, выполненным в высоком рельефе. Верхнюю часть головы украшают шесть вертикальных рубчиков, передающих гребень. К основной части головы примыкает массивный клюв, показанный полукруглым завитком, немного сужающимся и закругляющимся к окончанию. В верхней части клюва — небольшой горбик, символизирующий рогову носу. Во внутренней части завитка рельефная линия образует замкнутый овал, мо-

делирующий открытый клюв (сквозное отверстие отсутствует). Тыльная часть овала практически примыкает к глазу.

Несмотря на маленькие размеры и лаконизм основных элементов, голова выразительно передает агрессию. Этот эффект достигается благодаря изображению открытого клюва, гипертрофированного глаза и гребня в виде вертикальных рубчиков. На оборотной стороне бляхи — обломанная петля в виде полуовала.

Аналоги: не известны. Вместе с тем, массивным широким клювом, наличием овала в его нижней части, крымская находка сближается с бляхой в виде головы хищной птицы из кургана у с. Макеевка (1947 г.) в бассейне р. Тясмин, в Днепровском Лесостепном Правобережье, относящегося к V в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 317; рис. 98: 27).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

58/354. В виде головы грифона, смотрящей вправо

V в. до н. э.

Село Александровка, Белогорский район.

Обнаружена недалеко от места находки бутероли от меча и бронзовой матрицы (№ 33, 403 по нумерации Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота бляхи: 2,9; ширина: 4,1 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,0 см.

У грифона — гипертрофированно большой глаз, имеющий форму округлой выпуклости, лежащей в углублении, с маленькой, вытянутой сверху вниз слезницей. Слева к нему примыкает ухо, переданное четырьмя рельефными линиями. Роговица носа показана плоскостью, постепенно сужающейся от верхней к нижней части, подчеркнутой сверху и с двух

боковых сторон рельефной окантовкой. Клюв — плавно загнутый, разделённый рельефной складкой с символическим изображением в нижней части линзовидной выпуклости языка. Шея грифона подчеркнута рельефной окантовкой, образующей прямой угол. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналоги: прямые не известны. Но по геометрической строгости исполнения этой бляхе близки грифоны-нащёчники из кургана № 3 (1-я половина V в. до н. э.) Стеблёвского могильника в бассейне р. Рось в Днепровском Лесостепном Правобережье (Скорый, 1997, с. 56, 126; рис. 22: 8, 9). Отдельными же элементами (расположение и форма глаза, восковица) сходна с ней бляха из разрушенного погребения в кургане у Новопривольного (V в. до н. э.) в Нижнем Поволжье (Очир-Горьева, 2012, с. 222; илл. 269: 3).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

59/355. В виде головы грифона с гребнем, смотрящей вправо, с зооморфными превращениями

Начало V в. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота бляхи: 3,0; ширина: 3,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,5 см.

Изображение представляет собой композицию двух голов хищной птицы: основной, большой, верхней, и дополнительной, малой, нижней, прикреплённой к основной головке в её нижней части. Выполнено в высоком рельефе.

У основной, верхней головы отчётливо выделен длинный, загнутый в окончании открытый клюв с языком в виде рельефной линии, большой круглый, выпуклый глаз с рельефной окантовкой, коронобразный гребень с тремя отростками и тыльное основание, оформленное в виде короткого заострённого уха. От нижней

части окантовки глаза спускается рельефная складка, подчёркивающая нижнюю часть клюва и, одновременно, служащая креплением для нижней, дополнительной головы. Композиция её достаточно проста. Голова состоит из круглого выпуклого глаза, лежащего в углублении и подчеркнутого рельефной окантовкой, роговицы носа, показанной треугольной плоскостью и круглого завитка, передающего клюв. Завиток упирается в ухо первой головки, в его центре — округлое отверстие.

Моделировка открытого клюва с высунутым языком, характер исполнения нижней головки, наличие коронобразного гребня придают изображению дополнительную ажурность. На оборотной стороне — прямоугольная петля.

Аналогии: единственная и достаточно близкая по композиции — бляха из грунтового погребения № 7 (начало V в. до н. э.) могильника у с. Грищенцы, в бассейне Роси (Петренко, 1967, с. 92, 169; табл. 31: 10). Различия между двумя бляхами касаются деталей.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

60/356. В виде головы существа с чертами кошачьего хищника и хищной птицы (пантерогрифон)

V в. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район, находка на берегу озера.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. Обломана петля для крепления.

Высота бляхи: 1,6; ширина: 3,2 см.

Петля обломана; ширина петли: 1,4 см.

Голова имеет вытянутые подпрямоугольные очертания, сближающие её с формой голо-

вы кошачьего хищника (пантеры). Глаз — непропорционально большой в виде выпуклой округлости, ограниченной рельефным кантом. За ним расположено ухо кольцевидной, слегка вытянутой вверх формы. Нос кошачьего — вытянутый, прямой, одновременно выполняющий роль длинной роговицы. От окончания роговицы-носа отходит короткий полукруглый клюв. Рот моделирован овальным кантом с отверстием. Внутри просматривается зуб. Щека показана овальной выпуклостью. Изображение выполнено в высоком рельефе и отличается выразительностью. По иконографической схеме сближается с изображением на S-видном псалии (№ 243 настоящего Каталога). На оборотной стороне бляхи — обломанная петля.

Аналогии: подобные бляшки в древностях скифского времени встречаются крайне редко. Наиболее близкими крымской находке являются две бляшки, найденные в погребении № 1 кургана № 3 (V в. до н. э.) у с. Макеевка, в бассейне р. Тясмин; раскопки Е.Ф. Покровской, 1947 г. (Могилов, 2008, с. 317; рис. 98: 27, 28).

Публикуется впервые.

61/357. В виде фантастического животного, травоядного и сильно стилизованной головы лося

Скифское время.

Район села Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,0; высота от верхней части уха: 2,5 см.

Высота петли: 0,7; ширина: 1,6 см.

Необычное, как по общей иконографии, так и по трактовке отдельных деталей изображение. Фигура животного вписана в прямоугольное пространство, большую часть которого занимает гипертрофированные шея и голова. Массивная подтреугольная шея, украшенная пятью рельефными рубчиками (грива), является основой композиции. Она непосредственно переходит в каплевидную, слегка вытянутую к окончанию голову. В центре головы расположен большой глаз, переданный круглой вдавленной окантовкой. Короткая вдавленная линией на окончании головы показан рот. В верхней части головы, перпен-

дикулярно гриве, расположено ромбовидное, вытянутое вверх ухо. Задняя часть фигуры передана тремя продолговатыми уплощёнными складками, спускающимися сверху вниз и, вероятно, являющимися символическими изображениями широкого хвоста. Его складки начинаются прямо от гривы и сгибаются под тупым углом в середине.

Между головой и хвостом расположены непропорционально маленькие передние и задние ноги животного, более подобные конечностям кошачьего хищника. Вместе с тем, общий силуэт изображения, похоже, напоминает лосиную голову, с загнутым под тупым углом носом. На оборотной стороне бляхи — фрагмент удаленного литника. Петля — полуовальная.

Аналогии: отыскать что-либо подобное среди многообразия известных изображений, выполненных в зверином стиле, не удалось.

Публикуется впервые.

62/358. В виде сложного зооморфного образа

Скифское время.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 3,0; ширина: 2,0 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,0 см.

Синкретический зооморфный образ, сочетающий черты некоего животного и головы хищной птицы. В вертикальном положении на бляхе хорошо просматривается голова животного с полуовальным ухом, большим круглым выпуклым глазом. Нос — тупой, сомкнутая челюсть выступает вперед. В горизонтальном же положении бляха имеет вид стилизованной головы хищной птицы с гипертрофированно большим клю-

вом, оформленным в виде спирали, тем же самым выпуклым глазом. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: отыскать не удалось.

Публикуется впервые.

63/359. В виде зооморфного образа

Скифское время.

В районе горы Пилотка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 3,0; ширина: 2,2 см.

Высота петли: 0,6; ширина: 1,2 см.

Весьма сходный с предыдущим синкретический зооморфный образ, сочетающий черты некоего животного и головы хищной птицы. В вертикальном положении на бляхе хорошо просматривается голова животного с полуовальным ухом, большим круглым выпуклым глазом. Нос — тупой, сомкнутая челюсть выступает вперед. В горизонтальном же положении бляха имеет вид стилизованной головы хищной птицы с гипертрофированно большим клювом, оформленным в виде спирали, тем же самым выпуклым глазом. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: отыскать не удалось.

Публикуется впервые.

64/360. В виде «петушка»

IV в. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,6; высота: 3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,4 см.

Изображение фантастического животного, не получившее по сей день удовлетворительной интерпретации. Более-менее очевидной идентификации поддается сочетание вытянутого глаза животного и условного клюва, переданного круглым завитком с отверстием посередине. Вероятно, эти «птичьи» черты дали повод отдельным исследователям называть этот образ «петушком». На оборотной стороне бляхи — полуовальная петля.

Аналогии: прямая — в разрушенном погребении у с. Руйно (община Дулово, Силистринская обл.) в Болгарии (*Топал. Археология.ру*). Сходные, но не идентичные нащёпки довольно широко представлены в древностях скифской культуры 2-й половины IV в. до н. э. В Степи Северного Причерноморья: во II Мордвиновском кургане (*Лесков, 1974, с. 53, 54; рис. 44*); Гаймановой Могиле (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 74; рис. 84: 15, 16*); Чертомлыке (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 83; рис. 54: 7; с. 154; кат. 20*); Краснокутском кургане (*Мелюкова, 1981, с. 59; рис. 17; 1, 2*); Бабиной Могиле (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 4*). В Лесостепи Восточной Европы: кургане № 2 у с. Пастырское, урочище Галуцино, в бассейне Тясмина; кургане № 4 у с. Новосёлки, в Среднем Поднестровье; кургане № 1 у с. Волковцы, в бассейне Сулы; кургане № 7 Песочинского могильника, на Северском Донце (*Могилев, 2008, с. 191, 325; рис. 106: 1—20*).

В Крыму такие находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

65/361. В виде кисти человека

V в. до н. э.

Вблизи города Керчь, Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. С одной стороны нарушен край бляхи.

Сохранившаяся высота: 4,0; ширина: 1,9 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,2 см.

Классическое для скифской торевтики V в. до н. э. изображение кисти человеческой руки. Вместе с тем, оно — очень условно. Пальцы правой кисти переданы пятью складками, фаланги и выпуклости на стибях и окончаниях не выделены. Большой палец непропорционально удлинен, в то время как остальные — средней длины. Это нарушает целостную пропорцию кисти. Также, в отличие от ряда подобных блях, на изображении представлена правая кисть. На оборотной стороне — петля прямоугольной формы.

Аналогии: довольно многочисленные. Из наиболее близких можно упомянуть: в степной зоне Северного Причерноморья — в кургане № 3 (погребение № 1), группы I у с. Шевченко (*Зарайская, Привалов, 1992, с. 121; рис. 2: 30, 31*); кургане № 7 (погребение № 1) у с. Новое Запорожье (*Плешивенко, 1977, с. 147; рис. 3: 5*), относящихся к V в. до н. э. Указанные аналогии отличаются большим реализмом, в частности более детальным изображением большого пальца кисти.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

66/362. В виде морфинга кисти руки — переходный тип между кистью человека и лапой хищного зверя

V в. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 3,7; ширина: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,6; ширина: 1,4 см.

По внешнему виду бляха вполне подобна классическим изображениям кисти руки, характерным для скифской торевтики V в. до н. э. Однако, оно содержит в себе черты, которые не позволяют однозначно идентифицировать его как кисть человеческой руки. Условные пальцы переданы пятью длинными рельефными складками с заостренными окончаниями, которые напоминают когти. Отсутствует выделенный большой палец. Вместе с тем, кисть заужена, что сближает данное изображение с кистью человеческой руки. Это — нечто среднее между человеческой кистью и лапой хищного животного, застывшее превращение человеческой кисти в хищную лапу. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналоги: многочисленные, но наиболее подобные бляхи представлены в памятниках среднескифского времени украинской Лесостепи (Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 1—7, 10—12).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

67/363. В виде морфинга кисти руки — переходный тип между кистью человека и лапой хищного зверя

V в. до н. э.

Вблизи города Керчь, Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 4,0; ширина: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,5 см.

По внешнему виду бляха вполне подобна классическим изображениям кисти руки, характерным для скифской торевтики V в. до н. э. Однако, оно содержит в себе черты, которые не позволяют однозначно идентифицировать его как кисть человеческой руки. Условные пальцы переданы пятью длинными рельефными складками с заостренными окончаниями, которые напоминают когти. Отсутствует выделенный большой палец. В отличие от предыдущего экземпляра, кисть не заужена. Это — нечто среднее между человеческой кистью и лапой хищного животного, застывшее превращение человеческой кисти в хищную лапу. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналоги: многочисленные, но наиболее хорошо подобные

бляхи представлены в памятниках среднескифского времени украинской Лесостепи (Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 1—7, 10—12).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

68/364. В виде морфинга кисти руки — переходный тип между кистью человека и лапой хищного зверя

V в. до н. э.

Вблизи города Керчь, Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. С одной стороны нарушен край бляхи.

Высота: 3,3; ширина: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,3 см.

По внешнему виду бляха вполне подобна классическим изображениям кисти руки, характерным для скифской торевтики V в. до н. э. Однако, оно содержит в себе черты, которые не позволяют однозначно идентифицировать его как кисть человеческой руки. Условные пальцы переданы пятью длинными рельефными складками с заостренными окончаниями, которые напоминают когти. Отсутствует выделенный большой палец. В отличие от экземпляра № 362, кисть не заужена. Это — нечто среднее между человеческой кистью и лапой хищного животного, застывшее

превращение человеческой кисти в хищную лапу. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: прямые — пока не известны, но по общей схеме она принадлежит к известному кругу блях, оформленных в виде человеческой кисти — лапы хищного животного, детали убранства конской узды V в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 51, 52, 322; рис. 103: 1–12; Бабенко, 2008, с. 30).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались. Публикуется впервые.

69/365. В виде стилизованной лапы хищного зверя

V в. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. С одной стороны нарушен край бляхи.

Высота: 3,2; ширина: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,5 см.

Стилизованное изображение лапы хищного зверя. Условные пальцы переданы пятью длинными рельефными складками с заострёнными окончаниями, которые напоминают когти. В отличие от предшествующих экземпляров, верхняя часть бляхи сужается, а нижняя — закругляется. Черты антропоморфности уже отсутствуют. На оборотной стороне — прямоугольная петля,

расположенная вертикально, вдоль изображения.

Аналогии: прямые — пока не известны, но по общей схеме она принадлежит к известному кругу блях, оформленных в виде человеческой кисти — лапы хищного животного, детали убранства конской узды V в. до н. э. (Могилев, 2008, с. 51, 52, 322; рис. 103: 1–12; Бабенко, 2008, с. 30).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

70/366. В виде когтистой лапы фантастического зверя

V в. до н. э.

У села Александровка, Белогорский район. Начало горного массива Караби-Яйла.

По словам находчика, в лесистых северных предгорьях Караби-Яйла встречается много предметов звериного стиля.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 4,8; ширина: 3,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,2; ширина: 2,2 см.

Изображение представляет собой четыре длинные фаланги, которые лучевидно расходятся из общей основы и преобразуются в четыре длинных когтя. Ближе к основе, фаланги обозначены выпуклыми длинными складками, разделенными углубленными линиями. В центральной части композиции в углублённые линии, проходящие между фалангами, помещены три продолговатых складки — перепонки. За перепонками фаланги преобразуются в четыре длинных когтя. На боковых сторонах центральных, самых больших когтей находятся по две засечки, которые делят каждый коготь на три части. Следы членения на три части наблюдаются и на крайних, малых когтях.

Изображение сочетает в себе черты условности и реализма. Сама композиция имеет гео-

метрический характер, в то же время, заслуживает внимания реалистичность передачи когтей и гармоничность пропорций различных частей изображения.

Находка когтистой лапы из Александровки позволяет сделать предположение о существовании отдельной группы изображений лап хищных фантастических животных. На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля.

Аналогии: точные отсутствуют. В определённой степени к данным нащечникам близки экземпляры, найденные в украинской Лесостепи — курганах № 398 у с. Журовка (Петренко, 1967, с. 167; табл. 30: 10); Прусы (Могилев, 2008, с. 322; рис. 103: 9), относящихся к среднескифскому времени. Главное отличие

крымской находки — разведённые, острые когти лапы.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

**71/367—76/372. Серия блях
в виде стилизованной лапы
хищника**

**Конец V — начало IV вв.
до н. э.**

71/367. Село Кринички, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 4,3; максимальная ширина: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,0 см.

Рельефное стилизованное изображение лапы хищника. Одна из сторон бляхи — округлая, иная — вытянутой прямоугольной формы с выделенными рельефными одинаковой длины фалангами с горизонтальными насечками, оканчивающимися когтями. На оборотной стороне — округлая петля. По классификации А.Р. Канторовича, бляхи относятся к нащёчникам типа «Ак-Бурун—Корнеевка» (Канторович, 2012, с. 39—42; рис. 10).

Аналогии: ближайшая — каталог «Ancient touch», № 971 (по www.ancienttouch.com (Канторович, 2012, с. 40; рис. 10: 5). По отдельным чертам этому изображению близок целый ряд блях в виде кисти-лапы из па-

мятников как Степной Скифии (Манцевич, 1987, с. 44; кат. 27; Ковалёв, Полин, 1991, с. 46; рис. 8: 7, 8), так и древностей украинской Лесостепи V — рубежа V—IV вв. до н. э. (Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 13—16).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

72/368, 73/369. Село Русское, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 4,0; максимальная ширина: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,0 см.

Аналогии предыдущему экземпляру, чрезвычайно близкие между собой. От предшествующей бляхи отличаются большей степенью условности и меньшей проработкой деталей. По классификации

А.Р. Канторовича, бляхи относятся к нащёчникам типа «Ак-Бурун—Корнеевка» (Канторович, 2012, с. 39—42; рис. 10).

Публикуется впервые.

74/370, 75/371. Село Кринички, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 4,1—4,3; максимальная ширина: 1,4 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,1 см.

Аналогии предыдущим экземплярам, близкие между собой. На оборотной стороне — петля прямоугольной формы.

Публикуется впервые.

76/372. Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 3,7; максимальная ширина: 1,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,1 см.

В отличие от предшествующих экземпляров, данное изображение имеет очень короткие фаланги. Непропорциональность изображения и сильно смещённая в сторону петля на оборотной стороне позволяют видеть в изделии производственный брак. По классификации А.Р. Канторовича, бляха относится к нащёчникам типа «Ак-Бурун—Корнеевка» (Канторович, 2012, с. 39—42; рис. 10).

Аналогии: ближайшая: Хитцы (Канторович, 2012, с. 40; рис. 10: 5). По ряду деталей этому изображению близок целый ряд блях в виде кисти-лапы из памятников как Степной Скифии (Манцевич, 1987, с. 44; кат. 27; Ковалёв, Полин, 1991, с. 46; рис. 8: 7, 8), так и древностей украинской Лесостепи V — рубежа V—IV вв. до н. э. (Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 13—16).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

77/373—83/379. Серия блях в виде стилизованной лапы хищника, украшенной по краю рубчиками

IV в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Село Южное, Большая Феодосия.

Село Некрасово, Белогорский район.

Село Южное, Большая Феодосия.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 4,0; ширина: 1,5—1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,8 см.

Размеры бракованной бляхи.

Высота: 3,2; ширина: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,7 см.

Рельефное стилизованное изображение лапы хищника. Одна из сторон бляхи — полукруглая, украшенная по краю небольшими рубчиками, другая — прямоугольной формы с одинаковой длины сжатыми когтями. На оборотной стороне округлой части, во всю ширину — полуовальная петля для крепления на кожаной основе узды. Одна из бляшек — небольших размеров, со скошенной нижней частью, непропорционально большой петлей, выходящей за пределы изображения, является производственным браком.

Близки к изображениям, составляющим по классификации А.Р. Канторовича тип «Ак-Бурун—Корнеевка» (Канторович, 2012, с. 39—42; рис. 10). Однако прямых аналогов среди них не имеют.

Аналогии: ближайшая в Бердянском кургане, погребение жрицы (Канторович, 2012, с. 40; рис. 10: 5). Близкие аналогии составляют бляхи, найденные в Лесостепи и на Среднем Дону: Журовка, курган 414, Пастырское, урочище Галушино, курган 2 (Канторович, 2012, с. 40; рис. 10: 5), Колбино, курган 3 (IV в. до н.э.) (Савченко, 2009, с. 317; рис. 13: 8).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуются впервые.

84/380—92/388. Серия блях в виде сильно стилизованной конечности хищника

IV в. до н.э.

84/380—88/384. Юго-Восточный Крым. Точные места находок не известны.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 3,8—4,0; ширина: 2,2—2,4 см.

Высота петель: 0,7; ширина: 1,5 см.

Представлено округлое бедро животного, переданное завитком, состоящим из рельефной складки, закручивающейся в двойную спираль. Внешняя часть спирального завитка окантована округлыми рубчиками. Как бы раскручиваясь, двойная спираль переходит в сильно стилизованное

изображение ноги, оканчивающейся тремя выступами. На оборотной стороне блях — полукруглая петля. По классификации А.Р. Канторовича, бляхи относятся к нащёчникам типа «Солоха—Чертомлык» (Канторович, 2012, с. 43—47; рис. 12).

Публикуются впервые.

89/385, 90/386. Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 4,0; ширина: 2,0—2,1 см.

Высота петель: 0,7; ширина: 1,5 см.

Публикуются впервые.

91/387, 92/388. Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 3,5; ширина: 2,0 см.

Высота петель: 0,7; ширина: 1,7 см.

Скорее всего, обе бляхи отлиты в одной форме.

Аналоги: весьма широко представлены в конском уборе скифского времени на ряде территорий Юга Восточной Европы. В Крыму — найдены в основной гробнице (1-я половина IV в. до н. э.) кургана Беш-Оба IV/2, в группе курганов на Ак-Кае, в Белогорском районе (Колтухов, 2007; рис. 6: 5; 7: 2), в ряде скифских элитных курганов

Северопричерноморской Степи, например, — Солохе (Манцевич, 1987, с. 108; кат. 91; с. 111; кат. 109), Чертомлыке (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 87; рис. 59; с. 163; кат. 47), Бабиной Могиле (Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53), особенно — Гаймановой Могиле (Бидзиля, Полин, 2012; рис. 78: 9, 10; 322; 329), в украинской Лесостепи, например, курганах у с. Ризино, Кошеватое, кургане № 3 у с. Старый Мерчик

(Могилев, 2008, с. 324; рис. 105: 13, 14, 16, 17), на Среднем Дону — в кургане № 2 в Дубовом (Савченко, 2009, с. 317; рис. 13: 5, 6).

Публикуются впервые.

93/389. В виде зооморфной бляхи с элементами птичьих когтей

V—IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Сохранившиеся размеры: высота: 3,5; ширина: 3,0 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,5 см.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но с одной из сторон — облом.

Ажурная бляха с элементами сильно стилизованных когтей (?) хищной птицы. Верхняя часть оформлена в виде трёх выступающих полукругов с круглыми отверстиями внутри. Ниже, начиная от центра — два разноразмерные отверстия, дуговидной

и вытянуто-овальной формы. В нижней части бляшки расположены два ажурных стилизованных когтя. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля для крепления на ремешке основы оголовья.

Аналогии: прямые — не известны. Сходные зооморфные трансформации свойственны меотской культуре V—IV вв. до н. э. и встречаются в оформлении псалиев, наносников и различных блях конской упряжи, найденных на Кубани (*Шедверы ...*, 1987, с. 86, 95; кат. 22) и в Адыгее (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 137; кат. 109; Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 116; рис. 16: 2, 3, 6*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

94/390. В виде сильно стилизованной головы животного в фас

V—IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 3,2; ширина: 2,8 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,1 см.

Сильно схематизированная голова животного выполнена в традициях зооморфных превращений. Сверху, в самой широкой её части, четырьмя кружками, расположенными на одной линии, выделены рога животного. Под ними — ещё три отверстия, придающие, вместе с верхней группой, ажурность бляхе. Ниже, примерно на одной линии, круглыми отверстиями изображены глаза животного, а треугольной выемкой между ними — нос. На суженной полукруглой морде круглыми выемками показаны ноздри. Можно предположить, что на бляхе представлено крайнее схематичное изображение головы оленя в фас. Однако уверенности в этом нет. С оборотной стороны, в нижней части

бляхи — полукруглая петля для крепления украшения на ремешке основы оголовья.

Аналогии: не известны. По стилистическим особенностям напоминает бронзовые литые изделия меотской культуры. В определённой степени крымской бляхе близок экземпляр V—IV вв. до н. э., обнаруженный при неизвестных обстоятельствах на Таманском полуострове и хранящийся в Museum für Vorfrühgeschichte в Берлине (*Leskov, 2008, p. 211—212; cat. 290*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

95/391. В виде лежащего сфинкса

Скифское время.

Окрестности посёлка Зуя, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 1,7; ширина: 2,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,6 см.

Изображение лежащего сфинкса передано довольно условно. Туловище копячьего — с поджатыми передними и задними лапами, загнутым к спине хвостом, стоящими почти вертикально крыльями, перья которых моделированы выпуклыми жгутами. В области живота — округлое отверстие. Голова сфинкса развернута в фас. На ней — невысокий головной убор. Лицо — вытянутое, с большими округлыми глазами. Остальные черты лица плохо просматриваются, в связи с определённой его затёртостью. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля для крепления на кожанной основе узды.

Аналогии: весьма близкой аналогией является левостороннее изображение лежащего сфинкса на бронзовой поясной пряжке, случайно найденной на Таманском полуострове. А.М. Лесков на основе некоторых аналогий относит её к I—II вв. н. э. (*Leskov, 2008, p. 198, 199; cat. № 209*). Вместе с тем, первый издатель находки М.И. Ростовцев датировал пряжку III—II вв. до н. э. (*Rostovtzeff, 1931, s. 46—55, abbv. 1; 2*). В определённой степени с этой бляхой сравнимы изображения сидящих сфинксов на золотых бляшках из кургана № 2 (середина V в. до н. э.) группы Семибратние курганы на Кубани (*Scythian art, 1986, kam. 76; 77*).

Публикуется впервые.

2.3.9. ПОДВЕСКИ

1/392. Подвеска односторонняя в виде головы хищной птицы с зооморфными превращениями

Конец VI—V вв. до н. э.

Кировский район. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина подвески: 4,0; ширина: 1,2 см.

Диаметр дужки для подвешивания: 0,6 см.

В композиции представлены три головы хищной птицы: левосторонняя, правосторонняя и вертикальная. Ключевой элемент, выявляющий приём зооморфных превращений, — круглый глаз, общий для трёх голов, в виде выпуклого кружка с рельефной окантовкой, а также завиток, отходящий от нижней части этой окантовки.

Наибольшее — левостороннее изображение, состоящее из глаза, носовой роговицы, длинного слегка загнутого клюва и петли с круглым отверстием для подвешивания.

Условное исключение «левостороннего» клюва и носовой роговицы позволяет увидеть правостороннюю голову. В этом случае роль символического клюва играет петля.

Вертикальное изображение ещё одной птичьей головы —

глаз с находящимся под ним завитком. При этом завиток выполняет роль клюва. Несмотря на весь лаконизм и условность такой передачи, маленькая головка просматривается достаточно четко.

Аналогии: прямых в древностях скифского времени степной зоны Северного Причерноморья и украинской Лесостепи данная находка не имеет. На лесостепной территории найдено несколько бронзовых подвесок, имитирующих костяные клыки, украшенные на концах головками хищных птиц и волчьими головами: у с. Пастырское и кургана № 4 у с. Макеевка, 1-я половина V в. до н. э. (Могилов, 2008, с. 50, 318; рис. 99: 25—27). По общей форме подвеска напоминает резные костяные клыки-подвески или их бронзовые копии, широко представленные в савроматской культуре Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Пожалуй, определёнными аналогиями являются подвески с изображением двух голов хищных птиц из кургана № 4 группы Бес-Оба (Кадырбаев, 1984, с. 87; рис. 1: 1) и кургана № 3 у Алебастровой Горы (Смирнов, 1964, с. 334; рис. 40: 1а—г), в Южном Приуралье, относящиеся к концу VI—V вв. до н. э.

Публикуется впервые.

2/393. Подвеска двусторонняя в виде головы хищной птицы с оленьими рогами, фрагментированная

Скифское время.

Между посёлком Зуя и селом Ароматное, Белогорский район. В лесу.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая. С одной стороны подвеска обломана.

Сохранившаяся высота: 2,5; ширина: 5,0 см.

Голова хищной птицы с мощным, плавно загнутым клювом, остроугольной, рельефно выделенной восковицей и

гипертрофированно большим, круглым, выпуклым глазом, ограниченным рубчатым бортиком. С одной, очевидно, лицевой, стороны подвески нижняя часть восковицы и клюва птицы дополнительно декорированы линией насечки. На голове птицы — два завитка оленьих рогов, нижние концы которых обломаны. Не сохранилась и петля для крепления подвески на ремешковой основе оголовья.

Аналогии: лишь в определенной степени эту подвеску напоминает «подвеска» из собрания Ханенко (Екатеринославская губерния, Верхнеднепровский уезд (Ханенко, 1900, с. 31, табл. XXI: 334)).

Публикуется впервые.

3/394. Подвеска двусторонняя в виде стилизованной головы травоядного животного

Скифское время.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки не известно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 1,6; ширина: 3,2 см.

Ажурное изображение головы травоядного животного. Глаз и нижняя часть морды показана одним рельефным завитком с двумя одинаковыми округлыми концами. Между ними — небольшое отверстие. Ухо — в виде большого кольца. Ниже уха — выпуклая округлость. Шея моделирована тремя выпуклыми полосками. Видовую принадлежность животного установить сложно, в связи с условностью и стилизацией изображения, хотя силуэтом нижней части морды и ухом оно в определенной степени напоминает лося.

Аналогии: нам не известны.
Публикуется впервые.

2.4. КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

2.4.1. НАВЕРШИЯ

1/395–4/398. Навершия: целое и фрагментированные

Вторая половина V в. до н. э.

Бронза, литъё.

Вблизи насыпи кургана, на естественной залесенной возвышенности, в 1 км от северо-восточной окраины города Белогорск, недалеко от трассы Белогорск — Белая Скала (Т0 112). Расстоя-

ние от данного кургана до начала гряды элитных курганов на Ак-Кая — чуть более 6 км, до кургана Беш-Оба IV составляет 9 км. Предметы обнаружены на вслеханной поверхности с помощью металлодетектора на глубине 0,20–0,30 м.

1/395. Целый экземпляр

Общая высота навершия: 22; диаметр бубенца: 6,0; высота втулки: 2,5; ширина втулки: 3,6; длина прямоугольного отверстия втулки: 3,0; ширина отверстия: 0,5; высота фигурки: 7,0; ширина фигурки: 6,5 см.

Навершие имеет вид полого, усечённо-конического бубенца, с прорезными треугольными отверстиями, украшенного сверху скульптурной фигуркой оленя, размещённого на небольшой платформе. В нижней части — втулка, вытянуто-овальная в плане, с прямоугольным отверстием для закрепления на древке. С двух сторон нижней части втулки — два круглых отверстия для закрепления на металлическом штыре. Бубенец с одной стороны вогнут, из-за чего частично изменил форму.

Олень изображён стоящим, в спокойной, статичной позе. Голова слегка приподнята. Ветвистые, стилизованные рога расположены параллельно спине животного. Фигурка оленя отлита в двусоставной форме: на ней отчётливо просматривается литейный шов.

Это навершие и следующие фрагментированные экземпляры, по типологии Е.В. Переводчиковой, относятся к X типу (Переводчикова, 1980, с. 31, 32; рис. 6: 5, 6).

Аналогии: ближайшие: четыре навершия в одном из курганов V в. до н. э. у с. Аксютинцы (раскопки В.В. Хвойки, 1897–1899 гг.) (Ильинская, 1968, с. 38, 159; табл. XXVI: 12, 13, 15, 16), в меньшей степени также 4 навершия из кургана № 1 у с. Волковцы IV в. до н. э. (раскопки

С.А. Мазараки, 1897–1898 гг.) (Ханенко, 1899, с. 6; табл. XI: 224; Бобринской, 1901, с. 84; Ильинская, 1968, с. 48, 159). Однако крымские навершия в отличие от посульских имеют усечённо-конические, а не биконические бубенцы. Более отдалённые аналогии — в виде наверший-бубенцов со скульптурными изображениями оленей известны в Днепровской Левобережной террасовой Лесостепи (курган № 3, погребение № 3 у с. Гладковщина) и в большем количестве — на территории Кубани. Однако олени на них изображе-

ны в иной позе, с поджатыми ногами, а сами наверхия относятся к концу VII — началу VI вв. до н. э. (см. литературу: *Скорый, Григорьев, 2012, с. 258*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2/396. Фигурка, фрагмент наверхия

Высота: 6,5; ширина: 6,5 см.

Скульптурная фигурка стоящего оленя с ветвистыми

рогами, украшавшая некогда верх бубенца иного наверхия. Внешне весьма близка фигурке первого наверхия, но отличается меньшими размерами и меньшей выразительностью деталей, в частности не столь чётко проработанными изображениями рта, ноздри, глаза животного, ветвистых рогов. На фигурке, также как и в первом случае, хорошо виден литейный шов. Несомненно, она отлита в другой форме.

Аналогии: те же, что и для первого экземпляра.

Публикуется впервые.

3/397. Два фрагмента одного наверхия

От наверхия сохранился бубенец (А) и втулка (Б).

А. Бубенец от наверхия, аналогичный бубенцу первого экземпляра. Нижняя часть и одна из боковых сторон — повреждены. Повреждения — рваные, очевидно, нанесены при пахоте, плугом. Поверхность предмета сильно патинирова-

на. Предмет сохранился в высоту на 11 см. Диаметр: 6,0—6,5 см.

Б. Втулка наверхшия.

Предмет сохранился в высоту на 3,6 см, ширина основы — 4,2 см.

Втулка обломана сверху, в месте перехода в бубенец. В плане — вытянуто-овальной формы. Отверстие для крепления древка во втулке — прямоугольное. Втулка абсолютно аналогична по устройству втулке сохранившегося наверхшия. Внутри втулки — остатки железного штыря, на котором закреплялось наверхшие посредством отверстий во втулке и железного штифта.

Сопоставление этих двух предметов показало, что они принадлежат одному, *второму* наверхшию, судя по всему, целиком аналогичному первому, сохранившемуся экземпляру.

Публикуются впервые.

4/398. Фрагмент наверхшия

Размеры: 5,7 × 5,5 см.

Изделие с боковой прямоугольной петлёй для крепления на ней небольших подвесных колокольчиков. Края предмета — рваные, поверхность — сильно патинированная. Наверхшие, несомненно, было поломано плугом, при пахоте.

Данный фрагмент, безусловно, принадлежит *третьему* на-

верхшию. У целого экземпляра и у бубенца второго наверхшия подобные петли отсутствуют. Форма сохранившейся части бубенца позволяет предположить, что он являлся биконическим, т. е. подобным бубенцам наверхший посуды группы, украшенных сверху фигурками оленей, а сбоку — петлями (Ильинская, 1968, с. 159).

Остаётся неясным, какому из трёх фрагментированных наверхший принадлежала скульптурная фигурка оленя:

второму экземпляру, в целом аналогичному сохранившемуся первому наверхшию, третьему, на бубенце которого была петля, или — наконец — не обнаруженному четвёртому экземпляру. Учитывая парность находок подобных наверхший, мы вправе предположить, что их изначально было 4 экземпляра.

Условия обнаружения наверхший вблизи насыпи кургана позволяет допустить, что изначально они входили в состав предметов погребального кортежа, а после осуществления захоронения стали материальными остатками тризны.

Публикуется впервые.

2.4.2. ТОПОРИКИ-СКИПЕТРЫ

VI—V вв. до н. э.

1/399. Село Партизаны, Кировский район, степная равнинная местность.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 8,0; максимальная ширина: 1,8 см.

Диаметр отверстия проуха: 1,6 см.

Топорик с короткой «рабочей» частью, плавно расширяющейся книзу, имеющей следы использования предмета, и изогнутым более длинным обушком, оформленным в виде стилизованной орлиной головки со слабо намеченным округлым глазом. На обушке — лёгкая вмятина (от плуга?).

Аналогии: известно 5 экземпляров топориков-скипетров, чрезвычайно близких между собой: из погребения в кургане № 25 Кичкасского могильника; из раскопок П.О. Бурачкова в бывшем Днепровском уезде в Нижнем Поднепровье (*Яценко, 1959, с. 37, 43; табл. III: 3; с. 63*); случайная находка близ с. Пастырское в бассейне Тясмина в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Мелюкова, 1964, табл. 21: 28*); из коллекции Кундеревича, место находки не известно (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 4*) и топорик-скипетр, найденный на поселении Чилик-Дере, в Добрудже (*Simion, 2003, p. 257; fig. 6*). Крымский экземпляр отличается большей стилизацией головки птицы, по внешнему облику более всего напоминающая топорик-скипетр из раскопок П.О. Бурачкова. В целом, эта находка пополняет небольшую коллекцию бронзовых топориков-скипетров, обнаруженных в пределах Европейской Скифии и отличающихся по тем или иным деталям (*Іллінська, 1961, с. 45; рис. 11; Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3; Кубышев, Николова, Полин, 1982, с. 140, 141; рис. 10; 11*). В Крыму топорик-скипетр найден в погребении № 3 (2-я половина VI — рубеж VI—V вв. до н. э.) кургана Кулаковского (у с. Долинное Бахчисарайского р-на). Он имеет иной вид: украшен с одной из сторон копытцем животного, с другой — птичьей головкой (*Яковенко, 1976, с. 132; рис. 5: 3*).

Публикуется впервые.

2/400. Между селами Айвазовское и Приветное, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но предмет представлен фрагментом.

Сохранившаяся длина: 3,5; ширина: 1,5 см.

От скипетра сохранилась лишь верхняя часть в виде скульптурной головки хищной птицы с гипертрофированно большим шаровидным глазом, массивным широким слегка изогнутым клювом, имеющим округлое окончание. В верхней части клюва хорошо выражена восковица. Место облома — древнее, запатинированное.

Аналогии: нам известно три подобных бронзовых топорика-скипетра, один из концов у которых украшен головкой хищной птицы, другой — конским копытцем. Ближайшая аналогия, крымская, в погребении № 3 (2-я половина VI — рубеж VI—V вв. до н. э.) кургана Кулаковского, у с. Долинное Бахчисарайского р-на (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 8; Яковенко, 1976, с. 132; рис. 5: 3*). Два иных близких по форме скипетра найдены: в кургане № 15 у с. Аксютинцы в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 9; Яковенко, 1976, с. 132; рис. 5: 4*) и ауле Тауйхабль в Адыгее, в Северо-Западном Предкавказье (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 120, 121, 184; кат. 55*).

Публикуется впервые.

2.4.3. НОЖИ РИТУАЛЬНЫЕ

1/401. Нож с рукоятью, украшенной головкой хищной птицы

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, Белогорский район.

Железо,ковка. Сохранность плохая. Рабочая часть лезвия отломана.

Общая сохранившаяся длина: 17,5 см.

Длина лезвия: 9,5; максимальная ширина: 1,5 см.

Длина ручки: 8,0 см, ширина: 1,0 (в центре) — 1,8 см (окончание).

Нож имеет лезвие с горбатой спинкой и слегка выпнутой рабочей нижней частью, наиболее широкой в центре и сужающейся к острию и ручке. В сечении лезвие — вытянутый треугольник. Верхняя часть ручки является горизонтальным продолжением лезвия, нижняя — заужена

у перехода в лезвие, и плавно расширяется к окончанию, украшенному стилизованным изображением головки хищной птицы, с сильно загнутым клювом, образующим завиток с отверстием в центре. Глаз птицы показан узкой линзой, нанесённой чеканкой. В сечении ручка прямоугольной формы. По типологии Б.А. Шрамко, нож относится к 6-му типу III группы ножей — железные ножи с ручкой, украшенной в зверином стиле (Шрамко, 1983, с. 54, 80; табл. 6: 34).

Аналогии: довольно многочисленные — в Восточноевропейской Лесостепи, например, в курганах № 402 у с. Журовка, бассейн Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье, V в. до н. э. (Петренко, 1967, с. 143; табл. 17: 4); № 1 (1886) у с. Волковцы, бассейн р. Сула, Днепровское Лесостепное Левобережье, VI в. до н. э. (Ильинская, 1968, табл. XXXII: 15); на ряде лесостепных поселений: Мотронинском городище, бассейн р. Тясмин (Бессонова, Скорый, 2001; рис. 65: 8); Бельском городище в бассейне р. Ворскла (Шрамко Б., 1987, с. 118; рис. 55: 9; Шрамко И., 1995, с. 70; рис. 5); городище в уроч. Городище и Саржин Яр на Северском Донце (Греко, 2010, с. 235; рис. 88: 19, 25) и ряде других памятников.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

2/402. Нож с рукоятью, украшенной головкой лося

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, в районе видовой площадки на юго-западную сторону. Село Некрасово, Белогорский район.

Вблизи также найдена нащечная бляха в виде фигуры лося с головой, повернутой вправо (№ 279 по Каталогу).

Железо,ковка. Сохранность средняя. Конец лезвия обломан.

Общая сохранившаяся длина: 18,0 см.

Длина лезвия: 9,0; максимальная ширина: 1,3 см.

Длина ручки: 9,0, ширина: 1,0—1,3 см.

Нож имеет лезвие с плавно изогнутой спинкой и слегка вогнутой, сработанной нижней частью. Лезвие хорошо проковано и заточено. В сечении — в виде вытянутого треугольника. Ручка слегка расширяется к окончанию. В сечении — узкий прямоугольник. Голова лося слегка вытянута вперёд, острые небольшие уши прижаты к шее. Глаза переданы кружком с точкой в центре. В нижней части морды выделены губы и ноздри. На шее чеканкой показана шерсть. Изображение довольно реалистично, но представлено чётко лишь с одной стороны.

Аналогии: среди ножей, ручки которых оканчиваются головками птиц и животных (6-й тип III группы ножей — железные ножи с ручкой, украшенной в зверином стиле; (Шрамко, 1983, с. 54, 80; табл. 6: 34), известных в древностях скифской эпохи Восточной Европы, аналогии данному ножу отыскать не удалось. Но весьма подобными изображениями животного оформлены верхние окончания серии костяных псалий от узды VI в. до н. э., найденных в Днепровском Лесостепном Левобережье, особенно в бассейне Сулы (Ильинская, 1968, табл. XXXVI: 6, 21; Шрамко, 1971, с. 101; рис. 4: 7—9, 11, 12). В связи с этим, стоит отметить, что на территории Крыма был найден складной боевой нож с лезвием серповидной формы и ручкой с костяными накладками, конец которой украшен абсолютно аналогичной головкой лося, в погребении № 194 могильника Нейзац (центральная часть полуострова), относящемся к позднесарматской культуре и датирующемуся III в. н. э. (Хра-

пунов, 2004, с. 107; рис. 3). Сходство столь велико, что невольно возникает вопрос: не вторично ли использована ручка на ноже из Нейзаца?

Костяные ручки ножей, украшенные головками животных, в том числе дося, известны в погребениях и на поселениях VI—III вв. до н. э. ананьинской культуры Поволжья (Васильев, 2001, с. 79; рис. 2: 10, 11). И всё же, пожалуй, наиболее близкими аналогиями крымской находке являются железные ножи, ручки которых декорированы головками лосей в абсолютно сходной манере, найденные на весьма отдалённой от Крыма территории, в Хакасско-Минусинской котловине Южной Сибири, в области тагарской культуры и относящиеся к VI—V вв. до н. э. (Завитухина, 1983, кат. 159, 163).

Публикуется впервые.

2.5. МАТРИЦА И ШТАМП ДЛЯ ЧЕКАНКИ АППЛИКАЦИЙ

2.5.1. МАТРИЦЫ

1/403. Матрица

IV—III вв. до н. э.

Село Александровка, Белогорский район, урочище Колтан, поселение эллинистического времени.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота изделия: 6,0, ширина: 4,1—4,5; максимальная толщина: 0,8 см.

Прямоугольная матрица имеет рельефное фронтальное изображение женщины, сидящей в кресле с резными подлокотниками, у которых в верхней, средней и нижней частях — точёные выпуклости. Поза её спокойна, величава, торжественно-неподвижна. На женщине — безрукавный хитон, с глубоким треугольной формы вырезом. В районе плеч и по вороту хитон отделан кантом. Ноги — параллельны одна другой, со слегка раздвинутыми носками. Между коленями хитон трактован несколькими

широкими складками. В нижней части он ниспадает фалдами на обувь. Пышные, вьющиеся волосы разделены пробором. Их покрывает лёгкий гиматий, струящийся по плечам женщины до подлокотников кресла. Правая рука покоится в области живота, левая — на груди. Пальцы рук тщательно проработаны. Запястья украшают выпуклые браслеты. На лице видны следы повреждений, возможно, вследствие долговременного использования матрицы. Особенности фигуры и лицо свидетельствуют в пользу того, что на ней передан облик не молодой, а зрелой женщины. Иконографические особенности позволяют видеть в изображении богиню Деметру.

Оборотная сторона матрицы — гладкая. Изделие покрыто зеленоватой «благородной» патиной.

Матрица предназначалась для изготовления крупных золотых аппликаций, которые, скорее всего, являлись деталями парадных покрывал знатных скифских женщин.

Аналогии: обнаружить не удалось, как, впрочем, и оттиснутые с подобным изображением золотые аппликации. Дата матрицы устанавливается по иконографическим особенностям изображения.

Издано: Скорый, 2013.

2.5.2. ШТАМПЫ

1/404. Штамп

Конец V—IV в. до н. э.

В районе села Межгорье, Белогорский район, Находка 2013 года.

Бронза, литьё. Сохранность — хорошая.

Общая длина: 2,6; диаметр рабочей части: 2,7 × 2,5; ударной: 1,7 × 1,3 см.

Штамп представляет собой удлиненный брусок с расширяющейся рабочей частью, украшенной изображением, и более узкой ударной частью.

Рабочая часть имеет вид овального медальона, в который вписан образ сидящего сфинкса с двойным туловищем, выполненный в высоком рельефе. Женская голова сфинкса, несколько наклонённая в сторону, украшена невысоким калафом, из-под которого видны вьющиеся волосы. Черты лица просматриваются нечётко: глаза выделены точками, нос и рот лишь слегка намечены. Детально проработаны: нижняя часть туловища (кошачий хищник) — бёдра, задние и передние лапы, прижатый к спине хвост. Также реалистично изображены сложенные крылья и грудное оперенье. Грудная часть сфинкса наиболее выступает по сравнению с остальными частями фантастического существа.

Внизу, под изображением, расположены три параллельные выпуклые «косички».

На ударной части, слегка уплощённой с одной из сторон, видны следы от ударов инструмента ювелира. Штамп предназначен для изготовления бляшек-аппликаций, по-видимому, из драгоценных металлов.

Аналогии: образ сфинкса с двойным туловищем является широко распространённым в античной торевтике и хорошо представлен в древностях варварской аристократии Северного Причерноморья. Примеры этого мотива на бляшках аппликациях — в кургане Куль-Оба (Копейкина, 1986, с. 153; кат. 26; с. 154; кат. 27); Солоха (Манцевич, 1987, с. 30, 31; кат. 3)

в степной зоне Северного Причерноморья; кургане в урочище Галушино близ Пастырского городища (Онайко, 1970, с. 209; табл. XLII: 816б) в Днепровском Лесостепном Правобережье. Однако изображения на этих бляшках отличаются условностью и схематизмом. Наиболее близкая аналогия с точки зрения реалистичности исполнения — прямоугольная аппликация с изображением сфинкса, найденная на Тамани. На ней, по мнению Н.А.Онайко, представлена «чисто греческая трактовка этого мотива» (Онайко, 1970, с. 41, 42; рис. 10). Однако и она отличается в деталях от изображения на штампе, которое является достаточно оригинальным.

Публикуется впервые.

**МЕСТО КОЛЛЕКЦИИ
В КРУГУ СКИФСКИХ
ДРЕВНОСТЕЙ КРЫМА**

Осуществив описание различных категорий предметов скифской культуры, составляющих коллекцию, предложив по возможности аналогии им, а вследствие этого и — конкретные даты, мы вправе поделиться некоторыми соображениями и наблюдениями, возникшими в процессе изучения артефактов. В конечном итоге, это позволит определить место предметов данной коллекции в кругу скифских древностей Крыма, даст возможность для некой их исторической интерпретации.

Предметы **вооружения** и детали **конского снаряжения** (по большей части, украшенные в традициях скифского искусства звериного стиля) — две полностью доминирующие группы во всей совокупности материалов, включают соответственно 189 и 205 находок. Иные предметы скифской материальной культуры, или те, которые могут быть связаны со скифами — крайне малочисленны (всего 10 экз.). Такое положение, конечно, объясняется не принципами формирования настоящей коллекции, а значением указанных категорий предметов в военизированном образе жизни кочевников-скифов.

В скифской паноплии, несмотря на широкое использование лука и стрел (что, как известно, подтверждается не только многочисленными находками наконечников стрел, но и античными письменными свидетельствами), особое значение имел меч или кинжал-акинак, олицетворяющий собой не просто категорию наступательного клинкового оружия, но и бога войны Ареса, которому (если исходить из свидетельства Геродота) поклонялись кочевники и единственному из божеств возводили алтари.

В свете указанной сентенции, резюмируем сведения о мечах и кинжалах коллекции в контексте известных находок этого вида вооружения на полуострове.

За весьма продолжительный период исследования памятников скифской культуры в Крыму здесь обнаружено примерно 50—60 мечей и кинжалов-аки-

наков. Речь идёт в первую очередь об оружии, найденном в собственно скифских памятниках Крыма, прежде всего — погребениях, отдельных случайных находках в зоне распространения скифской культуры, а также весьма небольшом числе этого вида скифского наступательного вооружения, обнаруженного на территории Боспорского царства и в ареале культуры тавров Предгорного и Горного Крыма.

При этом отметим, что практически все мечи и кинжалы из скифских памятников Крыма не принадлежат к наиболее ранним образцам этого вида оружия. Так, в Северном Крыму (Присивашье) (13 экз.) известны мечи не ранее конца VI в. до н. э. (*Колтухов, 2012а, с. 75, 76, 137; рис. 28: 1—13*), в Северо-Западном Крыму (11 экз.) — не позднее последних десятилетий VI — конца V вв. до н. э. (*Колтухов, 2012, с. 125—127; 261; рис. 101: 1—11*). На Керченском полуострове это вооружение также относится ко времени — не ранее VI — 1-й половины V вв. до н. э. (*Яковенко, 1974, с. 99; Кортусова, Орлов, 1978, с. 71; рис. 4: 3, 15; с. 73; Бессонова, Скорый, 1986, с. 102; рис. 4: 1; Кислий, Скорый, 1990, с. 130; рис. 2: 1*). К образцам более раннего, архаического оружия принадлежат длинный меч из разрушенного впускного погребения в кургане у с. Изюмовка близ Старого Крыма, в юго-восточной части полуострова (не позже VI, а скорее — конца VII—VI вв. до н. э.), (*Скорый, 1977*) и железный кинжал-акинак конца VII — 1-й половины VI вв. до н. э., найденный у с. Новоклёново Белогорского района, в предгорьях Центрального Крыма, (*Колтухов, 2008б, с. 250; рис. 2: 1*).

Менее десятка кинжалов скифского типа известно в погребальных памятниках тавров или ареале их культуры, при этом большая часть оружия — фрагментирована. Тем не менее, заслуживает внимание тот факт, что как сохранившиеся экземпляры, так и фрагменты рукоятей имеют почковидное перекрестье, что является признаком наиболее ранней груп-

пы мечей и кинжалов. К VII—VI вв. до н. э. могут быть отнесены целый кинжал из каменного ящика № 3 у с. Дружное Симферопольского района (Колотухин, 1996, с. 46, 50; рис. 50: 29) и святилища Гурзуфское седло на Главной гряде крымских гор (Новиченкова, 2002, с. 84, рис. 39: 12), акинак без навершия из каменного ящика близ пос. Гаспра (Большая Ялта) (Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 21), часть рукояти с почковидным перекрестьем из каменного ящика у с. Широкое (Биюк-Мускомья) (Крис, 1981, табл. 39: 1). Возможно, к этому же времени принадлежит и кинжал типа найденного у с. Новоклёново, хранящийся, по свидетельству С.Г. Колтухова, в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике (Колтухов, 2008, с. 247). Не ранее VI в. до н. э. датируется акинак из каменного ящика у с. Новобобровское (уроч. Мал-Муз) с почковидным перекрестьем и простым волютообразным навершием (Крис, 1981, с. 114; табл. 34: 23).

На фоне приведённых сведений мечи и кинжалы, представленные в данном Каталоге (30 экз. и 6 бутеролей), охватывающие весь период существования скифской классической культуры, представляют весьма впечатляющую коллекцию, исходя из разных аспектов: хронологического, типологического, географического, условий обнаружения. Полностью доминирующей разновидностью в составе коллекции являются кинжалы-акинаки (26 кинжалов, 4 меча), в основном отличающиеся очень хорошей сохранностью.

Важно подчеркнуть, что 19 из 30 экз. этого вида оружия — 2 меча и 17 кинжалов-акинаков — принадлежат к периоду скифской архаики (1 экз. — конец VIII — начало VII вв. до н. э.; 3 экз. — 2-я половина VII в. до н. э.; 14 экз. — 2-я половина VII — 1-я половина VI вв. до н. э.). Если к ним добавить ещё 6 бронзовых бутеролей от ножен мечей или кинжалов (4 из них оформлены в традициях раннескифского звериного стиля), относящихся к концу VII — 1-й половине VI вв. до н. э.,

становится вполне очевидным, сколь представительна эта группа вооружения, решительным образом меняющая наше представление о степени присутствия архаических мечей и кинжалов в скифской культуре Крыма. Мало того, в кругу мечей и кинжалов присутствует биметаллический экземпляр меча с рамочной рукоятью, принадлежащий к категории древнейших скифских мечей, неизвестных ранее не только на полуострове, но и во всём степном Северном Причерноморье.

Заслуживает внимания, что в данной подборке мечей и кинжалов хорошо представлены не только большинство типов (в том числе — раннескифского времени), известных в памятниках собственно скифской культуры Восточной Европы, да и — в обширном ареале культур скифского типа Евразии, но и весьма редко встречаемые типы оружия, например, с рукоятью, имеющей лучковидное перекрестье или серповидное навершие. Стоит отметить и то, что некоторые экземпляры, имея известные морфологические детали рукояти, тем не менее отличаются довольно оригинальным их исполнением, а потому либо не находят прямых аналогий среди известного собрания мечей и кинжалов Восточной Европы, либо встречаются близкие себе в памятниках скифской поры более отдалённых территорий, например, Карпато-Подунавья. Первое из обстоятельств в определённой степени может свидетельствовать о *местном изготовлении* части акинаков. Несомненно, интересны и бронзовые бутероли, оформленные в традициях раннескифского звериного стиля. Несмотря на то, что подобные детали ножен архаического оружия известны в ареале скифской культуры Восточной Европы, они ни разу не встречались ранее в Крыму, будучи в Северном Причерноморье известны главным образом по находке из гробницы № 2 кургана Репяховатая Могила в Днепровском Лесостепном Правобережье (бассейн р. Тясмин). Значительно шире представлены эти предметы

в памятниках эпохи скифской архаики на Северном Кавказе.

Примечательна география находок. В тех случаях, когда пункты обнаружения оружия известны (в 8 случаях сведений об этом нет), места наибольшей концентрации находок фиксируются на горном массиве Кубалач (10 кинжалов и 2 бутероли)¹¹, в районе с. Межгорье, в основном в урочище Бураган (2 меча и 6 кинжалов) (оба пункта — в Белогорском районе), на горном массиве Агармыш близ Старого Крыма Кировского района (2 кинжала и бутероль архаического времени). В иных пунктах находки единичны.

Наконечники копья и дротиков в составе коллекции — весьма немногочисленны. Единственный наконечник копья с лавролистным пером принадлежит к архаическому типу (VII—VI вв. до н. э.) и является для полуострова пока что уникальной находкой. Из 5 наконечников дротиков, вполне синхронных по времени (IV в. до н. э.), достаточно однотипных и различающихся в основном размерами, к тому же широко известных в паноплии скифов, лишь одному удалось подобрать крымские аналогии. Чрезвычайно интересен один из наконечников, необычный по

¹¹ По непроверенным сведениям, примерно за десятилетие в районе горного массива Кубалач найдено около 40 акинаков. Сведения любезно сообщил крымский краевед К.Л. Пипериди. Мы имели возможность ознакомиться с фотографиями 5 из них. Все экземпляры архаического времени: 1) акинак с очень массивным почковидным перекрестьем, плоской ручкой и коротким брусковидным навершием; 2) акинак с массивным почковидным перекрестьем, ручкой с тремя валиками, узким длинным брусковидным навершием, внешне весьма близок кинжалу из с. Ворон нашей коллекции (№ 7 Каталога); 3) акинак с массивным бабочковидным перекрестьем, ручкой с тремя валиками, узким брусковидным навершием, по центру клинка — гребень; 4) акинак с изящным бабочковидным перекрестьем, рамочной ручкой с двумя узкими бортиками по краям, узким брусковидным навершием, на 2/3 длины клинка хорошо выделен гребень; 5) акинак с массивным бабочковидным перекрестьем, ручкой с тремя валиками и маленьким навершием волютообразной формы. К сожалению, дальнейшая судьба этих кинжалов не известна.

пропорциям, но главное — с намеченными, но не проточенными жалами на конце острия, своего рода — полуфабрикат. Похоже, это свидетельство *местного изготовления* данного оружия. Следует также подчеркнуть, что наконечник копья и все наконечники дротиков обнаружены в одном районе Юго-Восточного Крыма — на горном массиве Кубалач. Эти находки в определенной степени расширяют наши представления о присутствии данной категории скифского вооружения на полуострове, в частности дротиков, по данным археологии весьма немногочисленных (Яковенко, 1974, с. 99; Колтухов, 2012а, с. 76, 77).

Наконечники стрел составляют в целом небольшую (142 экз.: 132 — бронзовые, 10 — костяные), но достаточно выразительную группу материала с точки зрения типологии и хронологических позиций.

К сожалению, лишь в 9 случаях нам известно конкретное место находок наконечников, при этом, за исключением одного случая, число их — невелико. Географическая локализация большинства наконечников стрел — крайне условна: Юго-Восточный Крым, территория между Белогорском и Феодосией.

Наконечники периода *скифской архаики* (VII — 1-я половина VI вв. до н. э.) доминируют в подборке: 101 из 132 бронзовых экземпляров, при этом более двух третей из них — двулопастные наконечники.

Наиболее ранними в этой совокупности являются 46 наконечников с высокой втулкой, у большинства экземпляров имеющей шип, и ромбовидной головкой — наконечники так называемого жаботинского типа. Их бытование не выходит за рамки VII в. до н. э., более того — есть мнение, что такие наконечники исчезают из употребления уже к середине VII в. до н. э. (Полін, 1987, с. 21). Один из этих экземпляров найден у с. Межгорье Белогорского района, 25 — попали в коллекцию из многочисленной серии (более

200 экз.), найденной между сёлами Ворон и Междуречье Судакского района, ещё 2 обнаружены у пгт. Морское того же Судакского района. Последние имеют чрезвычайное значение, поскольку снабжены неудалёнными литниками, т. е. являются полуфабрикатами. Это, пожалуй, первое убедительное свидетельство *местного производства* столь архаических наконечников стрел, скорее всего, скифским населением на территории полуострова.

Вторую по количеству группу двулопастных наконечников (26 экз.) составляют экземпляры VII — начала VI вв. до н. э. с лавролистной головкой и втулкой, также в большинстве случаев снабжённой шипом. Один из таких наконечников обнаружен на Кубалаче, ещё один экземпляр — на горном массиве Агармыш близ Старого Крыма. Как и в случае с наконечниками первой группы, в числе экземпляров с лавролистной головкой есть наконечник из Юго-Восточного Крыма с неудалённым литником, несомненно указывающий на *местное*, крымское, изготовление какой-то части наконечников этого типа.

К числу архаических наконечников стрел второй хронологической группы (VII — начало VI вв. до н. э.) относятся также 4 экземпляра двулопастных с треугольной головкой, 19 трёхлопастных с лавролистной головкой, 3 трёхгранных наконечника с лавролистной головкой и 4 — с треугольной. Упомянутые трёхгранные наконечники ранее в Крыму достоверно не фиксировались.

Группа наконечников *среднескифского времени* (2-я половина VI—V вв. до н. э.) представлена 24 экз., 18 экз. из которых — трёхлопастные базисные, 3 экз. — трёхлопастные с башневидной узкой головкой, 2 экз. — трёхлопастные с треугольной головкой. Все трёхлопастные наконечники с головкой различной формы относятся к широко распространённым типам, в том числе в скифских памятниках Крыма. В этой хронологической группе исключение составляет четырёхгранный на-

конечник, аналогии которому в крымских древностях скифской поры подобрать не удалось.

Наконечники *позднескифской поры* (IV — начало III вв. до н. э.) — 19 экз. Девять из них — бронзовые (8 трёхлопастных с треугольной головкой, один — трёхгранный с треугольной головкой и скрытой втулкой), 10 — костяные, пулевидные, довольно обычные для колчанных наборов этого периода, в том числе в скифских древностях Крыма.

Чрезвычайно интересными, хотя и многочисленными являются детали воинской амуниции. Две *поясные пряжки* IV в. до н. э. (одна в виде скачущего скифского воина, другая — коня), найденные на горном массиве Кубалач, пополняют небольшую серию подобных находок. Особо подчеркнём, что пряжки с изображением скачущего всадника найдены пока *лишь в Крыму*, более того — в основном в его предгорных районах. Это обстоятельство позволяет рассматривать их с определённой долей вероятности в качестве одной из особенностей скифской классической культуры данного региона Северного Причерноморья. По-видимому, такие поясные пряжки являлись социально престижным индикатором определённой группы скифского воинства.

Не меньшего интереса заслуживают и три *крючка-застёжки от колчана (горита) или портупеи*. Концы двух из них (Белогорский район и Керченский полуостров) оформлены в виде стилизованных головок птиц. Третья застёжка (с. Межгорье, Белогорский район) выполнена в виде выразительной конской фигурки и пока не имеет аналогий. Предметы подобного функционального назначения в наибольшем числе зафиксированы лишь в древностях скифской поры Лесостепи Восточной Европы — на Среднем Дону, Северском Донце, а также — в ареале савроматской культуры. В Крыму ранее были известны 2 крючка-застёжки аналогичного назначения, обнаруженные в захоронениях IV в. до н. э.: кургане Ак-Бурун (1875 г.) близ

Керчи (Виноградов, 1993, с. 1743; рис. 1: 3) и погребении кургана № 5 группы Новоалександровка—Богачёвка в Присивашье (Колтухов, 2012а, с. 137; рис. 28: 21). На первом, железном, обтянутом тонким золотым листом крючке дано стилизованное изображение хищной птицы с раскрытыми крыльями, на втором, бронзовом предмете, представлен образ лежащего оленя в жертвенной позе. В обоих случаях конец застёжки оформлен в виде стилизованной птичьей головки. Хорошие аналогии этим находкам известны в памятниках скифской поры Среднего Дона (Гуляев, 1969, с. 115, 116; рис. 7: 4, 6; Савченко, 2004, с. 236, 237).

Указанные крючки-застёжки являются либо импортными изделиями в среде крымских скифов — из области Среднего Дона, либо отражают некую моду на подобные детали воинской амуниции, появившуюся в местной скифской среде под воздействием северных культурных импульсов. Напомним, что два крючка-застёжки (из золота и серебра) с изображением оленей в жертвенной позе известны также в скифском царском кургане Александрополь (Луговая Могила) 2-й половины IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье (*Древности Геродотовой Скифии*, 1866, атлас; табл. 1: 3, 4).

Второй важнейшей категорией скифской материальной культуры (а по количеству находок, представленных в данной коллекции — 205 экз. — первой) являются бронзовые детали конского снаряжения. Принимая во внимание, что большая часть из них украшена в традициях скифского звериного стиля, эти изделия требуют особого внимания.

По степени присутствия в нашем собрании детали конской упряжи располагаются следующим образом. *Псалии* — 8 экз. (V в. до н. э.), при этом 6 из них не имеют аналогий среди псалиев, известных в Крыму, найдены в разных местах полуострова. *Нащёчники* — 20 экз. (1 экз. — конца VI—V вв. до н. э.; 12 — V в. до н. э.; 6 — V—IV вв. до н. э.; 1 — скифского времени).

Большее половины нащёчников (12 экз.), происходит из Белогорского района, при этом 3 из них найдены у с. Межгорье, 3 — на массиве Айлянма-Кая, 2 — на Кубалаче, остальные в различных пунктах полуострова. Изображения лишь на нескольких из них имеют более или менее близкие аналогии среди крымских древностей: нащёчники в виде головы вепря, лосиной головы с зооморфными превращениями и стилизованного бедра животного с одной ногой. Нащёчные бляхи с иными изображениями в Крыму ранее не фиксировались. *Наносники* — 33 экз. — составляют весьма представительную серию данной категории упряжи, и, пожалуй, в таком количестве в Крыму ранее не были известны вовсе. В хронологическом отношении они соотносятся следующим образом: 7 экз. — V в. до н. э.; 5 — V—IV вв. до н. э.; 17 — IV, IV—III вв. до н. э.; 4 — скифское время. Лишь одна разновидность наносников (10 экз.) — с изображением орлиноголового ушастого грифона — находит аналогии в Крыму. Четырём разновидностям наносников не удалось отыскать аналогии в древностях скифской поры вовсе. Пожалуй, наибольшее количество подобных себе (5 разновидностей) встречаются крымские наносники в конской узде на территории украинской Лесостепи, ещё 2 разновидности наносников из настоящей коллекции имеют аналогии как в Лесостепи, так и в Степи, 2 разновидности — только в скифских древностях северопричерноморской Степи, и, наконец, 3 разновидности встречаются в широком ареале культур скифского типа, в том числе — на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. С точки зрения локализации находок вырисовывается следующая картина: в 7 случаях точные места находок не известны; 17 наносников происходят из Белогорского района (при этом 10 из них найдены в окрестностях с. Межгорье и 1 — на Кубалаче). Остальные обнаружены в ряде пунктов полуострова, при этом какой-либо концентрации их не наблюдается.

В коллекции есть 3 *распределительные* *пряжки-пронизи*: одна — клювовидной формы (2-я половина VII в. до н. э., с. Межгорье, Белогорский район), две — в виде скульптурной головы барана (3-я четверть VII — начало VI вв. до н. э., район Старого Крыма и пгт. Красногвардейское). Такие предметы не фиксировались ранее в Крыму, но широко известны в раннескифских древностях на обширных территориях Евразии.

Стоит отметить также присутствие в коллекции и *пластинчатого ромбовидного наносника* из с. Приветное Кировского района — детали конской упряжи, нечасто встречаемой в древностях скифской поры Крыма.

Маленькие разнообразные бляхи составляют почти половину деталей конского снаряжения, содержащихся в настоящей коллекции (114 экз.). В хронологическом отношении они образуют следующие группы: 1 экз. — 1-я половина VII в. до н. э., 1 экз. — VII—VI вв. до н. э.; 12 — 2-я половина VI—V вв. до н. э.; 65 — V в. до н. э.; 14 — конец V—IV вв. до н. э.; 18 — IV в. до н. э.; 5 — скифское время.

Из многообразия бляшек лишь 6 их разновидностей фиксировались ранее в Крыму, при этом, помимо обычных круглых, это бляшки: в виде оленя с поджатыми ногами, в жертвенной позе; головы хищника, смотрящей вправо; птицы с распростёртыми крыльями; головы хищной птицы с зооморфными превращениями; сильно стилизованной конечности хищника. Отличительной и яркой особенностью этой категории деталей конской уздечки из нашей коллекции, является отсутствие для более десятка разновидностей блях каких-либо аналогий в обширном ареале культур скифского мира. Максимальное количество себе подобных находят крымские бляхи в древностях скифской поры Восточноевропейской Лесостепи или в Лесостепи и Степи. Из собственно степной же зоны Северного Причерноморья аналогии крымским маленьким бляхам конской упряжи — единичны. Следует

подчеркнуть также, что для более чем 25 % находок аналогии встречаются в обширной зоне культур скифского времени, в том числе в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье.

С точки зрения локализации места находок доминирует Белогорский район — 52 экз. При этом наблюдается определённая концентрация блях на горном массиве Кубалач и в районе с. Межгорье — 11 и 9 находок. Двадцать пять находок происходят из различных мест Кировского района, при этом 5 предметов обнаружено в районе г. Старый Крым, вблизи горного массива Агармыш. Остальные маленькие бляхи фиксируются в различных пунктах полуострова.

Следует упомянуть и 3 бронзовые *подвески*, одна из которых (односторонняя) имитирует резной костяной клык, вторая (двусторонняя) отличается чрезвычайным схематизмом и ажурностью, третья (также двусторонняя) изображает голову хищной птицы с оленьими рогами. Подобные детали крайне редки в системе конского снаряжения скифской эпохи Юга Восточной Европы, будучи более характерными для культур скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Столь неравнозначное количественное соотношение различных деталей конской упряжи в настоящей коллекции (доминирование наносников и особенно — маленьких блях) объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, реальным присутствием этих деталей в системе уздечки, особенно в V—IV вв. до н. э. — когда при удилах, псалиях, наноснике в системе конского оголовья могло быть до десятка и более небольших блях. Во-вторых, в случае разрыва ременного оголовья утратить удила, псалии, налобники и нащёчные бляхи в силу их крепления и размеров — сложно. К слову, по видимому, не случайно часть нащёчных блях, псалиев и единственный налобник представлены в коллекции во фрагментированном состоянии. Иными словами — их выбрасывали после поломки. С другой

стороны, потерять наносник и маленькие бляхи уздечки после порыва ремennого оголовья, принимая во внимание их незначительные размеры, довольно легко. Возможно, эти обстоятельства объясняют в какой-то мере такое неравномерное количественное соотношение деталей конского оголовья.

Культовые или ритуальные предметы в нашем собрании — не составляют большое число (всего лишь 10 находок), но между тем — они весьма интересны, поскольку расширяют представления о материальной культуре скифов Крымского полуострова.

Так, *бронзовые навершия* (V в. до н. э.) являются первыми достоверными находками предметов подобного рода в Крыму¹². В определённой степени это необычно, учитывая в целом широкое распространение скифской материальной культуры на полуострове. Напомним также, что навершия с изображениями животных хорошо представлены не только в области собственно скифской культуры степного Северного Причерноморья, на Северном Кавказе, в украинской Лесостепи (*Иллінська, 1961; Переводчикова, 1980*), но и на территории так называемых скифских групп Средней Европы (Румыния, Венгрия) (*Вакау, 1971*). Более того, они известны на окраинах обширного скифо-сибирского мира, например, в Хакасско-Минусинской котловине (*Завитухина, 1983, кат. 1—3, 5—10, 150*). Правда, в последнее время нам стали известны ещё 2 бронзовых навершия — в виде голов быка и грифобарана, обнаруженные в Белогорском районе Крыма. Стилистические и иконографические особенности изображений позволяют отнести их к келермесскому времени (2-я половина VII—VI вв. до н. э.)

¹² Информация Е.В. Переводчиковой (со ссылкой на работу Е.Н. Черепановой и А.А. Щепинского) о том, что в Северном Крыму у с. Водославовка найдены 2 навершия, не соответствует действительности (Переводчикова, 1980, с. 35; табл. 2 (продолжение). На самом деле с. Водославовка находится на юге Херсонской области (Черепанова, Щепинский, 1966, с. 74, 75).

Навершия с головой быка из Белогорского района

Навершие с головой грифобарана
из Белогорского района

и говорить о наличии кавказско-переднеазиатских черт¹³.

Навершия с оленями из Предгорного Крыма, близки — что уже отмечалось ранее — навершиям посульской группы украинской Лесостепи (Аксютинцы, Волковцы). Но есть и существенное отличие. Бубенчик с прорезями у них не биконической формы, как у посульских находок,

¹³ Навершия находятся в частной коллекции и, к большому сожалению, не доступны для изучения.

а усечено-конический, что, возможно, свидетельствует в пользу *местного изготовления* этих предметов по известным лесостепным образцам. По-видимому, они являлись украшением углов погребальной повозки, исходя из довольно распространённой точки зрения (Болтрик, 2009, с. 43, 44), в пользу чего свидетельствует и число этих артефактов — скорее всего, 4 экземпляра.

Неизвестными ранее в кругу скифских древностей Крыма являются и два железных *ритуальных ножа* с окончаниями ручек, оформленными в зверином стиле, относящиеся к VI—V вв. до н. э. И если один из них, украшенный головкой хищной птицы, имеет серию подобных себе в древностях скифской поры украинской Лесостепи, то наиболее близкие аналогии другому, с ручкой, окончание которой оформлено в виде головки лося, удалось отыскать лишь на огромном расстоянии от Крыма — в области тагарской культуры Южной Сибири.

Несомненно, заслуживают внимания и бронзовые *топорики-скипетры* (VI—V вв. до н. э.) — целый и фрагментированный экземпляры. Первый из них оформлен в виде стилизованной головки хищной птицы. Немногочисленные находки таких, внешне сходных ритуальных предметов фиксируются в скифских памятниках степной части Северного Причерноморья, украинской Лесостепи, Задунавья (Румыния). Для Крыма же этот предмет является уникальной находкой. От второго топорика-скипетра сохранилась лишь верхняя часть в виде стилизованной головки хищной птицы. Близкий ему экземпляр известен в Крыму: найден в кургане Кулаковского. Подобные находки известны и на иных территориях, в частности украинской Лесостепи и Предкавказья.

Опосредованно связаны со скифской культурой две великолепные находки IV в. до н. э., по-видимому, инструментарий эллинских мастеров-торевтов — бронзовые матрица и штамп для изготовления аппликаций, вероятно, из драгоценных

металлов, в виде сидящей на кресле богини Деметры и фигурки сфинкса с женской головой. Оба предмета обнаружены на поселениях у сс. Александровка и Межгорье Белогорского района, примерно в 10 км друг от друга. Эти селища расположены на небольшом расстоянии от элитных скифских некрополей на горном массиве Ак-Кая близ Белогорска. Так, от селища у с. Александровка до упомянутых могильников около 10 км по прямой линии. Мы вправе предположить, что на упомянутых селищах временно обитали греческие торевты, работавшие на заказ скифской аристократии, в частности той, представители которой покоятся под высокими насыпями некрополей Ак-Каи (Скорый, 2013, с. 199)

В любом случае, хронологические позиции одного из наиболее крупных исследованных курганов на Ак-Кая — Беш-Оба IV (середина — 3-я четверть IV в. до н. э.) (Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997; Колтухов, Мыц, 2001, с. 36; Колтухов, 2006; 2007; 2008а), дата матрицы и штампа, некоторые артефакты с поселений у сс. Александровка и Межгорье (в частности античные монеты, время которых определяется вполне точно) (Скорый, 2013, с. 196; сноска 4) делают эту версию достаточно правдоподобной. Тем более, если учесть, что «вряд ли имел место импорт средств производства в инкультурную среду» (Трейстер, 1989, с. 100).

В свете сказанного можно допустить вероятное присутствие золотых пластин-аппликаций в виде сидящей Деметры и сфинкса в составе инвентаря иных элитных курганов Ак-Каи.

Наличие в нашей коллекции столь значительного числа предметов (в первую очередь, деталей конской упряжи), оформленных в традициях звериного стиля даёт обоснованный повод к размышлениям о репертуаре образов, семантике некоторых изображений и локальных особенностях скифского зооморфного искусства.

Среди исследователей скифского искусства звериного стиля существует относительное единство по поводу того, что его

образы отражают мифологические представления о трёхчленной «вертикальной» структуре мироздания, в которой присутствуют небесный, земной и нижний, «подземный» уровни. Зооморфные образы, уходящие своими корнями в древние тотемические представления, играли в этом случае роль кода, маркирующего различные уровни космоса. Верхнему уровню соответствовали образы птиц и грифонов, среднему (земному) — копытных / травоядных, подземному — хищников, преимущественно кошачьих (Переводчикова, 1994, с. 14, 15; Раевский, 2006, с. 392). И хотя эта схема не в состоянии объяснить всего богатства зооморфных образов, а также их внутренней дифференциации (Раевский, 2006, с. 405), она является достаточно удобной для классификации репертуара изображений в зверином стиле. Также многими исследователями отмечалась магическая функция предметов, выполненных в зверином стиле, при которой изображение различных животных или их частей способствовало перенесению на их носителей важных черт этих существ — стремительности и быстроты, устрашения и агрессивности, силы, и т. д. (Хазанов, Шкурко, 1976, с. 45). Несмотря на то, что вопрос о соотношении мифологической и магической функций образов звериного стиля остается дискуссионным, присутствие последней в семантике зооморфных изображений вряд ли может быть подвергнуто сомнению.

Репертуар образов, представленных в настоящем собрании, в целом, достаточно хорошо «раскладывается» на упомянутую выше тернарную модель мироздания кочевников евразийских степей (таблица). Изображения хищных птиц и грифонов составляют — 47 экземпляров¹⁴. В подав-

¹⁴ Здесь и далее приводится общее количество экземпляров, представленных на различных изделиях — мелких бляхах, наносниках, нащечниках, деталях вооружения, воинского костюма и культовых предметах. Для удобства, в таблице приведено количественное соотношение образов звериного стиля и изделий, на которых эти образы представлены.

3. МЕСТО КОЛЛЕКЦИИ В КРУГУ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ КРЫМА

Количественное соотношение образов звериного стиля и изделий, на которых они представлены

Образ	Разновидность	Мелкие бляхи	Нанос- ники	Нашеч- ники	Буге- роли	Колчан- ные крючки	Поясные пряжки	Ритуаль- ные ножи	Подвес- ки	Распре- делители	Топори- ки-ски- петры	Псалии	Навер- шья	Всего
Хищные птицы и грифоны (47 экз.)	Орлиноголовые грифоны	2	15	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	21
	Орлиные головки	6	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Копытные / травоядные (54 экз.)	Хищные птицы	4	—	—	—	2	—	1	2	1	2	—	—	12
	Лось	10	—	6	—	—	—	1	—	—	—	—	—	17
	Олень	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5
	Вепрь / кабан	5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
	Лошадь	1	4	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	9
	Козел	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	Баран	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
	Бык	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	Заяц	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Осел / мул	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Хищники (33 экз.)	Неопределенные	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3
	Кошачьи	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	14
	Волчьи	4	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
	Синкретичные	10	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	13
Обособ- ленные конечности (55 экз.)	Лапы и кисти	28	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
	Лапы-рога	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
	Когти	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Сфинкс (1 экз.)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
Неидентифицируемые изображения (5 экз.)	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	
Всего		118	30	20	4	3	2	2	3	3	2	4	2	193

ляющем большинстве — это орлиноголовые ушастые грифоны и орлиные головки. Копытных / травоядных — 54 экземпляра, включающих изображения лосей, оленей, кабанов, горных козлов, лошадей, быков, ослов, барана, зайца. Хищников — 33 экземпляра, представленных, в основном, кошачьими. Изображения на некоторых мелких бляхах не удалось идентифицировать. Отдельное место в собрании занимает бляха с изображением лежащего сфинкса.

Вместе с тем, в коллекции присутствует довольно представительный ряд предметов (55 экз.), которые, в силу своей изобразительной структуры, не только маркировали определённый уровень мироздания, но и выполняли магическую функцию. Это касается, в первую очередь, обособленных конечностей животных, которые, по принципу *pars pro toto*, замещали целое изображение. Преобладание среди этих изображений «лап», а также «когтей» хищников с акцентированием конкретных агрессивных черт того или иного существа, скорее всего, указывает на магическую функцию усиления соответствующих характеристик своих носителей.

Лишь в двух случаях имеются сюжетные изображения со сценами терзания (4 одинаковые бляхи со сценой терзания волчьим (?) хищником головы рогатого копытного и бляха с изображением птицы, клюющей рыбу).

В дальнейшем мы сосредоточимся на наиболее интересных экземплярах, которые, по нашему мнению, позволяют по-новому осветить ряд аспектов искусства звериного стиля, связанных с типологией, семантикой, а также с его локальными особенностями.

Изображения орлиноголовых грифонов, орлиных голов и хищных птиц. Из 47 изображений около половины встречаются на наносниках, большая часть которых принадлежит к известным и хорошо датируемым типам орлиноголовых ушастых грифонов и орлиных головок. Остальные изображения — это

мелкие бляхи, детали конской узды, воинского костюма, ритуальных предметов. Отдельную группу составляют 4 экземпляра окончания ножен, оформленные в виде головок хищных птиц.

Особый интерес представляет ряд оригинальных экземпляров, не имеющих прямых аналогов. В первую очередь, это выразительное и вместе с тем лаконичное изображение головы грифона, смотрящей вправо из окрестностей Александровки (№ 354). Необычна подчеркнутая геометричность образа, нехарактерная для стилистической трактовки грифонов. Изображение состоит из трёх окантованных плоскостей, сочленённых между собой. Одна из них передаёт основную часть головы с выпуклым глазом, вторая — роговицу клюва, третья — сам клюв. Эта специфическая черта особенно хорошо заметна на контрасте с изображением головы грифона с гребнем и зооморфными превращениями (№ 355), выполненным в высоком рельефе и характеризующимся округлыми формами. Также стоит отметить подвеску в виде голов хищной птицы с зооморфными превращениями (№ 392). Маленькая удлинённая подвеска в виде головы хищной птицы, смотрящей влево, содержит в себе ещё 2 изображения — правосторонней головки и головки, направленной вниз. Налицо мастерская работа, в результате которой получилось изображение, буквально полностью состоящее из зооморфных превращений.

Наносники представлены, в основном, более или менее однотипными экземплярами, в основе которых — иконографическая схема орлиноголового ушастого грифона. Один из них (№ 260) представляет особый интерес, поскольку является производственным браком. Наносник был отлит в двустворчатой форме, однако, в процессе производства, створки были смещены друг относительно друга, так что вместо единого изображения с ровным швом (который, зачастую, очень хорошо полировался) мы видим две половинки ушастого животного, крайне небрежно

спаянные между собой. На одной из створок, в районе клюва грифона заметен небольшой литник. Такой наносник вряд ли мог быть импортирован. Скорее всего, он никогда не использовался (следы использования на нём не прослеживаются). Данный экземпляр, хорошо датируемый V в. до н. э., позволяет высказать гипотезу о наличии в это время *местного*, крымского производства наносников, соответствующих иконографической схеме орлиноголового ушастого грифона. Любопытно, что найден бракованный экземпляр у с. Межгорье Белогорского района, откуда происходят ещё два, абсолютно аналогичные ему наносника (№ 258, 259). Это позволяет предположить отливку всех трёх экземпляров в одной форме. Бесспорно, внимания заслуживает уникальный наносник, найденный у подножья горного массива Кубалач, между сёлами Курское и Тополёвка Белогорского района в виде головы «гривастого» грифона, выполненной достаточно реалистично, в традициях эллинского искусства (№ 269).

Аналоги шести однотипных блях в виде лаконичной орлиной головки (№ 348—353) хорошо известны как по материалам Степного Правобережья (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 67*), так и по находкам в Днепровском Лесостепном Левобережье, в бассейне Сулы (*Ильинская, 1968, с. 131*). Форма для отливки головок подобной иконографии происходит из Ольвии (*Ольговский, 2011, с. 94*). Увеличение количества зафиксированных однотипных «лаконичных» орлиных головок позволяет сделать вывод об общескифском распространении данного сюжетного образа и несостоятельности гипотезы о его левобережной лесостепной локализации (*Шкурко, 1976, с. 96*). Возможно, производство всех блях этого типа связано с Ольвией, однако, несмотря на иконографическую идентичность, имеются определённые отличия (размеры, пропорции, характер изображения клюва), которые могут свидетельствовать и о других центрах производства таких предметов. Наиболее

необычным является экземпляр № 353, имеющий непропорционально большой глаз, переданный выпуклой плоскостью, короткий, но очень массивный, широкий клюв и рубчики на верхней части головы (деталь, не характерная для остальных лаконичных орлиных головок и придающая данному образу дополнительную агрессивность).

Весьма своеобразна подвеска с изображением головы хищной птицы, украшенной отростками оленьих рогов (№ 393). При этом, если самой голове хищной птицы вполне можно отыскать более или менее близкую аналогию в репертуаре скифского звериного стиля, то сочетание её с оленьими рогами пока нам обнаружить не удалось.

Также обращает на себя внимание подборка окончаний ножен (бутеролой), оформленных в виде голов хищных птиц. Все 4 экземпляра выполнены в единой иконографической схеме: массивный загнутый клюв, открытый рот, в котором заметен короткий язык, и глаз, переданный массивной круглой выпуклостью. Однако изображения различаются стилистической. Две бутероли (№ 31, 32) практически идентичны и являются аналогиями известной бутероли из гробницы № 2 кургана Репяховатая Могила в Днепровской Правобережной Лесостепи. Голова птицы на них — вытянутая, сама же втулка имеет подпрямоугольную форму, лишь слегка сужающуюся к окончанию. В бутеролях под № 33, 34 головки являются более округлыми, а само изделие имеет более выраженную форму усечённого конуса. Вероятно, специфика изображения головок подстраивалась под формы бутеролой, а те, в свою очередь, под формы ножен и соответствующие им формы клинков кинжалов и мечей. Вытянутые головки изображались на бутеролях подпрямоугольной формы, которым соответствуют мечи и кинжалы с клинками, сужающимися в последней трети или четверти. Округлые же головки характерны для усечённо-конических бутеролой, которым соответс-

твуют клинки в форме вытянутого треугольника. Однако нельзя исключать и дополнительное смысловое содержание указанных отличий на бутеролях, а именно — они могли быть своеобразными индикаторами племенной принадлежности и социальной стратификации знатных скифов-кочевников. Указанная подборка окончаний ножен говорит о достаточно широкой представленности на территории Крыма бутеролей, выполненных в виде орлиной головы, в отличие от бутеролей, оформленных в виде свернувшегося в кольцо хищника, которые на полуострове пока неизвестны вовсе (Поллидович, 2014).

Изображения копытных / травоядных. Репертуар копытных / травоядных животных (54 экз.) представлен изображениями лосей (целых фигур и голов), кабаньих голов, оленей (целой фигуры и голов), лошадей (целой фигуры и голов), ослов (голов животных), козлов (целых фигур и фрагментов фигур), барана (пряжки-пронизи, стилизованные под баранью головку), бычьих голов, зайца. Таким образом, представлен почти полный репертуар образов копытных / травоядных животных.

Доминирующим (17 экз.) является изображение фигуры лося либо в жертвенной позе, с повернутой назад головой, либо отдельной головы. Будучи выполненными в единой иконографической схеме, эти образы существенно отличаются друг от друга по своей стилистике. Присутствуют как довольно простые, условные изображения (№ 297–299), так и сложные образы, выполненные на высоком художественном уровне и не имеющие прямых аналогий: № 300, 301. Обращает на себя внимание разнообразие форм лосиных рогов (симметричные трёх- и четырёхлепестковые короны, асимметричные трёх- и четырёхлепестковые отростки) и различная стилистика исполнения туловища (более или менее высокий рельеф, большая условность или реалистичность). Оригинальность изобра-

жения некоторых из этих фигурок позволяет, с осторожностью, говорить о широте *местной стилистической интерпретации* традиционного общескифского образа.

В то же время, наличие такой подборки лосей из Юго-Восточного Крыма заставляет усомниться в одной из авторитетных точек зрения о локальных особенностях скифского звериного стиля, связанной с идеей специфического отражения в нём местной фауны. Казалось вполне логичным, что репертуар образов звериного стиля лесостепных племен должен существенно отличаться от репертуара степных скифов (Рыбаков, 1988, с. 55). Однако наличие у крымских скифов таких «северных» образов, как олень и, особенно, лось, наряду с хищными птицами, грифонами, кошачьими и волчьими хищниками не позволяет считать такой подход правомерным¹⁵. Скорее всего, здесь мы имеем дело с семантикой образа определённого жертвенного животного, одинаково значимой для всех скифов «геродотова квадрата».

Аналогичным образом обстоит ситуация и с изображениями лосиных голов. Лаконичные, условные безрогие лосиные головки до сих пор считались локальной особенностью левобережного лесостепного варианта звериного стиля (Шкурко, 1976, с. 97). Такие головки были зафиксированы в Посулье, а также в курганах Среднего Подонья. Можно предположить, что две лосиные головки (№ 303, 304), полностью идентичные головкам из кургана № 12 урочища Стайкин Верх и кургана № 10/10 группы Частые курганы являются следствием «левобережного» влияния на Юго-Восточный Крым. Однако более правдоподобной выглядит версия об общескифском характере данного

¹⁵ В этом контексте, один из аргументов Б.А. Рыбакова в пользу наличия этнического отличия между «скифами» и «сколотами» утрачивает свою силу («... у скифов — преобладание птиц и фантастических животных, образы которых почерпнуты из малоазийского bestiaria, а у лесостепных сколотов преобладает реальный северный лось» (Рыбаков, 1988, с. 55).

образа, который, скорее всего, был распространён как в левобережной лесостепной, так и в степной части Скифии, частью которой, в античное время, являлся и Крым.

То же самое можно сказать и об образе ажурной головы дося с двумя симметричными ветвями рогов, оканчивающихся орлиными головками и пальметкой между ними. Этот эллинизированный, популярный в V в. до н. э. мотив изображения лосиной головы, по мнению А.И. Шкурко, характерен, в первую очередь, для Правобережной Лесостепи и Степной Скифии (Шкурко, 1976, с. 96.) Но, как мы видим, он также хорошо представлен в Крыму, о чём свидетельствуют две головки из Щebetовки (№ 281, 283), а также лосиные головки из села Дивное (№ 282) и Симферопольского района (№ 284). Таким образом, на полуострове, главным образом в его юго-восточной части, встречены как лаконичные, так и ажурные изображения лосиной головы, что заставляет усомниться в их локальной привязке к определённым регионам Лесостепной или Степной Скифии.

Изображения голов кабана (вепря), представленные в коллекции, несмотря на единство иконографической схемы, отличаются своей стилистикой, имеющей аналогии в различных регионах: в Посулье и в Северопричерноморской Степи (№ 320), в Среднем Подонье и бассейне Тясмина (№ 321), в Посулье (№ 322). Голова кабана под № 323 находит аналогию в литейной форме, происходящей с античного поселения Кошары близ Одессы (Левина, Островерхов, Редина, 1993, с. 88; рис. 3: 1, 2).

Исключение составляет синкретическое изображение, совмещающее в себе три головы вепря (№ 324). Аналогия данной иконографической схеме известна на золотой пластине-аппликации с «зеркальным» изображением кабаньих голов из кургана Бабы в Степи (Канторович, 1997, с. 104; рис. 4–7), а также по бронзовым бляхам с «зеркальным» изображением лосиных голов из кургана «В» у села Жу-

ровка в Днепровском Лесостепном Правобережье (Могилев, 2008, с. 346; рис. 125: 1, 2). Однако представленное в коллекции изображение является уникальным с точки зрения целостности образа и реалистичности головы, изображенной в фас. Мастеру удалось не только в точности отобразить геометрическую «зеркальную» схему двух голов, но и создать реалистичное и очень выразительное изображение головы в фас, чего не наблюдается на известных изображениях с аналогичной иконографией. Выполненное в высоком рельефе, оно великолепно передает как отдельные черты головы животного (глаза, складки носа), так и ее целостный образ, транслирующий агрессивность.

Следует также обратить внимание на изображение лошади, представленном на довольно широком спектре разнообразных предметов: мелких бляхах (фигурка лошади в жертвенной позе — № 319), наносниках (№ 272–274), псалии (№ 244), фрагменте ременной пряжки (№ 186), застёжке-крючке от колчана-горита или портупей (№ 189). Редкость изображений лошади, выполненных в бронзе, в своё время послужила основанием для заявлений «о скромном месте» образа этого животного в скифском искусстве (Руденко, 1949, с. 85). Безусловно, это казалось странным на фоне той огромной роли, которую занимала лошадь в мифологии и ритуалах скифов, равно как и индоиранцев в целом (Кузьмина, 2002, с. 47–65). Опровержение В.А. Ильинской тезиса «о скромном месте» лошади строилось на привлечении материала костяных псалиев, происходящих, в основном, из Посульских круганов (Ильинская, 1965, с. 89–92). Публикуемые находки позволяют констатировать тот факт, что и различные бронзовые элементы конской узды выполнялись в виде лошади либо её головы. То есть, бронзовые бляхи с образом лошади в жертвенной позе и стилизованных изображений конской головы имели серийный характер, и также получили определённое распространение в репертуаре скифского звери-

ного стиля; правда, масштабы такого пространства пока сложно определить.

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что образ лошади активно использовался на детях воинского костюма. Речь идет, в первую очередь, о фрагменте ременной пряжки под № 186. По своим размерам и устройству шпифта она напоминает ременную пряжку со скачущим всадником (№ 185). И хотя стилистика изображения голов лошадей различна, единая иконографическая схема и общее сходство устройства изделий позволяют поставить их очень близко как в хронологическом, так и в семантическом отношении. А принимая во внимание тот факт, что подобного рода изображения скачущей лошади и скачущего всадника на поясных пряжках известны только на территории Крыма, можно высказать предположение о местной специфике и локализации данных изделий, которые, очевидно, являлись маркерами принадлежности к определенной социальной группе знатных воинов.

Уникальной является застёжка-крючок с изображением конской фигурки (№ 189). Аналогичные изделия встречаются в скифских древностях Среднего Дона, однако ни на одном из них не представлена лошадь. Изображение выполнено в необычной манере, сочетающей реалистические и условные черты. Первыми переданы основные идентификаторы животного: хорошо узнаваемая голова с гривой и острым ухом, сужающийся к окончанию заплетённый хвост. Однако туловище и в особенности ноги, согнутые вперед почти под прямым углом, больше напоминают черты хищника. Создаётся впечатление, что мастеру-торевту была знакома и близка традиция изготовления изображений обособленных конечностей хищника (в особенности известных на бляхах типа «Тузла—Бобрица»), что нашло воплощение в таком необычном построении фигуры.

В коллекции представлены бляхи с изображением горных козлов в жертвен-

ной позе, с поджатыми ногами (№ 312—318), найденные на массиве Кубалач, в Белогорском районе. При этом 5 из 7 изображений являются фрагментированными (одно — в виде головы, отломанной от основной бляхи, 4 — в виде левосторонних фигурок горного козла без головы). Видовая идентификация обезглавленных фигур не представляет сложности: характерными признаками козла является округлый с внутренним отверстием хвостик (у лосей и оленей отверстие на хвостике отсутствует), а также отсутствие следа на спине от повернутой назад головы (в изображениях лосей в жертвенной позе повернутые назад головы соприкасаются со спиной, так что их отламывание должно оставлять на ней след). Две фигурки из четырёх обезглавленных имеют сзади небольшие неудалённые литники, свидетельствующие о *местном* изготовлении бляшек. Следы обломов — архаичные, т. е., скорее всего, головки были отломаны еще в глубокой древности.

Наличие «обезглавленных» фигурок козлов, как и отломанной от основной бляхи головы, могло бы показаться результатом случайных повреждений. Однако этому предположению противоречит ряд фактов. Во-первых, наиболее частым объектом повреждений блях — деталей конской узды является скоба (петля), расположенная на тыльной стороне. Именно она больше всего поддавалась критическим нагрузкам и отламывалась в процессе эксплуатации, о чём свидетельствует большое количество блях с отломанной петлей. Во-вторых, обнаружение сразу четырёх обезглавленных фигурок, две из которых находились рядом, не выглядит как случайность. В-третьих, на одной из четырёх обезглавленных фигурок наблюдаются следы «рубки» головы, т. е. целенаправленного её отделения от корпуса (характерная заусеница после слома подрубленной головы). В-четвертых, шея одной из обезглавленных фигурок заполирована, как будто бы фигурка без головы использовалась вторично.

Все эти факты, с большой вероятностью, указывают на преднамеренный характер «отсечения» голов и последующего использования обезглавленных фигурок либо их голов, видимо, с культовой целью. Однако, до сих пор нам неизвестны были случаи целенаправленного повреждения предметов звериного стиля. Да и какой смысл это могло иметь для скифов? Ведь сами образы копытных — лося, оленя, горного козла — изображались, в основном, с поджатыми ногами, т. е. уже изначально в ритуальной жертвенной позе! Для скифского мировоззрения уже сами эти образы транслировали идею жертвы, целиком соответствующую идее «среднего мира» как мира смертных. «А сама смерть мифологическим мышлением трактуется как семантический эквивалент жертвы, совершаемой во имя сохранения и возрождения мира» (Раевский, 2006, с. 398). В связи с вышесказанным, напрашивается предположение о том, что целенаправленное отсечение голов козлов имело культовое значение, но не для скифов, а для нескифского населения, которое, в целом понимая «жертвенный» смысл изображения козла, придавало ему свою мифологическую трактовку. То есть, мы имеем дело с перенесением и «культовой адаптацией» в инокультурной среде распространённого скифского изобразительного образа. В качестве таковой инокультурной среды не мог выступать мир понтийских греков, обладавших развитой мифологией и культовой практикой. Таким образом, речь может идти только о мире тавров, с которым скифы вступили в непосредственное соприкосновение в Крыму. В пользу данного предположения косвенно свидетельствует и Геродот, описывающий у тавров культ отрубленных человеческих голов (*Herod.*, IV: 103). Указанные аргументы позволяют высказать гипотезу о том, что тавры, во всяком случае в VI—V вв. до н. э., использовали определенные предметы скифского звериного стиля, в частности, изображающие козла, в своих культовых целях.

Характер этого использования (отсечение голов) говорит о приспособлении указанных образов к мифологическим представлениям крымских горцев. Безусловно, подтверждение данной гипотезы требует дальнейших исследований, в первую очередь, захоронений и культовых мест тавров.

Разумеется, среди фигурок козлов особое значение имеет «комбинированное» изображение (две фигурки животных при наличии единого туловища), относящееся к 1-й половине VII в. до н. э., и являющееся, таким образом, древнейшим предметом, выполненным в зверином стиле, среди известных ныне в Крыму. Как уже отмечалось в Каталоге, с точки зрения иконографии и стиля это изображение в Восточной Европе может быть сопоставлено лишь с изображением козла, найденного в архаическом погребении, в южной части Приднепровской террасовой Лесостепи, вблизи г. Комсомольск, находящего, в свою очередь, ближайšie аналогии в переднеазиатских древностях. В сюжетном же отношении (да и стилистически тоже) его можно соотнести с изображениями двух животных на костяных бляхах из кургана № 2 у с. Жаботин, также сохранивших традиции искусства Передней Азии.

Крайне любопытным представляется наносник с изображением, скорее всего, головы зайца. Он выполнен в иконографии орлиноголового ушастого грифона, однако отличается от последнего отсутствием клюва, характерной короткой слегка закругленной формой морды и непропорционально большим округлым глазом. Исследователи звериного стиля уже указывали на редкость изображений зайца, а также на неоднозначную семантику этого образа (Поллидович, Вольная, 2005, 415). Однако, если большинство известных до настоящего времени изображений зайца зафиксированы на золотых бляшках либо на золотых предметах в составе сложных композиций и выполнены в реалистической «греческой» манере, в

нашем случае имеем изображение в форме бронзового наносника, изготовленное в канолах звериного стиля. Аналогии такому изображению пока не известны.

Изображения хищников. Репертуар хищников — относительно немногочисленный (33 экз.), но представлен весьма разнообразными и оригинальными типами. Хорошо известно по архаическим аналогиям изображение свернувшегося в кольцо зверя (анalogии № 280 и 326 нашего собрания). Также достаточно распространено изображения кошачьего хищника (скорее всего, льва) в фас (№ 336, 337). В то же время образы маленьких округлых массивных головок кошачьих в фас, представленные в комплекте № 3 из района Багерова (4 экз.) не имеют прямых аналогий, а косвенные довольно редки. Стилистически к ним примыкают и две интересные бляхи голов кошачьих хищников в фас (№ 338, 339). На высоком художественном уровне выполнена голова припавшей к передней лапе пантеры, изображённой на S-видном псалии (№ 241). Изображение отличается от классической скифской zoomорфной стилистики очень плоским рельефом; все основные элементы головы выполнены углублёнными линиями на практически ровной плоскости.

Серия однотипных блях (№ 327—335) с лаконичным изображением головки хищника (кошачьего, волчьего, медвежьего) встречает достаточно много аналогий, получивших распространение в Лесостепном Левобережье (*Шкурко, 1976, с. 97*). Из окрестностей же Ольвии происходит литейная форма (*Ольговский, 2011, с. 115*), в точности воспроизводящая указанную иконографическую схему головки хищника. Фиксация находок подобных блях в Крыму свидетельствует о широком, общескифском распространении образа лаконичной головки хищника, по аналогии с лаконичной головкой хищной птицы. В то же время, идентификация данного изображения с конкретным хищником (кошачьим, волчьим или медвежьим) затруднена, в связи с его условностью.

Особое внимание обращают на себя изображения, представленные на S-видном псалии под № 243, а также на мелкой бляхе под № 356. В обоих случаях мы сталкиваемся с образами головы хищного существа, сочетающего в себе черты кошачьего хищника (пантеры) и грифона, что позволяет определить его как «пантерогрифон». При общем сходстве формы головы с кошачьим хищником (удлинённость, хорошо выраженный нос, прижатое либо кольчатое ухо), у животного присутствует клюв хищной птицы, загигающийся в раскрытую пасть. Причём на бляхе под № 356 в раскрытой пасти также хорошо заметен клык — характерная особенность изображения головок кошачьих либо волчьих хищников.

Наконец, совершенно оригинальными являются два щитковых наносника с zoomорфными стилизованными изображениями двух головок — волчьего и кошачьего хищника и двумя отверстиями (№ 277, 278). Отсутствие аналогий и обстоятельства находки не позволяют установить их датировку. В качестве рабочей может быть высказана гипотеза о местном происхождении данной иконографической схемы.

Относительно немногочисленная (по сравнению с другими видами) представленность изображений хищников компенсируется большим количеством (55 экз.) блях с изображением их обособленных конечностей.

Изображение обособленных конечностей. Репертуар этих образов был систематически проанализирован в работе А.Р. Канторовича (*Канторович, 2012, с. 17—75*). Однако настоящее собрание позволяет существенно дополнить сведения как о количестве (до настоящего времени были собраны данные о 131 оригинальном изображении), так и о разнообразии типов этих образов.

В первую очередь, необходимо отметить нащёчные бляхи в виде изображения двух изогнутых лап хищного (фантастического?) зверя типа «Тузла—Бобрица».

Этот красивый выразительный сюжет был известен только в четырёх оригинальных экземплярах. Наше собрание позволяет увеличить известное количество этих экземпляров в два раза.

Достоинством внимания является изображение одной обособленной конечности с условной передачей пальцев и когтей (№ 294). По общей иконографии его можно отнести к типу «Ак-Бурун—Острая Могила», однако ряд деталей отличает его от других изображений этой серии. Обращает на себя внимание крайне схематизированное, «плоское» изображение пальцев лап и когтей животного, прямые аналогии которому отсутствуют. Также весьма редким, хотя и не уникальным является изображение четырёх пальцев. Подлинная оригинальность изображения — в частичной зооморфной трансформации, которая, при рассмотрении изображения в горизонтальной плоскости, придаёт ему вид лосиной головы. При этом роль рогов играют схематизированные пальцы; удлинённый миндалевидный глаз передан углублёнными контурными линиями, а массивный, загнутый под тупым углом нос является, одновременно, бедром / плечом животного. Отдельной углублённой линией передана пасть.

Безусловно, самое оригинальное — изображение когтистой лапы фантастического зверя из окрестностей Александровки (№ 366). Данное изображение представляет собой самостоятельный тип, непохожий ни на один из известных и позволяет сделать вывод о существовании отдельной линии изображений лапы фантастического зверя, наряду с изображениями антропоморфных кистей, либо стоящими на грани антропоморфизма и зооморфизма «лапами». Подчеркнутый реализм агрессивных деталей указывает в пользу выполнения данным предметом магической функции перенесения черт фантастического четырёхпалого хищника на его носителя.

Важным экземпляром является и изображение кисти человеческой руки

(№ 361). Это единственное изображение данного типа, зафиксированное в Крыму. По своей стилистике оно отличается от изображений кисти руки, известных по материалам Лесостепи условностью и сближается с изображением так называемых «медвежьих лап». Указанная особенность позволяет по-новому осветить важный и до сих пор открытый вопрос о месте изображения человеческой кисти в репертуаре скифского искусства.

Кисть человеческой руки является одним из немногих, а если мы говорим о предметах, выполненных в бронзе, то, пожалуй, единственным антропоморфным образом в составе изображений, присутствующих на предметах конской узда. Само его наличие в «зооморфной среде» скифского искусства настолько необычно, что до сих пор не нашло более менее вразумительного толкования с точки зрения смысловой нагрузки и общей роли в репертуаре звериного стиля. Именно эта чужеродность явно антропоморфного изображения «зоологическому коду» скифского искусства позволили В.А. Ильинской в свое время высказать гипотезу о его заимствованном характере, справедливо отмечая, что похожие изображения имелись в древностях многих, в том числе соседних со скифами народов Гальштатта и Кавказа (*Ильинская, 1968, с. 135*). Не оспаривая точку зрения о заимствованном характере данного мотива, необходимо всё же отметить, что даже в этом случае инокультурный образ должен был быть «идеологически адаптирован» к скифской картине мира. Вместе с тем, рука играла важную роль в некоторых скифских ритуалах и культах. Геродот в трёх местах своего рассказа недвусмысленно указывает на это. Во-первых, у скифов был обычай прокалывать левую руку стрелами в связи со смертью царя (*Herod., IV: 71*). Во-вторых, скифы отрубали правые руки врагам, приносимым в жертву Арею (*Herod., IV: 62*). В-третьих, они использовали кожу правой руки врагов для обтяжки колчанов (*Herod., IV: 64*). Последние два сообщения

с очевидностью указывают на магическую роль правой руки, которую использовали как некий боевой талисман, говорящий о силе и воинской доблести его носителя. Отсечение правой руки врага свидетельствовало о лишении его возможности держать оружие, т. е. о лишении его боевой силы. В этом магическом смысле семантика руки сближается с семантикой звериных лап, которые также были призваны подчеркнуть определенные боевые характеристики их носителей¹⁶.

Представленная гипотеза подтверждается находкой бляхи в виде кисти человеческой руки в Юго-Восточном Крыму. Содержа в себе как человеческие (пять пальцев, выделенный большой палец), так и звериные (тонкие длинные фаланги, заострённые на кончиках, отсутствие выделения ногтей, непропорционально длинный большой палец) черты, данное изображение является неким семантическим мостиком между образом звериной лапы и руки человека. Оно свидетельствует в пользу наличия переходных типов между образами руки человека и лапы зверя, в пользу некоего «морфинга» одного образа в другой. При этом наиболее ярким и радикальным изображением «звериной лапы» является упомянутая бляха № 366 из окрестностей Александровки, а ее «антропоморфной противоположностью» — кисти человеческой руки из Аксютинец, Крячковки (курган № 1), Нартана II (курган № 1), Ассиновской (курган № 3) (Канторович, 2012, с. 44).

¹⁶ В своей статье «Гадания у алтаря скифского Ареса» А.Ю. Алексеев предположил, что изображение блях в виде кисти человеческой руки, также как и обряд отсечения правых рук врагов, могли быть связаны с практикой культового гадания (Алексеев, 2011, с. 64). Не отрицая эту версию, хотелось бы обратить внимание на два других скифских ритуала, связанных с рукой. И использование правой руки врагов для украшения колчанов, и прокалывание собственной левой руки в знак скорби за царем говорят, скорее, о магической функции данных культов, отображением чего могла служить группа бляшек с изображением кисти человеческой руки.

О таком морфинге могут свидетельствовать и изображения, относимые к так называемым «медвежьим лапам». Некоторые из них, как уже справедливо отмечалось исследователями, находятся на стыке антропоморфности и зооморфности (Канторович, 2012, с. 53) и могут трактоваться одновременно как кисть руки, и как лапа хищного зверя. В нашем собрании к такому «пограничному» образу могут быть отнесены изображения под № 362—364. При этом у изображения № 362 запястье заужено, что в большей степени сближает его с человеческой кистью, в то время как у остальных оно достаточно широкое.

Вместе с тем, в недавней работе Л.И. Бабенко обратил внимание на тот факт, что на каменных антропоморфных изваяниях скифского времени кисти изображены как с анатомически верными, короткими большими пальцами, так и с пятью пальцами одинаковой длины (Бабенко, 2014, с. 19—21). То есть, изображение кисти с пятью пальцами равной длины не следует механически относить к изображениям звериных лап, тем более, точно идентифицируя их с лапой медведя. Это подтверждает нашу гипотезу относительно морфинга образа кисти человеческой руки в лапу хищного зверя или наоборот, звериной лапы в образ человеческой кисти. Семантическим основанием такого морфинга могла быть некая общность магической и ритуальной функции образов звериной лапы и человеческой руки в скифском мифологическом сознании. Естественно, вопрос о направлении такого морфинга (от руки человека к лапе зверя или наоборот), его хронологии, особенностях, уточнении семантики, роли заимствований требует более углублённого специального исследования.

В сравнении с обособленными конечностями хищников, относительно небольшую группу представляет условное изображение когтя хищной птицы (№ 197—206). Оно находит полные аналогии как в Левобережной, так и Правобе-

режной Лесостепи. Находки аналогичных изображений в Юго-Восточном Крыму расширяют наше знание о бытовании этих образов и на степную зону.

Наконец, нужно отметить пять своеобразных изделий, обозначенных в Каталоге как «бляхи в виде рогов с зооморфными превращениями» (№ 207, 208, 308—310). Композиция состоит из трёх длинных боковых отростков, «вырастающих» из общего основания, при этом два левых отростка противонаправлены по отношению к одному правому. Каждый из отростков передан при помощи одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. Иконографически данная композиция очень близка изображениям обособленных конечностей из Нимфейского некрополя (курган № 1, гробница № 14) и Акташского могильника (курган № 48) (Канторович, 2012, с. 34, 35). Указанные изображения, при горизонтальном их рассмотрении, представляют собой голову лося, в «которой когти конечностей играют роль отходящих назад отростков лосиных рогов» (Канторович, 2012, с. 35). Это подтверждает наше предположение о том, что экземпляры под № 207, 208, 308—310 можно рассматривать как рога с зооморфными превращениями, хотя и не исключает возможности их полисемантической функции — как рогов, и как «пальцев» фантастического животного. С большой долей вероятности можно предположить производность этих образов от изображений, представленных в Нимфейском и Акташском некрополях. В какой-то момент времени (не позднее второй половины V в. до н. э.) образ хищных когтей / лосиных рогов обретает самостоятельный характер и начинает использоваться в качестве детали конской упряжи. В пользу трактовки данного образа именно как рогов говорит и вторичное использование одного из изделий (экземпляр № 311). Обломок бляхи в виде рогов с зооморфными превращениями был

использован для создания образа оленьей головки. При этом основанием рогов была передана голова животного (с минимальной доработкой в виде глаза), а его рога полностью совпали с двумя левыми отростками «старого» образа.

Завершая краткий обзор репертуара и особенностей изображений звериного стиля, представленных в Каталоге, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, репертуар образов находит аналогии на широких пространствах скифского мира от Причерноморья до Центральной Азии и Южной Сибири. Однако, наиболее существенны аналогии с предметами Левобережной Лесостепи (лаконичные безрогие головки лосей, лаконичные орлиные головки, простые кабаньи головки), Правобережной Лесостепи и Степи (ажурные лосиные головки, некоторые виды наносников, сильно стилизованные конечности хищника), Кубани и Северного Кавказа (ажурные головки кабанов, орлиноголовые бутероли). Некоторые из приведенных выше изображений считались отличительными локальными особенностями указанных регионов. Наличие подобных изображений в Крыму, с одной стороны, может свидетельствовать о развитых контактах населения этой территории с различными скифскими племенами, а также о значении Крыма как своеобразного перекрестка древних путей. С другой стороны, и к этому выводу мы склоняемся в большей степени, это может свидетельствовать о единстве репертуарного и иконографического «ядра» скифского зооморфного искусства конца VI — первой половины IV веков до н. э., проявляющегося в различных регионах. Не отрицая локальной специфики звериного стиля на отдельных территориях, которая начинает проявляться с V века до н. э., мы можем наблюдать внушительный ряд образов, идентичных не только по иконографии, но и по стилистике для различных территорий Скифии.

Во-вторых, в свете вышесказанного, утрачивает свою убедительность взгляд,

в соответствии с которым отличие репертуара искусства звериного стиля лесостепных племен в VII—VI, а также в V вв. до н. э. от искусства, представленного в Степи, обусловлено спецификой локальной фауны. Скорее всего, особенности фауны играли какую-то роль, однако отнюдь не основную и даже не второстепенную. Основное значение имела та семантическая нагрузка, которую несли изображения, выполненные в зверином стиле в общих мифологических и магических представлениях скифов. Ярким подтверждением тому являются обильно представленные в Юго-Восточном Крыму изображения таких «северных» животных, как лоси, причём как отдельных головок, так и целых фигур в жертвенной позе.

В-третьих, обращает на себя внимание наличие в собрании значительного количества однотипных изображений, происхождение которых, судя по находкам соответствующих литейных форм и матрицы, может быть связано с центрами металлообработки Северного Причерноморья, в частности с Ольвией. К ним относятся:

- серия однотипных орлиных головок под № 348—353 (матрица с изображением головки идентичной иконографии и схожей стилистики происходит из Ольвии) (*Ольговский, 2014, с. 121*);
- серия однотипных блях с лаконичным изображением головки хищника (кошачьего, волчьего, медвежьего) под № 327—335. Из урочища Аджигол близ Ольвии происходит литейная форма (*Ольговский, 2014, с. 146, 147*), в точности воспроизводящая указанную иконографическую схему лаконичной головки хищника;
- голова кабана (№ 323) находит аналогию в литейной форме, происходящей с античного поселения Кошары близ Одессы (*Левина, Острроверхов, Редина, 1993, с. 88; рис. 3: 1, 2*).

Широкая популярность изображений орлиных головок, головок хищного зверя и кабана может свидетельствовать о

различных центрах изготовления данных изделий. Однако, наличие в некоторых случаях практически полных совпадений между изображениями на литейной форме и матрице, с одной стороны, и на изделии — с другой, заставляет поставить вопрос о возможных связях скифов Юго-Восточного Крыма с торевтами, оставившими свои формы в зоне непосредственного влияния Ольвии. Прояснение данного вопроса, разумеется, требует отдельного исследования.

В-четвертых, ряд представленных в коллекции предметов чётко указывает на наличие *местного, крымского производства* изделий в зверином стиле. В первую очередь, это относится к наноснику под № 260 с очевидными следами браковки и литником, а также к идентичным наносникам под № 258 и 259. Неудалённые литники также заметны на двух фигурках горных козлов (№ 315, 316) — одного из наиболее традиционных образов скифского искусства. В пользу наличия местной школы производства свидетельствует и вторичная обработка изображения рогов с зооморфными превращениями, когда, видимо отломанная еще в древности часть изделия, была использована для создания образа оленьей головки (экземпляр № 311). При этом единственной доработкой стало углубление с выпуклым кружком, передающее глаз. Однако и она требовала профессиональных навыков, которыми могли обладать только мастера-торевты, специализирующиеся на производстве предметов звериного стиля. Учитывая исключительно крымскую локализацию находок ременных пряжек в виде скачущего всадника и скачущей лошади, производство данной серии, включая и экземпляр № 186, также можно считать местным. Наконец, в силу уникальности данных экземпляров, можно высказать предположение о местном производстве двух наносников с двумя зооморфными головками — кошачьей и волчьей — и двумя отверстиями (№ 277, 278).

В целом, в нашей коллекции выделяется несколько хронологических групп вещей скифской культуры. Наиболее ранняя из них — *конец VIII — 1-я половина VII вв. до н. э.* Она представлена исключительно немногочисленными предметами вооружения: биметаллический меч с рамочной рукоятью, найденный у северных предгорий массива Караби-Яйла, между сёлами Межгорье, Барабаново Белогорского района, 44 бронзовых двулопастных наконечника стрел с ромбической головкой, так называемого жаботинского типа и замечательная бляшка от конской узды в виде горного козла. Два наконечника (пгт. Морское, Судакский район) — полуфабрикаты, с неудалёнными литниками. Двадцать пять наконечников найдены между сёлами Ворон и Междуречье Судаковского района. Точное место находки 16 наконечников не известно — Юго-Восточный Крым, 1 экземпляр обнаружен у с. Межгорье. Следует подчеркнуть, что столь ранних скифских захоронений пока на полуострове не зафиксировано.

Вторая хронологическая группа — *2-я половина VII — 1-я половина VI вв. до н. э.* — представительнее и по количеству, и по ассортименту находок. Она состоит из 16 акинаков и меча, 6 бронзовых бутеролей от ножен мечей или кинжалов, 55 бронзовых наконечников стрел: в первую очередь двулопастные с лавролистной головкой (один из наконечников — полуфабрикат), а также с треугольной головкой, трёхлопастные и трёхгранные экземпляры. В ней уже есть и единичные предметы конской упряжи — распределительные пряжки-пронизи: украшенная скульптурной головой барана (район Старого Крыма), а также клювовидной формы (с. Межгорье, Белогорский район) и маленькая бляха в виде головы быка в фас (Юго-Восточный Крым). Совершенно замечательными находками являются два бронзовых навершия с изображениями голов быка и грифобарана. Заметим, что к этому времени в Крыму уже известны немногочисленные архаические скифские

погребения, но в них предметы вооружения (в частности акинаки и детали конской упряжи) — единичны.

Третья хронологическая группа — *2-я половина VI—V вв. до н. э.* — примечательна не столько количеством и разнообразием предметов вооружения, сколько резким, на порядки, увеличением числа и состава деталей конской упряжи. Действительно для этого времени в коллекции отмечено лишь 10 акинаков, меч и 23 экз. наконечников стрел. Но наряду с этим присутствует группа культовых предметов — бронзовые навершия, топорики-скипетры, железные ножи, украшенные в традициях скифского звериного стиля. К этому периоду принадлежат немногочисленные псалии, серия выразительных нащечных блях, ряд наносников, более 70 маленьких блях — украшений конского оловья.

Четвёртая хронологическая группа — *конец V—IV вв. до н. э.* — также интересна, в первую очередь, расширением ассортимента артефактов скифской материальной культуры. Предметов вооружения в ней немного — один меч и 19 наконечников стрел (из которых 10 — костяные). Однако к данному времени относятся такие, редко встречаемые в Северном Причерноморье, аксессуары скифского воинского костюма, как пряжки-крючки горитов (колчанов) или портупей, поясные пряжки в виде скачущего всадника или лошади, а также предметы, связанные с работой эллинских торевтов, производящих свою продукцию на заказ скифской элиты — бронзовые матрица и штамп. Довольно разнообразны для этой группы детали конской упряжи, прежде всего замечательная серия конских наносников и маленьких блях. Ряд из них достаточно оригинален и не имеет аналогий не только в скифских древностях Крыма, но и в степной, и лесостепной областях Восточной Европы.

Подчеркнём, что ко времени этих двух хронологических групп (особенно четвёртой) относится довольно значительное

Карта основных мест концентрации находок, представленных в Каталоге (укрупнённо)

число погребальных памятников скифов на полуострове.

Несмотря на то, что многие предметы, составляющие коллекцию, обнаружены в различных пунктах полуострова, несомненно, наблюдается концентрация значительного их числа в совершенно определённых местах, начиная от эпохи архаики и на протяжении всего скифского периода. К таковым, на наш взгляд, прежде всего, относятся 3 географических района Внутренней гряды Крымских гор, на ближайшем пограничье с Крымской Степью, расположенные по линии с запада на восток. Это район современного с. Межгорье, недалеко от северных предгорий массива Караби-Яйла, доминирующего над окружающей местностью (высота над уровнем моря в районе с. Межгорье — 380 м, на Караби-Яйла — максимальная высота более 1100 м), горный массив Кубалач (восточная часть внутренней гряды Крымских гор, высота над уровнем моря более 700 м) и горный массив Агармыш близ Старого Крыма

(самая восточная часть внутренней гряды Крымских гор, высота над уровнем моря 722,5 м)¹⁷. Иными словами, именно в этих доминирующих над окружающими местностями Юго-Восточного Крыма пунктах и наблюдается сосредоточение ярких артефактов скифской культуры, начиная от древнейших образцов (серия акинаков, в том числе биметаллический меч с рамочной рукоятью конца VIII — начала VII вв. до н. э., ранние наконечники стрел, отдельные детали конской упряжи) и по находки IV в. до н. э.

Характер преобладающего числа находок, составляющих коллекцию, их хронологические позиции, выразительная концентрация части артефактов скифской культуры в определённых районах Юго-Восточного Крыма позволяют высказать некоторые соображения по отдельным

¹⁷ По нашим сведениям, в районе горного массива Агармыш в последние годы найдены акинаки, бронзовые наконечники стрел и детали конской упряжи, которые, увы, не попали в настоящую коллекцию.

Район Межгорья и северного предгорья Караби-Яйла

Район Белогорска и горный массив Кубалач

Горный массив Агармыш — Присивашская Степь

аспектам истории полуострова в скифскую эпоху.

Древнейшие находки скифской культуры — упомянутые биметаллический меч с рамочной рукоятью (между сёлами Межгорье и Барабаново, у северного предгорья массива Караби-Яйла), ряд архаических наконечников так называемого жаботинского типа (Юго-Восточный Крым; с. Межгорье и особенно в районе сс. Ворон—Междуречье Судакского района), бляха от конской узды, на наш взгляд, недвусмысленно свидетельствуют о проникновении на полуостров, вплоть до Крымских гор, в конце VIII — 1-й половине VII вв. до н. э. какой-то группы воинственных кочевников. И хотя нам пока не известны погребения этого времени (к слову их нет и в степной части Северного Причерноморья), отрицать этот факт нет оснований. Мало того, находки двух наконечников стрел со следами неудалённых литников, т. е. полуфабрикатов, подтверждающих местное производство стрел жаботинского типа, как будто, говорят в пользу не эпизодического рей-

да номадов на указанную территорию, а определённого временного пребывания их на полуострове. Эта ситуация вполне вписывается в контекст ныне хорошо выделяемой по погребальным памятникам (в основном южных пределов украинской Правобережной Лесостепи, степных районов Прикубанья, лесостепных и предгорных районов Северного Кавказа) *первой волны* азиатских кочевников, принесших в Восточную Европу элементы древнейшей скифской культуры (подробно об этом: *Скорый, 2003, с. 73—77*). Учитывая географическую близость Крыма и Прикубанья, мы вправе предположить, что древнейшие кочевники пришли на полуостров с указанной территории. Значительное количество наконечников жаботинского типа (более 200 экз., в нашей коллекции — 25 из них), с изогнутыми в ряде случаев остриями, происходящих из находок у сс. Ворон—Междуречье, на стыке с гористой крымской местностью, похоже, свидетельствуют о серьёзных боевых действиях, которые велись скифами *первой волны*. Учитывая место обнару-

жения находок, вблизи со скалистыми массивами, противниками древнейших скифов могли являться местные горские племена так называемой кизил-кобинской культуры — древнейшие тавры.

Концентрация многочисленных и разнообразных аксессуаров воинского быта скифов — оружия, предметов конской упряжи со 2-й половины — конца VII в. до н. э. и по рубеж IV — III вв. до н. э., т. е. на протяжении, по сути, всего скифского периода, в наиболее высоких местах горных массивов Юго-Восточного Крыма — на Кубалаче, Агармыше, и у подножья величественного плато Караби-Яйла, по нашему представлению, также ярко отражает факт соприкосновения двух миров — кочевников-скифов и горцев-тавров. И судя по характеру находок, эти контакты имели отнюдь не мирный характер. Каковы были причины продвижения скифов-конников в высокие гористые места мы не знаем. Возможно, это были попытки номадов контролировать перевалы, отслеживать продвижение тавров. По-видимому, эти акции сопровождались эпизодическими военными столкновениями с горцами, чем и объясняется столь значительное количество утраченного скифского оружия и деталей конской упряжи в гористой местности. Как пример: на Кубалаче — все без исключения акинаки и большинство деталей конской узда найдены на вершинах гор или их склонах. К слову сказать, мы вовсе не исключаем, что

подобные военные мероприятия имели место и в более раннее, предскифское время, когда противниками местных горских племён являлись степняки-киммерийцы. Во всяком случае, на эту мысль наводят находки, например, на горном массиве Кубалач бронзовых удиц и ряда наконечников стрел, свойственных материальной культуре степняков предскифского времени¹⁸.

Разумеется, к числу важнейших предметов, представленных в Каталоге, относятся две великолепные находки IV в. до н. э. — бронзовые матрица и штамп для изготовления аппликаций из драгоценных металлов, по-видимому, инструментарий эллинских мастеров-торевтов. Напомним, что предметы найдены на селищах, расположенных на небольшом расстоянии от элитных скифских некрополей на горном массиве Ак-Кая близ Белогорска. Есть основания думать, что на указанных селищах временно обитали греческие торевты, работающие на заказ знати скифского объединения, локализуемого в юго-восточной части полуострова. Иными словами — этот факт вносит новый нюанс в широкий спектр взаимоотношений кочевников с эллинским миром на позднем этапе истории классических скифов Крыма.

¹⁸ В настоящее время нами готовится работа, посвящённая древностям киммерийского времени из Юго-Восточного Крыма.

A scenic view of a rocky coastline with a sandy beach and the ocean under a hazy sky. The text is centered in the upper half of the image.

**ЛИТЕРАТУРА
И АРХИВНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

- Алексеев А.Ю. Уникальные украшения конской узды из Александропольского кургана // Петербургский археологический вестник. — 1993. — № 6. — С. 72—75.
- Алексеев А.Ю. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И.Е. Забелина в 1868 году) // АСГЭ. — 1995. — № 32. — С. 53—59.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003. — 416 с.
- Алексеев А.Ю. Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. Марку Борисовичу Шукину. — СПб., 2011. — С. 61—66.
- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб., 2012. — 271 с.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). — К., 1991. — 415 с.
- Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. — 1988. — № 1. — С. 159—170.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. — К., 1977. — 179 с.
- Артамонов М.И. Этногеография Скифии // Уч. зап. ЛГУ. — 1949. — Вып. 13. — С. 129—172.
- Археологические исследования в РСФСР за 1934—36 гг. — М., 1941. — 328 с.
- Бабенко Л.И. Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н. е.) // Проблеми археології Восточної Європи: К 85-літтю Бориса Андреевича Шрамко. — Харків, 2008. — С. 28—38.
- Бабенко Л.И. Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине // Эпоха раннего железа: Сб. науч. трудов к 60-летию С.А.Скорого. — Киев; Полтава, 2009. — С. 19—29.
- Бабенко Л.И. Об атрибуции уздечных блях из Перещепинского курганного могильника // Феномен Більського городища 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є.В. Черненка. — Київ; Полтава, 2014. — С. 18—21.
- Бандуровский А.В. Ольвия как один из центров производства изделий в зверином стиле // АБУ 2000—2001 рр. — К., 2002. — С. 89—90.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. — К., 2000. — 244 с.
- Батчаев В.М. Древности скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. — Нальчик, 1985. — Т. 2. — С. 19—115.
- Белозор В.П., Скорый С.А. Архаический скифский меч из Киева // СА. — 1985. — № 1. — С. 255—256.
- Бессонова С.С. Погребение IV в. до н. э. из Трёхбратнего кургана // Скифские древности. — К., 1973. — С. 243—252.
- Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. — К., 1988. — 219 с.
- Бессонова С.С., Быковская Н.В., Детерлинг Й. и др. Трёхбратние курганы. Курганная группа второй половины IV—III вв. до н. э. в Восточном Крыму. — Симферополь; Бонн, 2008. — 288 с.
- Бессонова С.С., Кирилин Д.С. Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана // Скифские древности. — К., 1977. — С. 128—139.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. — 1986. — № 4. — С. 158—170.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — Киев; Краков, 2001. — 156 с. + 86 табл. илл.
- Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы Степного Крыма. — К., 1984. — С. 41—68.
- Бидзия В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.
- Бидзия В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. — К., 1977. — С. 61—158.
- Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб., 1901. — Т. 3. — 171 с.
- Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII—IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). — Харьков, 2001. — 142 с.
- Болтрик Ю.В. Повозки как показатель целостности комплекса скифского кургана // Эпоха раннего железа: Сб. науч. трудов к 60-летию С.А.Скорого. — Киев; Полтава, 2009. — С. 39—47.
- Болтрик Ю.В., Вознесенська Г.О., Фіалко О.Є. Залізний кинджал із Трахтемирівського городища // Археологія. — 2003. — № 2. — С. 101—108.
- Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии. — К., 1991. — С. 98—107.
- Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца // СА. — 1981. — № 1. — С. 170—177.
- Брумяко И.В. Ранние кочевники в Европе X—V вв. до Р.Х. — Кишинёв, 2005. — 358 с.

- Вальчак С.Б. Предметы эпохи поздней бронзы — раннего железа из коллекций Восточной Украины и их аналогии // АЛЛУ. — 1998. — № 1—2. — С. 19—22.
- Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. — 2004. — Вып. 11. — С. 275—297.
- Васильев С.В. Предметы неизвестного назначения из фондов Казанского музея // Евразия сквозь века. — СПб., 2001. — С. 77—80.
- Вахтина М.Ю. О начале распространения южно-италийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. — СПб., 2004. — С. 204—211.
- Васеловский Н.И. Скифский всадник // ИТУАК. — 1891. — № 14. — С. 81—83.
- Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. — Грозный, 1972. — 389 с.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 184—199.
- Власова Е.В. Куль-Оба. Кто погребён? // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке. — СПб., 2013. — С. 96—99.
- Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н. э. — Владикавказ, 2002. — 181 с.
- Ворошилов А.Н. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги // РА. — 2007. — № 3. — С. 150—156.
- Гаврилов А.В. Скифское погребение у с. Фрунзе в Крыму // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — 1993. — IV. — С. 201—205.
- Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. — Симферополь, 2004. — 368 с.
- Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у с. Кринички в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. — Симферополь, 2001. — Вып. 1. — С. 23—43.
- Гаврилов А.В., Тоцев Г.Н. Курганы у с. Молочное в Центральном Крыму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. — Київ, 2014. — Вип. XVII. — С. 34—70.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. — М., 1997. — Т. I. — 270 с. + 44 табл.
- Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.
- Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). — М., 2010. — 343 с.
- Гуляев В.И. О некоторых мотивах звериного стиля в искусстве населения Среднего Дона скифской эпохи // Восточноевропейские древности. — Воронеж, 2012. — С. 125—154.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. — 2010. — № 2. — С. 51—66.
- Древний город Нимфей. Каталог выставки. — СПб., 1999. — 138 с.
- Древности Босфора Киммерийского. — СПб., 1854. — Т. I. — 280 с. + CLIV.
- Древности Босфора Киммерийского. — СПб., 1854. — Т. II. — 340 с.
- Древности Геродотовой Скифии. — СПб., 1866. — Вып. 1. — 28 с. + атлас.
- Дударев С.Л. Новые комплексы позднейшего предскифского времени с Северного Кавказа // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 155—170.
- Дударев С.Л. Новые данные о кавказском генезисе акинаков // Сборник научных работ С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 223—227.
- Дударев С.Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» — памятник раннего железного века Пятигорья // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 233—260.
- Дударев С.Л. Комплекс вооружения и конской сбруи из Пятигорского краеведческого музея // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 261—265.
- Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 75—82.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 85—115.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы Степной Скифии. — К., 1991. — С. 72—97.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. — Л., 1983. — 190 с.
- Зарайская Н.П., Привалов А.И. Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий археологический сборник. — 1992. — № 2. — С. 118—160.
- Золотые олени Евразии. — СПб., 2001. — 247 с.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии. — М., 2001. — Т. II. — 324 с.
- Іллінська В.А. Скіфські сокири // Археологія. — 1961. — Т. XII. — С. 27—52.
- Іллінська В.А. Про скіфські навершники // Археологія. — 1963. — Т. XV. — С. 33—60.

- Ильинская В.А. Культурные жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии (МИА. — № 130). — М., 1965. — С. 206—211.
- Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. — 1965. — № 1. — С. 68—107.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 203 с. + 63 табл.
- Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. — К., 1973. — С. 42—63.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 222 с.
- Ільїнська В.А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. — 1973. — № 12. — С. 13—26.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у села Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—63.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 84—93.
- Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля Степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы (Материалы и исследования по археологии России — № 1). — М., 1997. — С. 97—113.
- Канторович А.Р. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ источников и эволюции // Stratum plus. — 2012. — № 3 (Эллинизм и иранство). — С. 17—71.
- Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. — М., 2006. — 232 с.
- Кашпар А. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И. Веселовским в 1895 г. // ИТУАК. — 1896. — Вып. 24. — С. 138—150.
- Керефов Б.М., Кармов Т.М. Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. — Нальчик, 2009. — 50 с.
- Кирилин Д.С. Трёхбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968. — С. 178—188.
- Кисель В.А. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермесса. — СПб., 1997. — 110 с.
- Кислий О.Е., Скорый С.А. Скифське поховання V ст. до н. е. поблизу Керчі // Археологія. — 1990. — № 2. — С. 128—130.
- Ковалёв Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы Степной Скифии. — К., 1991. — С. 33—53.
- Ковалёва И.Ф., Мухонад С.Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья // Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). — Днепропетровск, 1979. — Вып. 3. — С. 112—123.
- Ковпаненко Г.Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР. — 1962. — Вып. 12. — С. 66—72.
- Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII—VII вв. до н. е. // Археологія. — 1966. — Т. 20. — С. 174—179.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. — К., 1994. — С. 41—63.
- Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. Скифские курганы у с. Ковалёвка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. — К., 1978. — С. 133—150.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 39—58.
- Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи // Stratum plus. — 2003—2004. — № 3 (Скифия, Фракия и эллинский мир). — С. 265—288.
- Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., Батуревич Е.Ю. Курганы скифского часу поблизу с. Іванівка на Київщині // Археологія. — 1996. — № 4. — С. 101—114.
- Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы-начале раннего железного века. — К., 1996. — 157 с.
- Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. — Симферополь, 2000. — 119 с.
- Колтухов С.Г. Курганы Кулаковского // ХСб. — 1998. — IX. — С. 17—25.
- Колтухов С.Г. Золотой Симферопольский курган // ХСб. — 1999. — X. — С. 7—20.
- Колтухов С.Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. — Запоріжжя, 2005. — XII. — С. 259—299.
- Колтухов С.Г. Курганы IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // Древности Боспора. — М., 2006. — Т. 9. — С. 228—259.
- Колтухов С.Г. Основное погребение Беш-Оба IV // Древняя Таврика: Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высокской. — Симферополь, 2007. — С. 193—199.
- Колтухов С.Г. В поисках Дорт-Обы и Талаевского кургана // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2008. — Вып. 3. — С. 16—23.

- Колтухов С.Г. Основное погребение кургана Беш-Оба 4/2 // Древняя Таврика. — Симферополь, 2008а. — С. 193—206.
- Колтухов С.Г. Случайные находки предскифского и скифского времени из горной и предгорной части Крымского полуострова // Херсонесский колокол. — Симферополь, 2008б. — С. 243—250.
- Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII—IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. — Симферополь, 2012. — 138 с.
- Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII—IV вв. до н. э. (погребальные памятники). — Донецк, 2012а. — 268 с. (Археологический альманах. — № 27).
- Колтухов С.Г. Скифы горной части Крымского полуострова (регион, ресурсы и хозяйственная деятельность, история изучения) // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. — Київ, 2014. — XVII. — С. 122—153.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991—1992 гг.). — Запорожье, 1994. — 122 с.
- Колтухов С.Г., Мыц В.Л., Колотухин В.А. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тез. докл. Междунар. конф. — Севастополь, 1997. — С. 51—57.
- Колтухов С.Г., Мыц В.Л. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму (некоторые результаты полевых исследований) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2. — С. 27—44.
- Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Курган Пастака // Альманах «История оружия». — 2014. — № 10. — С. 75—102.
- Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Курганы скифского времени у села Аиш в Западном Крыму (по материалам раскопок 1883 г.) // АСГЭ. — 2013. — Вып. 39. — С. 126—136.
- Колтухов С.Г., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма — II (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993—1995 гг.). — Запорожье, 1998. — 194 с.
- Копейкина Л.В. Родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. — 1972. — № 1. — С. 147—159.
- Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. — Л., 1986. — С. 287—74.
- Копылов В.П. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА АН СССР. — 1980. — № 162. — С. 24—27.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). Проблема стиля и этнокультурной принадлежности. — СПб., 2006. — 271 с.
- Корпусова В.Н. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. — 1980. — № 2. — С. 100—101.
- Корпусова В.Н. Курганы у с. Целинное // Курганы Степного Крыма. — К., 1984. — С. 69—107.
- Корпусова В.М., Орлов Р.С. Могильник VI—IV ст. до н. э. на Керченском півострові // Археологія. — 1978. — № 28. — С. 65—85.
- Косиков В.А. Производство бронзовых художественных изделий в Скифии в VII—V вв. до н. э. — Донецк, 1994. — 210 с.
- Кравченко Е.А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. — Київ; Луцьк, 2011. — 170 с.
- Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры. — М., 1981. — 125 с. (САИ. — Вып. Д 1—7).
- Кропотов В.В. Курган с «коллективными» погребениями IV в. до н. э. в Предгорном Крыму // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. — Киев; Полтава, 2009. — С. 200—221.
- Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалёв Н.Н. Братолюбовский курган. — К., 2009. — 192 с.
- Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности Степной Скифии. — К., 1982. — С. 130—148.
- Кулатова И.М. Біметалевий кинджал з Градизька // ПАЗ. — 1994. — № 2. — С. 109—111.
- Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — Москва; Полтава, 1993. — 108 с.
- Кулатова И.М., Сидоренко О.В. Бляха із зображенням голови лося з Нижнього Посулля // Старожитності Лівобережного Подніпров'я 2014. — Київ; Полтава, 2014. — С. 137—140.
- Кулатова И.Н., Скорый С.А., Супруненко А.Б. Раннескифское погребение на юге Приднепровской Левобережной террасовой лесостепи (к вопросу о переднеазиатских инновациях в восточноевропейском зверином стиле) // АЛЛУ. — 2006. — № 1. — С. 48—60.
- Лашков Ф. Раскопки курганов в дер. Тавкель-Нейман // ИТУАК. — 1895. — № 22. — С. 116—117.
- Левина З.А., Островерхов А.С., Редина Е.Ф. О производстве изделий в зверином стиле на территории ольвийского полиса // Древности причерноморских степей. — К., 1993. — С. 86—91.
- Левіцький О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древ-

- ности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. V. — С. 41—53.
- Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. — К., 1965. — 200 с.
- Лесков А.М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. — 1968. — № 1. — С. 158—165.
- Лесков О.М. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974. — 124 с.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтowa И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV—III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. — М., 2013. — 183 с.
- Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — М., 1965. — 112 с. (САИ. — Вып. Д 1—31).
- Лугова Л., Луговий Р., Ткаченко О. До історії вивчення археологічної спадщини В.М. Щербаківського (за матеріалами розкопок на Переяславщині) // Переяславка. Наук. зап.: Зб. наук. ст. — Переяслав-Хмельницький, 2011. — Вип. 5 (7). — С. 163—171.
- Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. — Ростов-на-Дону, 1983. — 172 с.
- Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стигля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 210—218.
- Максимов Е.К., Полесских М.В. Заметки об акинаках // СА. — 1971. — № 2. — С. 238—242.
- Максимов Е.В., Петровская Е.А. Древности скифского времени Киевского Поднепровья. — Полтава, 2008. — 125 с.
- Манцевич А.П. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. — К., 1957. — С. 155—173.
- Манцевич А.П. Курган Солоха. — Л., 1987. — 144 с.
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991. — 132 с.
- Махортых С.В. Скифська вузда Перещепинського могильника // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006. — С. 57—76.
- Махортых С.В., Ролле Р. «Парадний» меч V в. до н. э. из Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Феномен Більського городища 2014. — Київ; Полтава, 2014. — С. 100—105.
- Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. — М., 1999. — 160 с.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 90 с. + 23 табл. (САИ. — Вып. Д 1—4).
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 256 с.
- Мелюкова А.И. Краснокутский курган. — М., 1981. — 121 с.
- Могиллов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
- Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. — К., 1975. — С. 187—234.
- Мозолевский Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 250 с.
- Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—164.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна, Соболева Могила. — К., 2005. — 600 с.
- Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 134 с.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р. Спільні дослідження археологів України та Німеччини у Більську // ПАЗ. — 1995. — Вип. 3. — С. 50—56.
- Мурзин В.Ю., Черненко Є.В. Скiфський курган поблизу с. Днепряни // Археологія. — 1979. — № 27. — С. 22—36.
- Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г. Скифские воины. — Запорожье, 2010. — 20 с.
- Нечитайло А.Л., Бунятян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // Курганы Степного Крыма. — К., 1984. — С. 6—40.
- Новицenkова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. — Ялта, 2012. — 215 с.
- ОАК за 1869 г. — СПб., 1871. — 256 с.
- ОАК за 1870—1871гг. — СПб., 1874. — 303 с.
- ОАК за 1875 г. — СПб., 1876. — 224 с.
- ОАК за 1882—1888 гг. — СПб., 1891. — СССРХХ-IV + 133 с.
- ОАК за 1890 г. — СПб., 1893. — 151 с.
- ОАК за 1891 г. — СПб., 1893. — 187 с.
- ОАК за 1895 г. — СПб., 1897. — 201 с.
- Ольговський С.Я. Скiфо-антична металообробка архаїчного часу. — М., 2011. — 224 с.
- Ольговский С.Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. (по материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья). — М., 2014. — 278 с.
- Ольховский В.С. Население Крыма по античным источникам // СА. — 1981. — № 3. — С. 98—115.
- Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. — 1982. — № 4. — С. 61—81.
- Ольховский В.С. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. — М., 1990. — С. 98—115.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991. — 256 с.

- Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. — Симферополь, 1990. — 128 с.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — М., 1970. — 210 с. (САИ. — Вып. Д 1—27).
- Островерхов А.С. Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк, 2005. — Т. 2. — С. 219—266.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. — М., 2012. — 471 с.
- Патрушев В.Х., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). — М., 1982. — 277 с.
- Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. — 1980. — № 2. — С. 23—44.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. — М., 1994. — 203 с.
- Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — М., 1967. — 180 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
- Плешивенко А.Г. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1991. — Вып. 2. — С. 143—152.
- Полідович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в искусстве скифского мира // РА. — 1994. — № 4. — С. 63—78.
- Полідович Ю.Б. Скifські хрестоподібні бляхи // Археологія. — 2000. — № 1. — С. 35—48.
- Полідович Ю.Б. Изображения свернувшегося хищника в декоре скифских мечей и их ножен // Феномен Більського городища 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є.В. Черненка. — Київ; Полтава, 2014. — С. 112—115.
- Полідович Ю.Б., Вольная Г.Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. — М., 2005. — С. 415—436.
- Полін С.В. Хронологія ранньоскифських пам'яток // Археологія. — 1987. — С. 17—36.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Дона (публикация комплексов). — М., 2001. — 271 с.
- Пыздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. — Симферополь, 2007. — 480 с.
- Пыздровский А.Е., Тоцев Г.Н. Курган у с. Цветочное в Белогорском районе Крыма // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. — Київ, 2014. — IX. — С. 149—159.
- Пьянков А.В. Бронзовый зооморфный наконечник акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского — М., 2005. — С. 448—450.
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры. — М., 2006. — 600 с.
- Ролле Р., Махортих С.В., Черненко Е.В. Комплекс кінського спорядження середини I тис. до н.е. з басейну Ворскли // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006. — С. 101—194.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. — Л., 1925. — 621 с.
- Руденко С.И., Руденко С.Н. Искусство скифов Алтая. — М. 1949. — 88 с.
- Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. — М., 1988. — 782 с.
- Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Донской (Потуданской) археол. эксп. ИА РАН 2001—2003 гг. — М., 2004, с. 151—277.
- Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Донской археол. эксп. ИА РАН, 2004—2008 гг. — М., 2009. — С. 221—326.
- Сергацков И.В. Новые находки скифского времени в Волгоградской области // СА. — 1988. — № 3. — С. 249—251.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. — 1959. — № 69. — С. 5—107.
- Скорый С.А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. — 1977. — № 1. — С. 280—281.
- Скорый С.А. Скифские мечи с лучковидным перекрестьем // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — К., 1982. — С. 83—86.
- Скорый С.А. Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму // Древности Степной Скифии. — К., 1982а. — С. 231—236.
- Скорый С.А. [Рец.]: Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Ashmolean Museum. — Oxford, 1979. — 56 p., XVIII pl. // СА. — 1985. — № 1. — С. 279—282.
- Скорый С.А. Археологическая карта погребальных памятников. Крымская область // СППС-СП. — К., 1986. — С. 41—48, 149—179, 292—316.
- Скорый С.А. Стеблѳв: скифский могильник в Поросье. — К., 1997. — 173 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003. — 161 с. +34 илл.

- Скорый С.А. Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 140—171.
- Скорый С.А. Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999—2001 и 2004 гг.) // Revista archeologică. — 2008. — Vol. IV. — Nr. 1. — С. 147—179.
- Скорый С.А. Бронзовая античная матрица из Предгорного Крыма // Stratum plus. — 2013. — № 3 (Понтийские тетради). — С. 193—201.
- Скорый С.А. Поясная пряжка-скачущий воин из Предгорного Крыма // Revista archeologică. — 2013. — Vol. IX. — Nr. 2. — С. 46—56.
- Скорый С.А., Григорьев В.П. Курганы у с. Гладковщина — памятники эпохи скифской архаики в Левобережной Приднепровской террасовой Лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. — Kraków, 2012. — С. 441—459.
- Скорый С.А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Stratum plus. — 2005—2009. — № 3 (Скифские интерпретации). — С. 234—276.
- Скорый С.А., Хохоровски Я. Конское снаряжение из кургана Скифская Могила // Проблемы археологии Восточной Европы. — Харьков, 2008. — С. 132—141.
- Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Чудин А.В. Курганные могильники Чайя и Апан-Сарча в Северо-Западном Крыму // История и археология Северо-Западного Крыма. Материалы к археологической карте Крыма. — Симферополь, 2014. — Вып. XIV. — С. 231—265.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964. — 377 с.
- Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). — Оренбург, 2008. — 142 с.
- Стевен А.Х. Раскопка курганов близ Симферополя летом 1890 г. // ИТУАК. — 1891. — Вып. 11. — С. 147—153.
- Строкин В.Л. Монеты с поселения Голубицкая 2 // Древности Боспора — 2010. — Т. 14. — С. 451—467.
- Супруненко О.Б., Скорый С.А., Сидоренко О.В. Следи стійбища скіфської доби у заплаві Сули біля Лубен // АДУ 2011 р. — Луцьк, 2012. — С. 384—386.
- Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. — К., 1975. — С. 5—34.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 223 с.
- Топал Д.А., Бруяко И.В. Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района (Республика Молдова) // Stratum plus. — 2012. — № 3 (Эллинизм и иранство). — С. 133—144.
- Трейстер М.Ю. Матрицы в торевтике Пантикапея // Скифия и Боспор: археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. — Новочеркасск, 1989. — С. 49—51.
- Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма // ИКОГО. — 1951. — Вып. 1. — С. 85—112.
- Троицкая Т.Н. Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Симферополь, 1954. — 18 с.
- Троицкая Т.Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // ИКОГО. — 1957. — Вып. 4. — С. 67—76.
- Троцька В.І., Гейко А.В. Меч скіфського часу із с. Карабазівки // АЛЛУ. — 2001. — № 2. — С. 81.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб., 2002. — 676 с.
- Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. — М., 1900. — 384 с. (МАК. — Вып. VIII).
- Фодор И. Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем // СА. — 1969. — № 3. — С. 251—254.
- Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 4—52.
- Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. — К., 1899. — Вып. II. — 44 с.
- Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. — К., 1900. — Вып. III. — 62 с.
- Храпунов І.М. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац в Криму // Археологія. — 2004. — № 3. — С. 104—111.
- Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. — Симферополь, 1995. — 83 с.
- Храпунов І.М. Етнічна історія Криму у ранньому залізному віці: Автореф. ... дис. докт. іст. наук. — К., 2003.
- Цвек О.В. Могильник скіфського і сарматського часу на Керченському півострові // Археологія. — 1968. — Т. XXI. — С. 199—205.
- Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдёт Северо-Крымский... — Симферополь, 1966. — 94 с.
- Черненко Е.В. Скіфські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова // Археологія. — 1970. — Вып. 23. — С. 176—181.
- Черненко Е.В. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. — К., 1973. — С. 64—81.

- Членова Н.Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры (МИА. — № 115). — М., 1962. — С. 167—203.
- Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. — М., 1987. — 188 с.
- Шелехань О.В. Випадкові знахідки кинджалів скіфського часу у басейні Сіверського Дінця як свідчення сухопутних комунікацій // Древности. — Харьков. — 2012. — Вып. 11. — С. 324—331.
- Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 90—106.
- Шрамко Б.А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии (МИА. — № 177). — М., 1971. — С. 92—102.
- Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и систематики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976 — С. 194—209.
- Шрамко Б.А. Археология раннего железного века Восточной Европы: Учеб. пособие. — Харьков, 1983. — 134 с.
- Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 22—39.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 183 с.
- Шрамко Б.А. Курганы у с. Весёлое в Харьковской области // Вестник Харьковского университета. — 1992. — Вып. 25. — С. 114—120.
- Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. — Харьков, 1998. — С. 9—131.
- Шрамко Б.А. Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племён Скифии // РА. — 2002. — № 1. — С. 163—166.
- Шрамко И.Б. Краткие итоги исследований на Западном укреплении Бельского городища в 1994 году // ПАЗ. — 1995. — № 3. — С. 66—71.
- Шульц П.Н. Тавро-Скифская экспедиция // КСИИМК. — 1949. — XXVII. — С. 56—66.
- Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван Б. Курганы скифской знати в западном Крыму. — Симферополь, 2013. — 103 с.
- Щепинский А.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. — 1962. — С. 61—74.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. — Симферополь, 1969. — 328 с.
- Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II IV в. до н. э. — М., 2011. — 2011 с.
- Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930) // ИТОИАЭ. — 1931. — Т. IV. — С. 72—92.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.): Каталог коллекции. — М., 2013. — Кн. 1. — 231 с.
- Яковенко Э.В. Скифы Восточного Крыма в V—III вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1969. — 23 с.
- Яковенко Э.В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. — К., 1970. — С. 113—135.
- Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА. — 1972. — № 3. — С. 259—267.
- Яковенко Э.В. Скифы Східного Криму в V—III ст. до н. е. — К., 1974. — 150 с.
- Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 128—137.
- Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII—III вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — М., 1985. — 35 с.
- Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. — К., 1970. — С. 136—179.
- Яценко И.В. Скифия VII—V веков до нашей эры. Археологические памятники степного Приднепровья и Крыма VII—V веков до нашей эры. — М., 1959. — 119 с. (Тр. ГИМ. — Вып. 36).
- Bakay K. Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. — Budapest, 1971. — 131 p.
- Borovka G. Scythian Art. — New-York, 1928. — 190 p.
- Bukowski Zbigniew. The Scythian Influence in the Area of Lusatian culture. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. — 378 p.
- Chochorowski J., Skoryj S. Kobiace nakrycie głowy z centralnego grobowka Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // MSROA. — 1999. — Т. XX. — С. 301—311.
- Kemenczei T. Die Schwerter in Ungarn II. — München, 1991. — 101 S. + 90 Taf. (PBF. — Abt. IV, Bd. 9).
- Kemenczei T. Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe. — Budapest, 2009. — 410 S.
- Leskov A.M. The Maikop Treasure. — Philadelphia, 2008. — 294 p.
- Rostovtzeff M.I. Bronzeschnallen aus Südrussland // Prähistorische Zeitschrift. — 1931. — № 22. — С. 46—55.
- Scheglov A.N., Katz V.A. A Fourth-Century B.C. Royal Kurgan in the Crimea // The Metropolitan of

- Art. Metropolitan Museum Journal. — 1991. — № 26. — P. 97—122.
- Scythian art. The Legacy of the Scythian World: mid 7th to 3rd century B.C.* — Leningrad, 1986. — 184 p.
- Simion Gavrilă. Tombes tumulaires dans la necropolis de Celic-Dèrè // Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Actes du IIe Coll. Internation. d'Archéol. Funèr.* — Tulcea, 2000. P. 69—82.
- Simion Gavrilă. Culturi antice on zona Gurilor Dunării // Preistorie și protoistorie.* — Cluj-Napoca, 2003. — Vol. I. — P. 247—258.
- Stantchev Dimitar. Warrior Burial in the Lower Course of the Yantra // Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Actes du IIe Collog. Internation. d'Archéol. Funèr.* — Tulcea, 2000. — P. 35—44.
- Vasiliev Valentin. Sciții agatârși pe teritoriul României.* — Cluj-Napoca, 1980. — 186 + 28 pl.
- Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Ashmolean Museum.* — Oxford, 1979. — 56 p. + XVIII pl.
- Vickers M. Scythian and Thracian antiquities in Oxford.* — Oxford, 2002. — 80 p.
- Vulpe A. Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien.* — München, 1990. — 145 S. + 68 Taf. (PBF. — Abt. VI, Bd. 9).
- Скорый С.А. Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Дисс. ... канд. ист. наук // НА ИА НАНУ.* — Ф. 12/611.
- Толстикова В.П., Белик Ю.Л. Отчёт о раскопках Пантикапея в 2013 г. // НА ИА НАНУ.*
- Черненко Е.В. Скифские мечи и кижалы (свод источников) // НА ИА НА. — ПТ № 107.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	— Археологічні відкриття в Україні
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ИКОГО	— Известия Крымского отделения географического общества Союза ССР.
ИТУАК	— Известия Таврической учёной архивной комиссии.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины.
НМИУ	— Национальный музей истории Украины
ОАК	— Отчёт Археологической комиссии.
ПАЗ	— Полтавський археологічний збірник
РА	— Российская археология.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
СППССП	— <i>Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья.</i> — К., 1986. — 368 с.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея.
ХСб	— Херсонесский сборник.
MSROA	— Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde.

Наукове видання

Сергій СКОРИЙ
Роман ЗИМОВЕЦЬ

СКІФСЬКІ СТАРОЖИТНОСТІ КРИМУ

**МАТЕРІАЛИ
ОДНІЄЇ КОЛЕКЦІЇ**

Мова *російська*

Друкується в авторській редакції

Фото *авторські*

Підписано до друку 12.12.2014 р. Формат 60 × 84/8. Гарнітура Palatino Linotype.
Папір ????. Друк цифровий. Ум.-друк. арк. 17,6. Обл.-вид. арк. 20,1. Наклад 500 прим.

Видавець Олег Філюк. 07300, м. Вишгород, вул. Дніпровська ЗБ, кв. 97.
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України,
Серія ДК № 4506 від 18.03.2014 р. rufondukr@yandex.ru

Друк: ФО-П Поліщук О.Ф.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2142 від 31.03.2005.
07400, м. Бровари, вул. Незалежності, 2, кв. 148.

СКОРЫЙ Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии раннего железного века Института археологии Национальной Академии наук Украины. В 1979 г. окончил исторический факультет Симферопольского (Таврического) университета, в 1982 г. – аспирантуру Института археологии НАН Украины (Киев).

Диссертации: «Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)» (Киев, 1983), «Кочевники предскифской и скифской поры в Днепроградской Правобережной Лесостепи (вопросы этнокультурной истории)» (Киев, 1997).

Автор и соавтор более 280 научных работ, в том числе 14 монографий, среди которых: «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья» (Киев, 1986, в соавторстве), «Памятники скифской эпохи Днепроградской Лесостепной Правобережья» (Киев, 1989, в соавторстве), «Курган Переп'ятиха (до этнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя)» (Київ, 1990), «Стеблів: скифський мопильник в Поросьє» (Киев, 1997), «Киммерийці в українській Лесостепі» (Киев; Полтава, 1999), «Мотронинське городище скифської епохи» (Киев; Краков, 2001, в соавторстве), «Скифи в Днепроградской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)» (Киев, 2003), «Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепроградской Правобережной Надпорожье» (Днепропетровск, 2009, в соавторстве).

Принимал участие в раскопках погребальных памятников и поселений раннего железного века в АР Крым, Киевской, Черкасской, Винницкой, Полтавской областях.

В настоящее время научные интересы сосредоточены в основном на изучении памятников эпохи раннего железа в украинской Лесостепи.

ЗИМОВЕЦ Роман Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии имени Г.С. Сковороды Национальной Академии наук Украины. Философ, историк. В 1996 году окончил философский и исторический факультеты Национального университета имени Тараса Шевченко (Киев), в 2000 г. – аспирантуру Института философии НАН Украины.

Диссертация: «Феномен владі в культурі» (Киев, 2001).

Автор более десяти научных работ по различным вопросам философии культуры и социальной философии. Соавтор монографии «Идея культуры: виклики сучасної цивілізації» (Киев, 2003).

В настоящее время научные интересы сосредоточены на проблемах онтологии права, специфики правовой морали, философии культуры, а также исследовании искусства скифской эпохи.

